

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ПСИХИАТРИИ И НАРКОЛОГИИ ИМЕНИ В.П. СЕРБСКОГО»
МИНИСТЕРСТВА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На правах рукописи

Никитский Иван Сергеевич

**ВОСПРИЯТИЕ И ОЦЕНКА ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ СИТУАЦИИ
ЛИЦАМИ С РАССТРОЙСТВАМИ ЛИЧНОСТИ**

Специальность: 3.1.17 – «Психиатрия и наркология»

Диссертация

на соискание учёной степени кандидата медицинских наук

Научный руководитель:
доктор медицинских наук, профессор
Андрей Анатольевич Ткаченко

Москва-2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ.....	12
1.1. Теоретические представления о концепте ситуации в судебной психиатрии.....	12
1.2. Механизм воздействия ситуационных факторов на поведение.....	17
1.3. Процесс осмысления в качестве ключевого механизма адаптации субъекта к среде.....	26
1.4. Концепция аффордансов как способ концептуализации субъективного восприятия и оценки ситуации.....	31
1.5. Способы анализа личностно-ситуационной взаимосвязи.....	37
1.6. Анализ объективных данных юридически значимой ситуации.....	41
ГЛАВА 2. МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	47
ГЛАВА 3. ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ СИТУАЦИЙ.....	68
3.1. Взаимосвязи объективно фиксируемых параметров юридически значимой ситуации.....	69
3.2. Взаимосвязи параметров субъективного восприятия юридически значимой ситуации.....	83
3.3. Взаимосвязи параметров субъективного восприятия и объективно фиксируемых параметров юридически значимой ситуации.....	89
ГЛАВА 4. ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ СИТУАЦИИ В КЛИНИЧЕСКИХ ГРУППАХ.....	95
4.1. Сопоставление категориальных типов расстройств личности и их доменной структуры.....	95
4.2. Различия в процессах восприятия и оценки ситуации в рамках категориального подхода в диагностике личностных расстройств.....	100

4.3. Различия в восприятии и оценке ситуации в рамках дименсиональной модели диагностики личностных расстройств.....	102
ГЛАВА 5.....	110
5.1. Значение параметров субъективного восприятия ситуации в механизмах саморегуляции.....	110
5.2. Взаимосвязь типов юридически значимых ситуаций с вариантами их субъективного восприятия.....	114
5.3. Взаимосвязи параметров субъективного восприятия с динамикой расстройств личности.....	122
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	128
ВЫВОДЫ.....	139
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	144
ПРИЛОЖЕНИЕ №1.....	160
ПРИЛОЖЕНИЕ №2.....	162

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Одной из задач, стоящих перед судебно-психиатрической экспертизой, является объективизация роли внешних обстоятельств (ситуации) при совершении юридически значимых деяний. Учет не только внутренних, но и внешних условий обязателен при анализе саморегуляции как системного многоуровневого иерархически организованного процесса постановки субъектом целей, построения последовательности действий по их достижению.

Моделирование юридически значимой ситуации на основе выявленных при экспертном исследовании психопатологических и патопсихологических данных и анализа объективных обстоятельств является необходимым компонентом судебно-психиатрической оценки влияния психических расстройств на деятельность субъекта и сохранности механизмов ее произвольной саморегуляции (Ткаченко А.А., Корзун Д.Н., 2020).

Еще Е.К. Краснушкиным (1927) был выделен «криминопровоцирующий фактор» как «ключ, открывающий личность», правонарушение при этом было обозначено им как «социальная реакция» личности на непосредственное ее окружение, то есть имеющее психогенное происхождение. Общепринятыми в судебной психиатрии стали представления, согласно которым общественно опасные деяния совершаются в результате совокупного воздействия психопатологических, личностных и ситуационных факторов (Мальцева М.М., Котов В.П., 1995).

В силу этого категория ситуации рассматривалась в качестве одного из определяющих элементов в общей модели саморегуляции, хотя «не существует и не может существовать ситуации (в том числе юридически значимой) самой по себе – она всегда чья-то, и даже в норме зачастую

воспринимается разными людьми принципиально иначе» (Ткаченко А.А., Демидова Л.Ю., 2020).

Согласно В.Г. Булыгиной и Н.Е. Лысенко (2021), процесс принятия юридически значимого решения определяется смысловым содержанием ситуации, включающим представление о себе (своих целях, мотивах, возможностях), а также о среде, в которой находится субъект. Однако, по мнению авторов, методическая разработанность анализа смысловой составляющей противоправного поведения на сегодняшний день недостаточна. Альтернативой имеющемуся инструментарию был предложен метод экспериментального моделирования ситуации конфликта, который предоставляет возможность для осуществления максимально полного отражения различных характеристик противоправных ситуаций, а также изучать более широкий класс феноменов.

Степень разработанности темы исследования

Сложившиеся в рамках судебной психиатрии и психологии теоретические представления о роли ситуации в осуществлении противоправных деяний сводятся к принципу, согласно которому ситуационные факторы, сталкиваясь с дефицитарными звеньями в личностной структуре субъекта, приводят к ограничению его адекватного функционирования (Вандыш В.В., 2008). Указанный принцип прослеживается в ряде работ, направленных на исследование механизмов агрессивных аффективных правонарушений (Печерникова Т.П., Гульдман В.В., Остришко В.В., 1983), позволивших установить некоторые отличительные признаки, лежащие в основе аффективного реагирования лиц с расстройством личности, прослеживаемых также и на уровне клинических форм психопатий.

Подобные отличительные признаки объяснялись полярностью самооценки, нарушениями прогнозирования (Гульдман В.В., 1975, 1977), недостатком оценочных признаков при восприятии нейтральных и субъективно значимых стимулов (Кудрявцев И.А., Сафуанов Ф.С., 1984),

нарушениями моделирования и оценки результатов деятельности (Кудрявцев И.А., Лапшина Е.Н., 2008). Воздействие ситуационных факторов на нарушения саморегуляции лежат в основе аномальных-личностных механизмов противоправного поведения.

Схожие представления о роли воздействия ситуационных факторов на деятельность человека обнаруживаются в идеях интеракционизма, представляющих поведение человека как результат личностно-ситуационной взаимосвязи. Наряду с этим основная перспектива исследования интеракционистов была сфокусирована на процессах субъективного восприятия и оценки. В связи с этим наиболее часто применяемой среди сторонников данной концепции стало предложенное J.B. Rotter (1955) понятие психологической ситуации, то есть «ситуации, как она интерпретируется и осмысливается субъектом».

Процессы субъективного восприятия ситуации при этом не рассматривались как исключительно пассивные и односторонние, а лежали в основе «*транзакций*» – взаимонаправленных динамических связей между средой и субъектом (Pervin L.A., 1968; Endler N.S. и Magnusson D., 1976). Таким образом, психологическая ситуация представляла собой результат функционирования процесса осмысления (sense-making), конструирующего «аффективную реальность», не детерминированную конкретными, осязаемыми элементами окружающей среды, а существующей в качестве отношения между организмом и социальной и физической средой, в которую он встроен, направленных на его самоподдержание и адаптацию. Именно характер процесса осмысления, являясь ключевым фактором в адаптивности субъекта к его среде, предлагался в качестве определяющего критерия в диагностике психических расстройств (Varela F.J., Thompson E., Rosch E., 2016; Nielsen K. & Ward T., 2018, Nielsen K., 2022).

T. Ward и H. Dent (2021) при этом указывали, что, осуществляя осмысление среды, человек также остается способным воздействовать на нее, привнося свои «структуры смысла», тем самым создавая новые возможности

к действию. В свете этого с целью операционализации оценки процесса осмысления рядом исследователей (Maisie M., 2021; K. Nielsen, 2022) был предложен концепт *аффорданса* (Gibson J.J., 1986), понимаемый ими как возможность к действию, возникающая вследствие отношения объективных характеристик окружения с имеющимися у субъекта потребностями. E. Rietveld и J. Kiverstein (2014) было введено понятие «*поля аффордансов*» – «ситуационно-специфичный индивидуальный „отрывок“» окружающей среды, содержащий в себе набор возможностей, актуальных для конкретного агента в конкретной ситуации в силу его индивидуальных целей, потребностей, интересов и предпочтений (de Haan S., Rietveld E., Stokhof M., Denys D., 2013). Именно по характеру построения «поля» M. Maisie (2021) предлагала проводить разграничение между адаптивным и неадаптивным процессом осмысления.

В качестве способа анализа «поля аффордансов» была предложена модель, измерявшая его по трем осям, отражающим: 1) развернутость возможностей к действию, которые воспринимает субъект, 2) временную развернутость аффордансов, а также 3) значимость каждого из аффордансов, на который реагирует субъект. Применимость указанной модели была продемонстрирована на примере таких нозологий, как депрессия и обсессивно-компульсивное расстройство (de Haan S., Rietveld E., Stokhof M., Denys D., 2013).

Таким образом, существующие научные взгляды представляют воздействие ситуационных факторов на поведение субъекта в качестве личностно-ситуационного взаимодействия, в основе которого лежат процессы восприятия и оценки. Результатом функционирования указанных процессов является формирование психологической ситуации, демонстрирующей отношение реальных внешних обстоятельств и актуальных потребностей субъекта, что предоставляет набор возможностей к действию (аффордансов).

Цель исследования: определение роли особенностей восприятия и оценки юридически значимой ситуации в механизмах противоправного поведения у обвиняемых с расстройством личности.

Задачи исследования:

1. Выделение объективно фиксируемых криминогенных факторов юридически значимой ситуации.
2. Установление закономерностей формирования субъективного образа ситуации совершения общественно-опасного деяния
3. Определение влияния ситуативных факторов на особенности психической саморегуляции противоправного поведения.
4. Выделение патохарактерологических свойств и особенностей актуального состояния, оказывающих существенное влияние на восприятие обстоятельств совершения инкриминируемого деяния.
5. Разработка принципа судебно-психиатрического анализа юридически значимой ситуации.

Научная новизна исследования

Выделены объективно фиксируемые параметры юридически значимых ситуаций, среди которых определены наиболее значимые для их типологии обстоятельства совершения агрессивных противоправных деяний. Впервые представлены варианты субъективного восприятия юридически значимой ситуации, отражающие степень ограничения выбора действия, показан характер взаимодействия параметров субъективного восприятия и объективно фиксируемых обстоятельств. Установлены особенности восприятия юридически значимой ситуации в зависимости от клинической формы расстройств личности в рамках категориальной диагностики, набора дезадаптивных личностных черт, выделяемых в дименсиональной модели, а также динамики личностных расстройств. Представлены модели личностно-ситуационного взаимодействия, которые демонстрируют механизмы

воздействия ситуационных переменных на личность, определяющие ограничения в выборе юридически значимого действия.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Выделены ключевые для экспертной оценки агрессивных противоправных деяний лиц с расстройством личности ситуативные параметры, которые имеют наиболее значимое отношение к условиям развития юридически значимых обстоятельств, а также обнаруживают взаимосвязь с процессами восприятия и ограничения произвольности юридически значимого поведения. Разработан принцип судебно-психиатрической оценки категории ситуации, заключающийся в анализе предкриминального конфликта испытуемого и потерпевшего, субъективной значимости ситуации, представленности в ней вариантов действий и ее временной развернутости, а также в сопоставлении характеристик субъективного восприятия и объективно фиксируемых условий развития юридически значимых обстоятельств с клинической картиной расстройства личности. Указанные принципы будут способствовать повышению качества экспертных заключений и снижению числа повторных судебно-психиатрических экспертиз.

Положения, выносимые на защиту

1. Воздействие ситуационных факторов на противоправное поведение происходит в рамках личностно-ситуационного взаимодействия, результатом которого является формирование психологической ситуации, определяющей количество доступных субъекту вариантов действий. В связи с этим анализ юридически значимой ситуации подразумевает комплексный учет ее объективной и субъективной составляющих.
2. Объективно фиксируемая составляющая ситуации содержит ряд взаимосвязанных параметров, отражающих характер возникновения и

развития юридически значимых обстоятельств, которые могут служить основанием для построения гипотез по оценке произвольности деятельности субъекта.

3. Субъективное отражение юридически значимой ситуации зависит как от ее объективных характеристик, так и от набора черт личности испытуемого. В силу этого наличие дезадаптивных личностных черт определяет характер восприятия ситуации и доступные в ней тактики поведения. В этой связи необходимым этапом в оценке категории ситуации является детальный анализ дезадаптивных личностных черт испытуемого с использованием как категориального, так и дименсионального подходов.
4. Результатом взаимодействия ситуационных параметров и дезадаптивных черт личности индивида является формирование субъективного образа ситуации, предоставляющего информацию о количестве и характере возможных вариантов действий. Оценка механизма формирования указанного субъективного образа ситуации представляется необходимым этапом судебно-психиатрического анализа юридически значимого поведения.

Реализация и внедрение результатов исследования

Результаты исследования используются в работе отделов судебно-психиатрических экспертиз в уголовном процессе ФГБУ «Национального Медицинского Исследовательского Центра Психиатрии и Наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России, ГБУЗ ДЗМ «Московского Научно-Практического Центра Наркологии», ГАУЗ СО «Свердловской Областной клинической психиатрической больницы».

Публикация и апробация результатов исследования

Результаты исследования представлены на Всероссийском конгрессе с международным участием «Нейропсихиатрия в трансдисциплинарном пространстве: от фундаментальных исследований к клинической практике»

(Санкт-Петербург, 25–26 мая 2023 года); на Всероссийском конгрессе с международным участием «Психическое здоровье в меняющемся мире» (Санкт-Петербург, 23-24 мая 2024 года).

Диссертация апробирована на проблемном совете ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России 13 декабря 2024 г. По материалам диссертационного исследования опубликованы 4 работы в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Объем и структура диссертации

Диссертация изложена на 195 страницах машинописного текста и включает следующие разделы: введение, 5 глав, заключение, выводы, 2 приложения, список использованной литературы (общее число библиографических источников – 146, из них – 61 отечественных, 85 иностранных). Иллюстративный материал диссертации включает 25 рисунков и 7 таблиц.

ГЛАВА 1. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

1.1. Теоретические представления о концепте ситуации в судебной психиатрии

Представления о психопатологических и поведенческих нарушениях субъекта в момент юридически значимой ситуации были сформулированы Ф.В. Кондратьевым (1990) в виде концепции «синдром-личность-ситуация», согласно которой повышенные требования криминальной ситуации к субъекту, сталкиваясь с дефицитарными звеньями в его личностной структуре, приводят к ограничению адекватного функционирования (Вандыш В.В., 2008).

Указанный принцип нашел свое отражение в типологии аффектогенных криминальных ситуаций, предложенной В.В. Остришко (1977). Первую группу составляли «реальные» ситуации, понимаемые как «неспецифические» (внехарактерологические) и содержащие в себе «объективно воздействующие на личность психотравмы», а именно неправомерные и противоправные действия по отношению к субъекту. Отмечалось, что аффективная реакция на указанный тип ситуаций была свойственна как лицам с расстройствами личности, так и психически здоровым людям. Вторая группа включала в себя «условные» ситуации, отличающиеся селективной значимостью именно для лиц с расстройствами личности. Третья группа обозначалась как «смешанные» ситуации (условно-реальные, реально-условные). В них сочетались как объективные психотравмирующие, так и специфические условия, соотношение которых варьировалось от случая к случаю. Указанная «условность» ряда ситуаций объяснялась В.В. Остришко воздействием ситуационных факторов на «компоненты психопатической структуры характера», а именно на: 1) систему ценностей, личностные установки и

мотивацию (личностный уровень); 2) тип высшей нервной деятельности (конституциональный уровень); 3) особенности мышления.

Дальнейшее исследование механизмов агрессивных аффективных правонарушений (Печерникова Т.П., Гульдан В.В., Остришко В.В., 1983) позволило выделить ряд отличительных признаков, лежащих в основе подобного реагирования психически здоровых и лиц с расстройством личности. Так, агрессивные аффективные реакции у психически здоровых определялись необходимостью ответных действий, восприятием ситуации как безвыходной при невозможности выбора адекватных тактик поведения в «субъективно значимой, эмоционально окрашенной обстановке совершения противоправных действий». Интерпретация и порог аффективного реагирования на ситуационные стимулы зависели от характерологических особенностей субъектов – неустойчивости самооценки и неспособности к быстрому принятию решения. В свою очередь, аффективные реакции лиц с расстройствами личности возникали из-за их повышенной эмоциональности, склонности к формированию сензитивных, сверхценных образований, недостаточности интеллектуального и волевого контроля своих действий.

Наряду с этим, авторами была обнаружена специфичность аффектогенных ситуаций относительно клинических форм расстройств личности. Так, для возбудимых и паранойяльных форм аффектогенными представлялись условия, требовавшие уступить занятые позиции, проявить спокойствие и невмешательство. Для лиц с истерическим радикалом таковыми были ситуации, ограничивавшие возможности для внешних контактов, снижавшие самооценку и затрагивавшие уровень притязаний. В свою очередь, аффективное реагирование тормозимых личностей предваряли ситуации, влекущие за собой нарушение привычных стереотипов деятельности, требовавшие самостоятельности и решительности. Общей же аффектогенностью для всех вариантов расстройств личности обладали ситуации: 1) предъявляющие повышенные требования к возможностям нервной организации; 2) ущемляющие основную личностную позицию; 3)

требующие рациональной оценки событий и планирования своего поведения с учетом прошлого опыта и прогноза возможных последствий своих действий.

Специфичность аффектогенных ситуаций, по мнению В.В. Гульдана (1975, 1977), также была связана и со свойственным лицам с расстройствами личности нестабильностью и полярностью самооценки, которая, теряя позиционный характер, переставала выполнять функцию звена обратной связи между возможностями субъекта и предъявляемыми ситуацией требованиями, что влекло за собой нарушение адекватной регуляции. Наряду с этим прогнозирование деятельности психопатических личностей отличалось своей ограниченностью: на этапе программирования своих действий они исходили преимущественно из непосредственно предшествующих событий, вычлняя из накопленного субъективного опыта лишь информацию, указывавшую на достижимость цели, что значительно сокращало набор альтернатив поведения. Представленные факторы лежали в основе «неадекватного уровня притязаний» у психопатов. Они предпочитали более трудные задачи, при этом дальнейшее несоответствие притязаний полученным результатам вызывало у них аффективную реакцию и неадекватные тактики поведения, проявлявшиеся в выборе еще «более трудных» целей. В.В. Гульдана указывал, что приведенные особенности лежали в основе формирования нарушений опосредованности мотивации и приводили к возникновению ситуационно-импульсивных и аффектогенных мотивов, обеспечивая более широкий спектр возможных психотравмирующих событий, влекущих за собой аффективную реакцию.

На обращение к ограниченному отрезку эмоционального и смыслового опыта указывали также И.А. Кудрявцев и Ф.С. Сафуанов (1984), отмечавшие, что для лиц с расстройствами личности характерно оперирование меньшим количеством оценочных признаков при восприятии как нейтральных, так и субъективно значимых стимулов, что приводило к искаженному смысловому отношению к объектам окружающей их среды. Обнаруженная у них поляризация воспринимаемых стимулов объяснялась возрастающей

переоценкой личностного смысла субъективно более значимых стимулов и утратой эмоционально-смыслового отношения к нейтральным стимулам, что обуславливало психотравмирующий характер условно нейтральных поводов.

Таким образом, по мнению И.А. Кудрявцева (1999), актуальное состояние мотивационной сферы и характер предшествующих переживаний формировали субъективную значимость ситуации, что и обуславливало индивидуальность психотравмирующего воздействия ситуационных факторов. Однако, не менее важным элементом являлась и субъективная внезапность аффектогенной ситуации, поскольку новые, непривычные для личности ситуации, не имеющие апробированных программ решения, в силу малого количества времени могли приводить к невозможности выбора адекватного действия.

Субъективное восприятие окружающей действительности легло и в основу выделенного А.В. Хрящевым (2004) ситуационного регистра экспертной оценки ограниченной вменяемости, в рамках которого была представлена типология наиболее характерных ситуаций, приводящих к совершению преступных деяний: 1) Обстоятельства, субъективно не оставляющие свободы выбора действий; 2) Обстоятельства, вынуждающие к действиям; 3) Субъективно провоцирующие обстоятельства; 4) Индифферентные обстоятельства; 5) Сдерживающие обстоятельства. Сопоставив ситуационные факторы с устойчивыми вариантами нарушения системы саморегуляции, А.В. Хрящев выделил три механизма противоправного поведения, отличающие ограниченно вменяемых лиц, которые были обозначены как аномально-личностные: 1) Аномально-личностные механизмы непосредственной ситуационной обусловленности; 2) Аномально-личностные механизмы опосредованной многофакторной зависимости; 3) Аномально-личностные механизмы авторитарной инициации.

Нарушения на личностно-мотивационном (смысловом) уровне влекут за собой дизрегуляцию и на операциональном. Так, И.А. Кудрявцевым и Е.Н. Лапшиной (2008) был установлен ряд дефектов на целевом уровне

саморегуляции в виде нарушений моделирования и оценки результатов деятельности, которые были обусловлены различными механизмами. У лиц с аффективной ригидностью указанные нарушения возникали за счет повышенной избирательности восприятия, у тревожных личностей – за счет проблематичности выделения существенных параметров ситуации, нечеткости критериев успешности деятельности, у испытуемых с чертами шизоидности нарушения моделирования и оценки результатов деятельности возникали за счет несформированности социальных эталонов для оценки параметров ситуации и своего поведения.

Совокупность нарушений как на эмоционально-смысловом, так и на операциональном уровне при осуществлении криминальной активности обнаружили свою нозоспецифичность. Так, у лиц с расстройствами личности были выделены три вида ситуаций: ситуация, не затрагивающая эмоциональную сферу; ситуация, затрагивающая «Я-позицию» и «Я-концепцию»; конфликтная проблемная ситуация. Находясь в данных обстоятельствах, указанные лица в первую очередь демонстрировали нарушения в оценке ситуации, придавая либо чрезмерную, либо недостаточную значимость различным ее деталям, что вело к дальнейшим нарушениям целеполагания и целедостижения. Степень дисгармоничности личностной структуры опосредовала субъективную сложность ситуации, представляя внешние обстоятельства в качестве провоцирующих. Данный подход лег в основу предлагаемого алгоритма экспертного исследования, в рамках которого ситуационные факторы (криминальная и предкриминальная ситуация) должны быть изучены на предмет их «провокационности» в отношении дефектных звеньев когнитивной, эмоционально-волевой сфер и личностной структуры испытуемого, после чего предусматривалась экстраполяция полученных данных на его противоправные действия (Савина О.Ф., Макушкин Е.В., Морозова М.В., 2018).

Для многофакторного анализа взаимодействия синдрома, личности и ситуации В.Г. Булыгина и соавт. (2018) разработали и применили методику

«Ситуационного анализа». Авторами были выявлены различия в механизме принятия решений у психически здоровых и психически больных обвиняемых при условиях повышенной неопределенности и эмоциональной насыщенности ситуации. Эти различия заключались в неадекватности восприятия ситуации, в недостаточном охвате ее деталей, в отсутствии учета социального контекста и эмоциональной составляющей ситуации, а также интерпретации ее в агрессивном контексте психически больными.

Таким образом, воздействие ситуационных факторов рассматривается в качестве одного из определяющих элементов в общей модели саморегуляции. Однако, общепризнанная невозможность обособленного выделения объективных характеристик внешних обстоятельств, действующих в отрыве от индивидуально-личностных особенностей восприятия параметров ситуации, ставит задачу поиска в судебной психиатрии и психологии механизмов взаимодействия внешних обстоятельств и внутренних условий их переработки, которые влияют на произвольность юридически значимой деятельности.

1.2. Механизм воздействия ситуационных факторов на поведение

Современные представления о роли воздействия ситуационных факторов на деятельность человека берут свое начало от идей интеракционизма, базирующихся на постулате К. Lewin (2000) о том, что поведение представляет собой функцию личности и ситуации ($B = f(P, E)$). Одной из основных перспектив изучения ситуации в указанном теоретическом направлении является исследование ее субъективного восприятия и оценки: «Понимание представлений индивида о мире и понимание его восприятия и интерпретации конкретной ситуации, в которой он находится, позволяет понять его фактическое поведение в этой ситуации» (Magnusson D., Ekehammar B., 1978). В связи с этим наиболее часто применяемой среди сторонников интеракционизма стало предложенное J.B. Rotter (1955) понятие

психологической ситуации, то есть «ситуации, как она интерпретируется и осмысливается субъектом».

Отмечая динамическое свойство границ психологической ситуации, D. Magnusson (1981) указывал на принципиальность исследования ее контекста. Выделив в пространстве психологической ситуации такие категории как: 1) элементы в фокусе внимания субъекта, 2) элементы, рассматриваемые второстепенно и 3) элементы, полностью игнорируемые, он подчеркивал, что находящаяся в центре внимания информация изменчива и зависит от текущих целей индивида. Наряду с этим стимулы, рассматриваемые как второстепенные, хотя и не осознаются, но также влияют на поведение субъекта. Анализируя временной аспект ситуации, D. Magnusson указывал, что то, какая информация находится в центре внимания и что рассматривается второстепенно, зависит от событий, предшествовавших текущему моменту, и будет определять дальнейшие последствия. Таким образом, хронологически смежные ситуации влияют друг на друга. Например, знание о предстоящем событии может воздействовать на когнитивные и эмоциональные состояния субъекта в настоящий момент.

Рассматривая психологические ситуации в когнитивно-атрибутивном ключе, D. Magnusson (1971) постулировал, что они, будучи представленными и связанными между собой в когнитивном пространстве, обретают свое психологическое содержание путем проекции на «когнитивные измерения» субъекта. На основе суждений респондентов о представленных им 36 ситуациях было выделено пять факторов, отражавших их психологическое содержание и обозначенных как "позитивные", "негативные", "пассивные", "социальные" и "активные". Указанные факторы демонстрировали временную стабильность, имели схожесть у участников одной социальной группы и представляли собой ясные психологически интерпретируемые структуры.

Психологическая ситуация подразделялась D. Magnusson и B. Ekehammar (1978) на две субъединицы – «ограниченные ситуационные факторы», представляющие собой набор ситуационных стимулов,

вычлененных из общего потока информации, и «общие ситуационные факторы» – ранее воспринятые и интерпретированные характеристики ситуаций, выступающие в качестве системы отсчета, определяющей выбор и интерпретацию субъектом конкретных стимулов и событий, а также его ожиданий и прогнозов в отношении возможных адекватных вариантов действий. На основе этого D. Magnusson (1981) заключал, что субъективное восприятие ситуации отражено в системе представлений индивида о себе, абстракциях и концепциях мира, формируется и постепенно изменяется в непрерывном взаимодействии с окружающей средой, с которой он сталкивается.

В подобном же ключе процесс восприятия ситуации рассматривался N. Cantor с соавт. (1982) на основе исследованных ими когнитивных прототипов, представлявших собой ранее усвоенные признаки объектов внешней среды. Предполагалось, что воспринятые характеристики ситуации, как и любые объекты, соотносятся сознанием субъекта с имеющимися у него категориями. Понятие прототипичности отражало степень принадлежности ситуации к категории: чем большим количеством признаков объект принадлежал к данной категории, тем выше была его прототипичность по отношению к ней. От представленных ранее «общих факторов ситуации» «прототипы» отличал тот факт, что принадлежность ситуации к категории являлась непрерывной, а не дихотомической переменной. Это позволяет субъекту судить о ситуациях более дифференцированно, чем просто распределять ее оценки по полюсам дименсий (плохая/хорошая).

Л.Ф. Бурлачук, Н.Б. Михайловой (2002) также было выделено несколько шкал для классификации ситуаций, включавших в том числе шкалы «простоты-сложности» ситуаций, их «новизны-известности», «значимости-незначимости», соответствия ситуаций потребности самореализации субъекта, социальной благополучности, «стабильности-изменчивости», пространственной и временной разверстки ситуаций.

Рассматривая психологическую ситуацию как открытую, нелинейную, иерархически организованную систему, Е.В. Рягузова (2004) выделяла схожие оси анализа ситуации, обозначив их как бинарные оппозиции:

1) индивидуальность–социальность демонстрирует психологическую ситуацию как способ репрезентации мира, интерактивную единицу, возникающую на стыке внешнего, объективного и внутреннего, субъективного миров;

2) социальная нормированность–девиация связана с некоторой конвенциональностью границ психологических ситуаций и предписанных правил поведения в них. Хотя структура психологических ситуаций и не является сугубо социально детерминированной, однако игнорирование социальных норм может поставить под сомнение компетентность личности либо привести к дисквалификации субъекта как знающего члена общества. Именно благодаря наличию таких норм обеспечивается согласованность психологических ситуаций разных субъектов, а также успешная интеракция в рамках идентичных (или близких) ситуаций;

3) уникальность–универсальность предполагает оценку психологической ситуации с позиций индивидуальности приобретенного опыта или же с точки зрения его привычности и типичности среди общества;

4) предсказуемость–непредсказуемость определяет два возможных способа интерпретации психологических ситуаций. Первый обусловлен позицией индивидуального субъекта, выступающего наблюдателем по отношению к самому себе, а второй способ интерпретации апеллирует к позиции внешнего наблюдателя, объективируемого социума;

5) одномерность–многомерность отражает степень сложности, одного из центральных показателей, включающего в себя субъективную трудность и разрешимость ситуации, возможность воздействия на ситуацию и цену этого воздействия.

При анализе психологических ситуаций Е.А. Сергиенко с соавт. (2010) также опирались на параметр сложности. Ситуации разделялись ими на две

категории – актуальные и трудные. В случае актуальной ситуации субъект сталкивается с обстоятельствами, в связи с которыми у него возникают желания, потребности, конфликты. Главным критерием актуальной ситуации является наличие собственной позиции субъекта в текущей обстановке – способности осознать свои потребности и необходимость приложения определенных усилий для их реализации. Другими словами, актуальность ситуации заключается в наличии ее активной оценки и отношения к ней со стороны субъекта.

При поиске критериев трудных (сложных) жизненных ситуаций возникал вопрос о том, что является определяющим для отнесения ситуации к трудным: особые условия или специфика регуляции субъекта? Авторы опирались на мнение Л.И. Анцыферовой (1994), которая трудной жизненной ситуацией считала потерю, уничтожение личностного смысла или особой ценности чего-либо. Основными признаками трудной ситуации назывались ролевая неопределенность, ролевая перегрузка или недогрузка, ролевой конфликт. Согласно авторам, момент, сигнализирующий о возникновении серьезной проблемы, представлял собой невозможность достижения значимой цели в конкретных обстоятельствах.

Следовательно, при понимании ситуации как результата взаимодействия субъекта и его актуальных и трудных жизненных обстоятельств именно «регуляция поведения становится причиной и условием возникновения той или иной ситуации» (Сергиенко Е.А. с соавт., 2010). Так, ограничивая ситуацию моментом выбора альтернатив действия, авторы указывали, что низкий уровень когнитивного контроля не позволяет субъекту всесторонне оценить актуальные обстоятельства, что влечет за собой неверное построение программы действий и операций, а также прогнозирования их исхода, тем самым осложняя ситуацию.

Состоятельность представленных адаптивных механизмов является ключевым вопросом в преодолении неопределенности. Т.В. Корнилова и М.А. Новикова (2014) выделяли ее ситуационные источники, заключающиеся в

искажении когнитивных репрезентаций и в ситуационных ограничениях информации, вынуждающих принимать решения при заведомой неполноте ориентировки, а также диспозиционные источники, представляющие собой трудность оперирования собственной системой переживаний, измеряющейся в шкалах доступности внутреннего опыта. Таким образом, неопределенность ситуации связана с возможностью, выраженной как через неполноту знания, так и через процессы, включаемые в актуалгенез психологической регуляции решений и действий (Корнилова Т.В., 2015).

Именно по характеру (степени) неопределенности Г.Н. Солнцева (2021) разделяла ситуации на два класса. Ситуации, в которых субъект не имел вариантов интерпретации (и оценки), требующие найти как минимум один вариант приемлемого понимания объекта, были обозначены как проблемные. Характеристиками подобных ситуаций являлась их эмоциональная и рациональная значимость, а также осознание ограниченности знаний и необходимости их восполнения. Подобные ситуации могли варьировать по степени их напряженности, которая зависела от соотношения наличествующих условий с ситуациями из субъективного опыта.

Другой класс ситуаций, в которых субъект располагал несколькими вариантами интерпретации, не имея представления об их преимуществах и ограничениях, обозначался как ситуации принятия решения. Они не могли характеризоваться лишь выбором альтернатив, «поскольку не всякий выбор связан с принятием решения». Исходя из представлений о процессе выбора как форме активности, обеспечивающей сокращение множественности когнитивных и исполнительных схем в актуальных условиях, утверждалось, что «только сознательно регулируемое действие устранения неопределенности, обеспечивающее переход от множества возможностей (альтернатив) к определенности действия (решения), определяется как принятие решения» (Солнцева Г.Н., 1999). Ключевой активностью в подобных ситуациях предстает оценка условий, возможного будущего результата, способов и помех его достижения, реакции социального окружения,

отдаленных последствий и др. Подобная многофакторная оценка является репрезентацией всех элементов ситуации в едином «пространстве непространственных явлений», в рефлексивном пространстве, фиксирующем значения элементов ситуации и формирующем смысл. Указанный процесс определялся наличием следующих принципов: принципа достаточной дифференциации, предполагающего ограниченность процесса оценки необходимыми и достаточными критериями; принципа целевой детерминации, указывающего на то, что анализ вариантов протекает от цели как образа результата к анализу ситуации, обеспечивая тем самым соподчиненность всех этапов решения, а соответствующие операции по степени значимости образуют иерархическую структуру.

Понятие «психологической ситуации» обнаруживает общие черты с концептом, которым оперировал J.P. Forgas (1982). Им были представлены «социальные эпизоды», являвшиеся когнитивными репрезентациями стереотипных последовательностей социального взаимодействия, разделяемых культурной средой. Социальные эпизоды он предлагал описывать по следующим характеристикам: 1) сложность, определяемая количеством аспектов, связанных с эпизодом; 2) интеграция – степень, в которой эпизоды распределены в когнитивном поле; 3) консенсусность, обозначающая степень согласованности восприятия эпизода среди членов социальной группы; 4) уровень абстракции, различающий эпизоды, описанные в общих чертах, и эпизоды, относящиеся к конкретным событиям; 5) жесткость поведенческих предписаний – степень, в которой эпизоды накладывают ограничения на поведенческие варианты субъекта; 6) прототипичность, относящаяся к репрезентативности эпизода по отношению к когнитивной категории, к которой он принадлежит и 7) достоверность сигналов, определяющих эпизод. С помощью факторного анализа отчетов испытуемых о различных ситуациях J.P. Forgas выделил ряд факторов, представленных им в виде следующих дименсий: “самоуверенность”, “оценка”, “серьезность” и “вовлеченность”. По результатам корреляционного

анализа выделенных факторов и показателей личностных опросников утверждалось, что как оценка ситуации по представленным дименсиям, так и их количество были связаны со структурой личности субъекта.

Связь психологической ситуации и личности рассматривается и в рамках модели, представляющей ситуационные факторы в качестве благоприятных условий для проявления личностных черт субъекта (*trait-affordance approach*).

М.А. Ten Berge и В. De Raad (2002) путем факторного анализа результатов опросника «Работа с ситуациями (Dealing with situations)», определяющего способность субъекта функционировать в различных обстоятельствах, выделили 4 типа ситуаций: ситуации удовольствия; ситуации индивидуальных невзгод; ситуации межличностного конфликта; ситуации социальных требований. С помощью корреляционного анализа с результатами Пятифакторного личностного опросника (Five Factor Personality Inventory) (Hendriks J. et al., 1999) ими была обнаружена связь между указанными ситуационными типами и личностными доменами Большой Пятерки. Было продемонстрировано, что возможность функционировать в определенных условиях связана с представленностью в личностной структуре черт из определенного домена Большой Пятерки. Подобную связь личностных доменов и ситуаций W. Fleeson (2008) объяснял наличием у последних *психологически активных характеристик*, представляющих собой вычлененные субъектом наиболее значимые ее аспекты, также обладающие специфичностью по отношению к чертам личности.

Указанные психологические характеристики J.A. Edwards и A. Templeton (2005) определяли как результат оценки субъектом благоприятности/неблагоприятности последствий ситуации, наличия препятствующих или способствующих факторов для реализации цели, а также объема усилий, требуемых для этого. Сформированные посредством подобной оценки впечатления о ситуации способствовали адаптивным целям лучшей навигации в мире, позволяя предсказывать, что произойдет в

дальнейшем и соответствующим образом регулировать свое поведение. Подобное формирование суждений о ситуации носит атрибутивный характер и имеет схожий механизм с оценкой личностных характеристик людей, с которыми взаимодействует субъект. Таким образом, психологические ситуации воспринимались субъектом по своим характеристикам, которые описывали их подобно тому, как люди могут быть описаны с помощью личностных черт или качеств.

Это утверждение послужило основой гипотезы F. Rauthmann с соавт. (2014), предположивших, что содержательные аспекты, заключенные в классификациях личностных черт, могут проявляться и в восприятии ситуаций. Исходя из этого, путем факторного анализа Риверсайдского ситуационного Q-сортирующего опросника (Riverside Situational Q-Sort, RSQ; Sherman R.A. et al., 2010) ими была представлена классификация психологических характеристик ситуации DIAMONDS, состоявшая из 8 дименсий: *Долг (Duty)*, *Интеллект (Intellect)*, *Невзгоды (Adversity)*, *Романтика (Mating)*, *Позитивность (pOsitivity)*, *Негативность (Negativity)*, *Обман (Deception)* и *Социальность (Sociality)*. Шесть из восьми приведенных дименсий обнаружили схожие по содержанию дименсии в личностных классификациях (Большая Пятерка, Шестерка, Семерка). Так, Долг был связан с Добросовестностью, Интеллект – с Открытостью/Интеллектом, Позитивность – с Положительной Валентностью и Экстраверсией, Негативность – с Отрицательной Валентностью и Нейротизмом, Социальность – с Экстраверсией и Доброжелательностью, а Обман имел обратную связь с Доброжелательностью и Честностью. Была доказана внутри- и межиндивидуальная согласованность этих дименсий, что указывало на их универсальность. «Психологические характеристики», положенные в основу выделенных дименсий, авторы определяли как значения, сформированные посредством как осознанной, так и неосознанной обработки стимулов окружающей среды, исходя из которых субъект действует.

Таким образом, механизмом воздействия ситуационных факторов на поведение человека является формирование личностно-ситуационной взаимосвязи. В ее основе лежат процессы субъективного восприятия и оценки, результатом функционирования которых становится формирование субъективного образа действительности – психологической ситуации, многофакторность которой ставит задачу разработки универсальных концепций ее анализа.

1.3. Процесс осмысления в качестве ключевого механизма адаптации субъекта к среде

Восприятие ситуации не ограничивается пассивной и односторонней рецепцией. Так, N.S. Endler и D. Magnusson (1976) подчеркивали деятельность самого субъекта по отношению к условиям ситуации. По словам G.W. Allport (1961), *“...большинство людей делают многое, чтобы создать ситуацию, на которую они реагируют... ситуации, в которых мы оказываемся, часто являются прямым следствием наших предыдущих (и продолжающихся) личностей”*.

Сказанное подтверждается в ряде исследований (Buss D.M., Block J.H., Block J., 1980; Emmons R.A., Diener E., 1986; Buss D.M., 1987), прослеживающих три способа адаптации человека к окружающей среде, особенности которых обусловлены личностной структурой субъекта. Так, индивид выбирает такую среду, которая в наибольшей степени соответствует условиям его существования, непреднамеренно инициирует реакции среды, а также осознанно влияет на неё — трансформирует, конструирует и перестраивает под свои актуальные потребности.

W.F. Overton и H.W. Reese (1973) обращали внимание на разночтения в интерпретации термина «взаимодействие» в рамках интеракционистского подхода. Так, в некоторых исследованиях данный термин применялся по отношению к взаимодействию двух *независимых переменных* (субъекта и

ситуаций), а не к взаимодействию между *независимыми* и *зависимыми* (поведение) переменными.

Также было установлено различие между двумя моделями поведения человека — *механистической* (реактивной) и *динамической*. Первая модель рассматривала поведение субъекта в качестве односторонней причинно-следственной связи с независимыми переменными. Таким образом, внимание акцентировалось на взаимосвязях между причинами, а не на связи между причиной и результатом.

Вторая — динамическая модель подчеркивала взаимную причинность, в которой не только среда воздействует на организм, но и последний является активным агентом, влияющим на события окружающей среды. Это различие заметил и L.A. Pervin (1968), предложивший использовать слово «взаимодействие» в значении односторонней причинности, а термин «транзакция» — для описания взаимной зависимости.

Исходя из этого, N.S. Endler и D. Magnusson (1976) пришли к выводу, что изучение транзакций (взаимно направленных, динамических взаимодействий субъекта и среды) способно предложить наиболее реалистичную и практичную модель поведения человека.

Ряд современных концепций, исследующих процесс познания среды, также акцентируют в нем активную роль субъекта. *«Попытка выйти за пределы индивидуального ума как относительно замкнутой познающей системы связана с созданием теорий, согласно которым познавательная активность должна быть атрибутирована некоторой более сложной системе, включающей не только индивида с его когнитивной архитектурой, но и элементы окружения, будь то материальные объекты, другие индивиды или даже целые организации и социальные институты»* (Шкурко А.В., 2010)).

Указанные теоретические воззрения в значительной мере опираются на теорию аутопоэзиса, разработанную F.J. Varela и Н. Maturana (1980), объясняющую, как живая система ориентируется в среде и поддерживает свою организацию.

Аутопоззис понимался как организация живой системы через сеть процессов, производящих собственные компоненты, которые, в свою очередь, участвуют в воспроизводстве новых систем. Благодаря этим процессам система становится способной к самоподдержанию и обновлению, а за счет непрерывной связи со средой — к извлечению из неё ресурсов, необходимых для поддержания собственной организации, таким образом сохраняя свою автономность.

Процессы различения позволяют системе отделять значимые элементы среды от несущественных. Этот процесс осуществляется в рамках структурного сопряжения (structural coupling) — формы связи между живой системой и средой: *«структурное сопряжение всегда взаимно; организм и окружающая среда в равной степени претерпевают трансформации»*. Исходя из этого утверждалось, что аутопоззис, отражающий простейшие операции различения, является минимально необходимым качеством живого организма, связующим жизнь и познание.

Дальнейшее развитие теории аутопоззиса воплотилось в модели энактивизма, разработанной F.J. Varela, E. Thompson и E. Rosch (2016). Согласно данной концепции, человек рассматривается как биологически воплощенное и культурно встроенное существо, находящееся в необходимом взаимодействии с изменяющейся социальной и культурной средой.

На основании этих теоретических воззрений K. Nielsen и T. Ward (2018) пришли к выводу, что познание не может быть сведено к линейной обработке информации на основе входных и выходных данных. Вместо этого оно представляет собой эмерджентное свойство организма, возникающее во взаимодействии мозга, тела и окружающей среды и позволяющее обеспечивать самоподдержание и адаптацию.

Субъект воспринимает и оценивает элементы окружающего мира сквозь призму их значимости для удовлетворения актуальных потребностей.^[1] Тем самым происходит процесс *осмысления* (sense-making) своего окружения субъектом (Nielsen K., 2022). A. Weber и F.J. Varela (2002) полагали, что в ходе

осмысления организм формирует уникальную перспективу, трансформирующую мир из нейтрального в Umwelt (von Uexküll J., 1992), который всегда что-то значит для организма.

S. de Naap (2020) подчеркивала, что осмысление не сводится ни к пассивному поглощению информации, ни к активной проекции. Оно формируется в зависимости как от условий, предоставляемых средой, так и от особенностей самого субъекта — и потому является реляционным. Исходя из этого, осмысление можно охарактеризовать как «оценочное взаимодействие организма с окружающей средой».

Наличие оценочного аспекта осмысления также подразумевает и его аффективную составляющую (Colombetti G., 2007). J. Krueger и G. Colombetti (2018) утверждали, что аффективные состояния представляют собой сложные образования, включающие телесные процессы, экспрессию, оценку и готовность к действию. Таким образом, эмоции также представляют собой активную форму взаимодействия с окружающим миром и способом его осмысления.

M. Maiese (2011, 2014) подчеркивала, что аффективная оценка является непосредственным, дотеоретическим пониманием того, чему стоит уделить внимание в конкретной ситуации. Определение релевантности аспектов окружения происходит вне рефлексивного самосознания, не является алгоритмическим и включает телесную настройку и чувства субъективной значимости: *«Телесная аффективность пронизывает наши интерпретации и паттерны внимания и тем самым позволяет нам осмысливать мир»* (Maiese M., 2016).

K. Nielsen и T. Ward (2020) утверждали, что результатом аффективной и оценочной сторон осмысления как процесса, обеспечивающего адаптацию и самоподдержание субъекта, становятся ценности различных объектов среды, касающиеся благополучия индивида. Тем самым исследователи подчёркивали их функциональный характер. В связи с этим устойчивое нарушение функциональных ценностей предлагалось рассматривать как

ключевой критерий для диагностики психических расстройств. Однако, несмотря на выраженную индивидуальность этих норм, субъект остаётся встроенным в социальную и физическую среду, в которой он существует, из чего следует, что именно среда определённым образом влияет на функциональность поведения индивида. Это обстоятельство влечёт за собой трудности в проведении границ между социальными и индивидуальными нормами, что требует внимательного анализа их изменений в отношении функциональности для субъекта.

S. de Naan (2017, 2020) выделяла два уровня осмысления — базовое и экзистенциальное. В ходе базового осмысления организм различает объекты окружающей среды «здесь и сейчас» – в свете их значимости для выживания, будь то пища, партнер, те или иные опасности. Таким образом, базовая ценность объектов среды на данном уровне определяется биологическими потребностями организма. Экзистенциальное осмысление, напротив, предполагает способность субъекта занять позицию в отношении себя, своего опыта, своего окружения. В этом случае субъект обретает экзистенциальные ценности – ценности другого порядка, превосходящие функциональные, такие как достоинство, уважение и пр.

Экзистенциальное осмысление не просто «надстраивается» над базовым — оно качественно меняет сам характер процесса осмысления: «...как только мы становимся гибкими существами или личностями, мы больше не можем вернуться к базовому осмыслению неререфлексирующих существ: мы больше не можем отменить наше самосознание. Наши основные биологические потребности неизбежно приобретают дополнительный, экзистенциальный смысл». Таким образом, «экзистенционирование» осмысления можно рассматривать как качественный сдвиг указанного процесса, заключающийся в обретении субъектом способности рефлексивно оценивать свой опыт, принимать позицию относительно различных изменений в своем окружении, а также отражающий формирование его личности.

Т. Ward и Н. Dent (2021), однако, подчёркивали, что несмотря на включённость в среду, человек сохраняет автономию и способность влиять на окружающий его мир. Осуществляя осмысление, субъект вносит в ситуацию собственные смысловые структуры, создавая новые возможности для действия. Индивидуальный опыт и знания формируют уникальную "аффективную реальность" субъекта — способ организации мира, который не детерминируется внешними элементами напрямую, а существует как отношение между воплощенным организмом и средой, в которую он встроен.

В центре этого отношения находятся эмоции, являющиеся "воплощёнными желаниями" субъекта. Такие желания обретают оценочный функцию и предоставляют информацию об адаптивной ценности действий человека, основанной на его понимании своего мира и окружающей среды. Таким образом, эмоциональная оценка не является обособленной от познания — она не делится на «положительную» и «отрицательную», а представляет собой способ приспособления к среде.

Таким образом, познание, возникая лишь во взаимодействии со средой, является активным инструментом адаптации к ней субъекта. Особую важность в этом контексте приобретает процесс осмысления, с помощью которого субъект конструирует в сознании действительность в качестве возможностей, тем самым уже воздействуя на нее.

1.4. Концепция аффордансов как способ концептуализации субъективного восприятия и оценки ситуации

Перспективным в этом свете видится обращение к концепту «аффорданса», выделенным еще J.J. Gibson (1986) и понимаемым им как *«то, что мир предоставляет животному, чем он его обеспечивает и что он ему предлагает — неважно, полезное или вредное»*. То есть субъекты воспринимают особенности окружающей их среды и реагируют на них, ориентируясь на свои возможности к действию, как и с объективными

параметрами окружающей среды, так и со строением и способностями живого организма. Совокупность же подобных возможностей к действию определялась как «экологическая ниша».

Согласно J.J. Gibson, идея аффорданса берет свои корни из концепции «валентности», предложенной К. Lewin (2000), представляющим восприятие различных объектов среды как пристрастный, субъективный процесс, тесно связанный с потребностным состоянием индивида. Однако J.J. Gibson подчеркивал некоторое отличие аффорданса, указывая, что они: *«в определенном смысле объективны, реальны и физикальны в отличие от значений и смыслов, которые, как часто считают, субъективны, феноменальны и духовны»*, а также «не укладываются в узкие рамки дихотомии субъективное-объективное». В отличие от валентности, концепт аффорданса не связан с потребностями субъекта, а представляет собой стимульную инварианту, всегда объективно существующую и доступную восприятию: *«Восприятие аффордансов не является процессом восприятия лишенных значения физических объектов, которым как-то добавляется смысл, это процесс восприятия экологических объектов, насыщенных значениями»*. Таким образом, согласно экологическому подходу J.J. Gibson (1986), восприятие представляет собой непосредственный, активный и ориентированный на действие процесс, где непосредственность подразумевает нерепрезентативную фиксацию информации, направленную не на построение внутренних образов окружающего мира, а на обнаружение возможностей для действий и взаимодействия (то есть аффордансов).

В дальнейшем концепция аффордансов послужила почвой для множества теоретических дискурсов об их онтологической сущности и реальности их существования. Предпринимая попытки установить, каким образом возможность к действию пересекает дихотомию субъективного и объективного, E. Baggs и A. Chemero (2019) предложили разделить окружение субъекта на три составляющие: физический мир, среду обитания и Umwelt. Из этого следовало, что аффордансы физического мира существуют вне

зависимости от людей и не связаны с какому-либо конкретному организмом, в то время как аффордансы среды обитания являются ресурсами, необходимыми для определенного вида (формы жизни). В свою очередь, аффордансы Umwelt определялись уникальными способностями индивидуального организма. Принципиальным оставался вопрос о достаточности способностей субъекта для определения его Umwelt (Maisie M., 2021). Так, E. Rietveld и J. Kiverstein (2014) различали ландшафт и поле аффордансов. Происходя из понятия экологической ниши, ландшафт аффордансов представляет собой возможности для действий, связанные со способностями определенного вида животных и физической структурой окружающей среды, и существует независимо от того, использует ли конкретный индивид эти аффордансы или нет. Аффордансы также частично связаны с социокультурной значимостью того или иного объекта или характеристиками окружающей среды: *«Поскольку аффордансы всегда находятся в рамках общего мира, они неизбежно социальные»* (Colombetti G., Krueger J., 2018). Социальный и конвенциональный генез аффордансов отмечал и J.J. Gibson (1986), указывая, что необходимым этапом для восприятия возможностей к действию в окружающей среде является способность определять, какие возможности предоставляет тот или иной ее объект для остальных.

В свою очередь, поле аффордансов связано с конкретным индивидом и было определено как *«ситуационно-специфичный индивидуальный „отрывок“»* окружающей среды, представляющий меньший набор возможностей, предлагаемых окружающей средой, актуальный для конкретного агента в конкретной ситуации, связанный с его индивидуальными целями, потребностями, интересами и предпочтениями (de Haan S., Rietveld E., Stokhof M., Denys D., 2013). F. Thompson (2007) предлагал рассматривать такие аффордансы как «смыслы действия».

Индивид, осмысливая объект или ситуацию в мире, воспринимает те возможности для действий, которые соответствуют его способностям,

привычкам и текущим намерениям, – *«как и в случае со всеми смыслами... аффордансы рассматриваются как релятивные»* (Rietveld E. и Kiverstein J., 2014).

Таким образом, находящиеся в поле аффордансы выступают в виде связи между потребностями субъекта и возможностями, предоставляемыми окружающей средой (Maisie M., 2021). Они могут быть оценены субъектом как релевантные и послужить фундаментом для «телесного состояния готовности к действию». Эти состояния готовности отражают тенденцию индивида трансформировать связь между собой и своим окружением с опорой на то, что представляется ему важным (Rietveld E. и Kiverstein J., 2014).

Указанная трансформация продемонстрирована в рамках представленного M. Masie (2016) аффективного фрейминга (affective framing) – процесса различения, фильтрации и отбора информации. Паттерны аффективного фрейминга, сформированные посредством накопленного опыта, приводят к предрефлексивному, но при этом к детальному отражению окружения субъекта, позволяя незамедлительно нацелиться и сфокусировать свое внимание. Данный процесс функционирует как структурирующий фон для субъективного опыта, а также как предполагаемый контекст для всей интеллектуальной, практической и социальной активности, результатом чего является акцент в пользу информации, которую субъект сочтет наиболее значимой, тем самым определяя, что станет доступно его восприятию.

Схожие теоретические представления о процессах восприятия и оценки окружающей среды отражены в целом ряде психологических концепций. Так, согласно гипотезе «первовидения» Е.Ю. Артемьевой (1980), визуально представленные объекты в первую очередь воспринимаются в рамках их эмоционально оценочных свойств. Опираясь на полученные экспериментальные данные она утверждала, что любой объект действительности прежде всего оценивается субъектом с позиций его значимости, являющейся элементом содержания общественного и субъективного опыта, после чего объекты, будучи семантически

подготовленными, подвергаются последующим этапам субъективной репрезентации.

На это же указывал и R. Zajonc (1980), в рамках собственной теории «аффективного (эмоционального) первенства (affective primacy hypothesis)». Им было выдвинуто утверждение, что эмоциональные реакции могут возникать без экстенсивного перцептивного и когнитивного кодирования, обладать большей уверенностью, чем когнитивные суждения, и осуществляться быстрее. Подтверждая свои теоретические заключения, он приводил исследования двигательных реакций 16-тинедельных младенцев в ответ на предъявленные им улыбающиеся лица. Объединив их с нейрофизиологическими и анатомическими данными, R. Zajonc пришел к выводу, что эмоциональные реакции на лица возникают непосредственно на непреобразованную сенсорную информацию путем их модуляции в миндалине.

Развивая данные идеи, R. Bauer (1984) высказал предположение о наличии двух систем зрительного восприятия – модели двойного пути. Первый, дорзальный зрительно-лимбический путь связывает зрительную ассоциативную кору с верхней височной бороздой и извилиной, а также с нижней теменной корой, в которой происходит мультимодальная конвергенция и которая является источником обширных взаимных лимбических связей с поясной извилиной и с гипоталамусом. По его мнению, дорзальный путь отвечает за эмоциональную активацию и быструю селективную ориентацию на стимулы, имеющие мотивационное значение для организма. Второй, вентральный путь – представляет собой систему зрительно-лимбических связей, осуществляющей процесс ассоциации перцептивной информации с имеющимися воспоминаниями, возникшими на основе прошлого опыта.

R. Lazarus с соавт. (1984, 1990) была предложена модель когнитивного оценивания (Cognitive Appraisal), — процесса категоризации внешних воздействий с учетом их значения для благополучия, осуществляемого

последующим этапам: первичная оценка, вторичная оценка и переоценка ситуации. Во время первичной оценки путем определения мотивационной конгруэнтности и релевантности условий ситуации субъект устанавливает степень их согласованности и значимости для реализации имеющихся целей и потребностей. В результате указанных процессов ситуация оценивается субъектом как благоприятная, незначимая или же стрессовая. На этапе вторичной оценки субъект оценивает возможность изменения ситуации или же приспособления к ней, определяет причину возникших условий, а также строит прогноз развития дальнейших событий. Переоценка ситуации основывается на анализе ее развития и сопоставлении с уже совершенными субъектом действиями по ее разрешению, что может привести и к изменению оценки первого и второго этапов.

Е.В. Битюцкая (2013) отмечала, что указанная модель когнитивного оценивания *«предполагает разделение рационального и аффективного компонентов восприятия ситуации»*. Сама же она рассматривала когнитивное оценивание с позиций деятельностного подхода как процесс, участвующий в формировании и функционировании субъективного образа ситуации в сознании индивида, в котором аффективные, когнитивные и мотивационные компоненты предстают в едином виде. С построением субъективного образа ситуации происходит оценка ее значимости как функции мотивов. *«Эмоциональная индикация»* смысла устанавливает соответствие происходящих событий мотивам и личностному смыслу, а также определяет успешность достижения актуальной для ситуации цели. Наряду с этим происходит оценка подконтрольности, ясности и прогнозируемости ситуации, соотнесение собственных возможностей с внешними условиями и определение трудности как комплексной характеристики ситуации.

Представленные характеристики были описаны в исследованиях, посвященных дименсиям когнитивного оценивания окружающей среды (Moors A., Ellsworth P.C., Scherer K.R., Frijda N.H., 2013). Были выделены следующие содержательные характеристики: 1) *Валентность* – отражающая

позитивное или негативное отношение к ситуации (Lazarus R., 1984); 2) *Значимость* – представленная в виде активности внимания субъекта на те или иные элементы ситуации; 3) *Определенность* – представленная как уверенность в понимании ситуации (Roseman I.J., 1984 Smith C.A., Ellsworth P.C., 1985); 4) *Знакомость* – демонстрирующая представленность ситуации в субъективном опыте индивида; 5) *Контроль* – отражающая субъективную оценку собственной способности влиять на ситуацию; 6) *Время события* – время протекания ситуаций, являвшихся причиной возникших у субъекта эмоций (Frijda N.H., Kuipers P., Schure E.T., 1989.); 7) *Ожидаемые усилия* – субъективная оценка ситуации как требующей приложения психических или физических усилий (Smith C.A., Ellsworth P.C., 1985; Frijda N.H., Kuipers P., Schure E.T., 1989).

Таким образом, аффордансы демонстрируют активность субъекта во взаимодействии с окружающей его средой. Вбирая в себя объективные характеристики окружения, концепт аффорданса тем не менее проливает свет на цели и потребности субъекта, на количество возможных вариантов действия, а также на их последствия. Их количество и содержание указывают на характер личностно-ситуационной связи.

1.5. Способы анализа личностно-ситуационной взаимосвязи

Анализ личностно-ситуационной взаимосвязи требует также и выделение особых единиц ее анализа, один из вариантов которой был предложен В.А. Тихоненко (1998) и представлен как *позиция личности в ситуации*. Выделенная с целью исследования суицидального поведения, она представляла собой интегрированное смысловое образование, заключавшее в себе отношение личности к ситуации, к себе в данной ситуации, оценку ее значимости, а также прогноз ее исхода. Согласно В.А. Тихоненко, субъект, формируя в сознании целостную ситуацию, разделяет ее на «Я» и «не-Я», тем самым структурируя свое смысловое отношение, воплощенном в смысловом

образе ситуации. Будучи сконструированным по законам смысловых связей, оно представляет собой субъективные пространственно-временные границы ситуации, в которые субъект помещает себя и других участников, устанавливает характер отношений между ними, тем самым размещая их по местам относительно друг друга. Положение же субъекта в собственном смысловом пространстве и является позицией личности. Меняя позицию в субъективном поле актуальной ситуации, субъект оценивает ее с различных перспектив, тем самым обретая способность по-разному осмыслить ситуацию. Опираясь на свое оценочное отношение к участникам ситуации, субъект также придает им возможность менять позиции в данном смысловом поле. Моделируя как свои действия, так и действия участников ситуации, субъект прогнозирует варианты ее исхода, после чего выбирает направленность своего поведения. Указанный регуляторный процесс был обозначен как «самоопределение». Такие характеристики этого процесса как временная развернутость или свернуть, быть произвольностью или принуждённостью, определяют и особенности позиции личности, формируя ее однозначной или лабильной, амбивалентной, противоречивой. Наряду с этим позиция личности разделялась на *адаптивную* и *неадаптивную*.

В случае формирования неадаптивной позиции субъективное пространство ситуации предстает в крайне ограниченном виде – утрачивая поисковую активность, субъект теряет способность выявлять альтернативы возможных действий, а ситуация осмысливается как «безысходная». Неадаптивную позицию, согласно автору, отличали такие характеристики: 1) Фиксированность позиции – субъект не способен свободно манипулировать элементами образа ситуации; 2) Вовлеченность, отражающая неспособность субъекта дистанцироваться от ситуации; 3) Сужение сферы позиции личности относительно сферы конфликтной ситуации, которое происходит посредством ограничения представлений о собственных ресурсах и нарастающей изоляции от окружающих; 4) Изолированность и замкнутость позиции – позиция «мы-они» сменяется более уязвимой «Я-они», что

указывает на нарастающее отчуждение личности, утрате ею связи с референтными группами, а также о нарушениях идентификации; 5) Пассивность позиции – представляя активно направленные на него воздействия участников конфликта, в рамках сложившегося смыслового образа, субъект не способен представить свои конструктивные действия; 6) Неразвитость во временной перспективе – будущее представляется только как продолжение или усугубление наличной ситуации. При исследовании подобного интегрального смыслового образования важным является изучение вклада в них различных психических процессов, а также взаимодействия с другими психологическими образованиями, такими как когнитивная, эмоциональная и потребностно-мотивационная сферы. Особый интерес для дальнейших исследований, по мнению автора, представляет анализ позиции личности в аспекте структуры самосознания: механизмов аутокоммуникации, вербально-смысловых формул, чувственно-логических элементов. Перспективным считалось в этом свете исследование процессов соотнесения «образа Я» и «образа ситуации», внутренней структуры «образа Я», самооценки и структуры ценностных ориентаций.

Разграничение между адаптивным и неадаптивным осмыслением М. Maisie (2021) предлагала осуществлять посредством концепта аффорданса. Адаптивное взаимодействие с окружающей средой, согласно автору, подразумевает умение модифицировать набор существующих возможностей, способность создавать новые, адекватно оценивать их релевантность в зависимости от потребностей и наличествующих ситуационных факторов. Оценивая свою конкретную ситуацию, а также свои способности и намерения, субъект регулирует свое взаимодействие с окружающей средой так, чтобы быть способным воспользоваться соответствующими возможностями для действий. Адаптивное осмысление, таким образом, *«можно понимать как то, что агент владеет богатой, динамичной и разнообразной областью соответствующих возможностей»* (Ramírez-Vizcaya S., Froese T., 2019).

В свою очередь различные психические расстройства могут быть представлены как утрата субъектом контроля над своим полем аффордансов. В подобных субъект сталкивается с трудностями коррекции своего восприятия для соответствия с текущей ситуацией (de Naan S., 2017). Характер нарушения построения поля аффордансов был продемонстрирован в рамках энактивистской модели, предложенной S. de Naan с соавт. (2013). Указанный анализ был проведен с использованием следующих дименсий: «Ширина» – дименсия, представляющая развернутость возможностей к действию, которые воспринимает субъект, отражающая количество вариантов действий; «Глубина» – дименсия, отражающая временную развернутость аффордансов; «Высота» – дименсия, указывающая на значимость каждого из аффордансов, на который человек реагирует, что отражает его мотивацию.

Данная модель предполагала динамичность структуры поля аффордансов, возникающую вследствие изменений по вышеуказанным осям. Так, в случае появления различных потребностей или же изменений в окружающей среде субъект сталкивается с изменением объема доступных восприятию аффордансов в конкретной ситуации, меняется временная перспектива его интересов, а также возникают перемены в значимости имеющихся возможностей. Более наглядно динамика поля аффордансов была показана на примерах депрессии и обсессивно-компульсивного расстройства.

В случае депрессии субъект воспринимает свою окружающую действительность непривлекательной, неважной и лишенной позитивных перспектив. Происходящее сужение «Ширины» поля соответствует уменьшению возможностей для действий. Будучи способным воспринять различные аффордансы, субъект не рассматривает их как релевантные. Подобное «сужение» касается как двигательных, так и социальных возможностей, что затрудняет страдающему депрессией субъекту удовлетворять общественные ожидания и роли. Уменьшение «Глубины» соответствует сужению временного горизонта и невозможности к осуществлению прогноза будущего или же представить свою жизнь в ином

свете. Будущие возможности для действий не оцениваются как актуальные и доступные. В свою очередь, «Высота» поля аффордансов сглаживается, вследствие чего ни один отдельный аффорданс не кажется более или же менее привлекательным, чем любой другой. Это затрудняет корректировку своих действий таким образом, чтобы они в большей степени соответствовали требованиям ситуации.

В то же время окружающая среда людей, страдающих обсессивно-компульсивным расстройством, суживается в их восприятии до непосредственно одной возможности, лишь одного действия, что указывает на уменьшение «Ширины» поля аффордансов. Данное действие представляется безотлагательным и должно быть осуществлено здесь и сейчас, также сужая «Глубину» поля. Наряду с этим указанная возможность для действия обретает исключительный приоритет и становится и независимой от остального ряда альтернатив.

Таким образом, нарушение осмысления и построения поля аффордансов приводит к тому, что субъект в некотором смысле «застревает» (Maisie M., 2018) вне адаптивных паттернов реагирования, что приводит к уменьшению или даже исчезновению способности к гибкому взаимодействию со средой в конкретной ситуации.

1.6. Анализ объективных данных юридически значимой ситуации

Наряду с анализом субъективных переживаний, не менее принципиальным этапом судебно-психиатрической экспертизы предстаёт исследование объективных данных юридически значимой ситуации, осуществление чего возможно при анализе материалов уголовных дел. Несмотря на имеющиеся в них «лакуны» (недостатки сведений), требующие своего «заполнения», указанные материалы представляют собой ценный источник информации о юридически значимых обстоятельствах (Ткаченко А.А., Корзун Д.Н., 2020). В качестве одного из методов исследования Т.С. Волчецкая (1997) предлагала рассматривать обстоятельства совершения противоправных деяний в виде последовательных этапов, находящихся между

собой в причинно-следственной связи, – предкриминальной ситуации, ситуации совершения противоправных действий (криминальной ситуации), а также посткриминальной ситуации.

Отграничивая обстоятельства, в которых находился субъект в период предкриминальной ситуации, С.А. Ефремов (1984) оперировал понятием микросреды, понимая под ним часть социальной и природной среды, непосредственно воздействующей на субъект. Непосредственность указанной связи, по мнению автора, устанавливала конкретный набор факторов, оказывающих влияние на поведение человека. Качественный состав этих факторов, а также их продолжительность конструировали конкретную жизненную ситуацию, определяемую автором как *«устойчивый в своей качественной определенности комплекс обстоятельств внешней среды социального и природного характера, которые в непосредственном взаимодействии с личностью в той или иной мере влияют на ее поступки»*. Исследование конкретной жизненной ситуации с фокуса генеза противоправного позволяет подразделять составляющие ее факторы на препятствующие (антикриминогенные) или же способствующие (криминогенных) его совершению (Антонян Ю.М., 1973). Превалирование в ситуации факторов последнего типа факторов относит такую ситуацию к криминогенным, то есть содержащим в себе условия и обстоятельства, благоприятные для осуществления противоправного деяния (Волчецкая Т.С., 1997). Прослеживая общие черты конкретных жизненных ситуаций, предшествующих совершению агрессивных криминальных действий, С.А. Ефремов (1984) указывал, что их содержание детерминировало дальнейшее развитие механизма совершения противоправного деяния. Ключевыми криминогенными факторами, по мнению автора, являлись межличностные взаимоотношения между жертвой и испытуемыми. Так, агрессивным противоправным деяниям предшествовало возникновение негативными взаимоотношений между жертвой и субъектов, что было связано с наличием конфликта между ними (Вишнинецкий К.В., 2021).

С.В. Кудрявцев (1989) понимал конфликт как феномен, обусловленный пониманием субъектов о наличии между ними противоречий, характеризующийся внешним, поведенческим проявлением, направленным на нарушение функционирования психологических структур другого субъекта. Им же было выделено два типа конфликтов, базирующихся на уровнях взаимодействия субъектов: когнитивный (предметно-логический) – конфликт, касающийся содержательных характеристик определенного материального или идеального объекта, возникающий на уровне когнитивных структур, а также межличностный конфликт – противоречие, происходящее на смысловом уровне субъектов, ограничивающее их мотивы и затрагивающие структуру «Я». Последний тип конфликта, согласно автору, обладал существенным потенциалом к дальнейшей эскалации, определяемая автором как смена стадий развития конфликта от «переговоров» к «борьбе», сопровождаемая увеличением интенсивности взаимных деструктивных действий, что приводит к возникновению «карательных» и «защитных» намерений у субъектов. Стремление к неадекватному возмездию за деструкцию «Я» или же ее предупреждение указывались в качестве причины совершения противоправных агрессивных действий.

В силу указанного существенным фактором представало и поведение жертвы в предкриминальном конфликте. Согласно наблюдениям ряда авторов (Ефремов С.А. 1984, Сазиков А.В., 1999, Вишнинецкий К.В. 2021) агрессивным противоправным действиям со стороны обвиняемых зачастую предшествовала как вербальная или же физическая агрессия со стороны потерпевших.

Еще одной немаловажной характеристикой предкриминального конфликта является его длительность. Так, С.В. Кудрявцев (1988) различал «конфликты с делящейся этиологией» и «спонтанные конфликты». Конфликты первого типа, как правило, формируются в условиях ближайшего социального окружения субъекта, такими как семья, трудовой коллектив или в группе совместного досуга. В свою очередь конфликты второго типа были вызваны

различными явлениями, происходящими в макросоциальной среде. Важность длительности и содержания предкриминальных конфликтов отмечал и С.И. Ефремов: *«Каждая из конфликтных ситуаций способствует приближению преступления, но решающее значение в его детерминации имеют все предшествующие ему конфликтные ситуации, их совокупность. Отражаясь в сознании субъекта, они влияют на восприятие им содержания ситуации, при которой совершается убийство, придавая этому содержанию особую значимость для субъекта. Когда, например, жена убивает пьяницу-мужа, она мстит ему не за предшествующее преступлению оскорбление, а за всю искалеченную им жизнь»* (1984).

Таким образом, наиболее значимыми компонентами предкриминальной ситуации представляли взаимоотношения между жертвой и субъектом агрессивных деяний, наличие между ними конфликта и характер его динамики. Воздействие подобных факторов осложняло выбор оптимальной поведенческой стратегий и способов реагирования в условиях высокой значимости исхода. Необходимость принятия решения в указанных условиях приводила к формированию аффективно-заряженной цели и сужению прогностических способностей субъекта деятельности (Кудрявцев И.А., Ратинова Н.А., 2000).

Немаловажное значение занимала и деятельность самого исследуемого субъекта на предкриминальном этапе. Согласно наблюдению Т.А. Стельмах (2012), некоторые убийства отличало наличие подготовительных действий, направленных на предварительный поиск места, времени развития криминальной ситуации, а также на приискание орудия убийства. Такая активность находит сказывается в первую очередь на специфике криминальной ситуации, в частности в ее пространственно-временных характеристиках, в готовности жертвы сопротивляться, а также в наличии свидетелей деликта. Наличие предварительной подготовки к совершению противоправных действий свидетельствует о том, что в указанных случаях вместо внешних ситуационных факторов, источником криминогенности

является сам автор агрессивных действий, поскольку именно посредством его деятельности ситуация становится благоприятной для реализации противоправных намерений (Антонян Ю.М., 1973).

В рамках следующего далее по хронологии этапа криминальной ситуации особое внимание уделялось месту и времени совершения противоправного деяния, наличию свидетелей, орудию противоправного деяния, характеру сопротивляющейся активности жертвы и действия самого субъекта (Волчецкая Т.С., 1997; Стельмах Т.А., 2012). Некоторые из этих параметров обнаружили обусловленность с параметрами предкриминальной ситуации. Так, согласно С.И. Ефремову (1984), место развития предкриминального конфликта преимущественно совпадало с местом совершения противоправного деяния и зачастую являлось совместным жилым помещением обвиняемого и жертвы; свидетелями противоправных действий являлись те же люди, что наблюдали и развитие конфликта; деятельность субъекта зачастую не обнаруживала признаков предварительной подготовки, а орудие осуществления противоправного деяния преимущественно относилось к бытовым предметам. В свою очередь, убийства, к которым субъект осуществлял предварительную подготовку, были совершены в темное время суток, преимущественно в общественных местах, без наличия свидетелей противоправных действий.

Завершающим звеном ситуации совершения противоправного деяния является ее посткриминальный этап. Если параметры предыдущих этапов обнаруживали некоторую общность – наличие субъекта, осуществляющего противоправную деятельность, объекта этой деятельности, сторонних лиц, а также деятельностьную составляющую – действия участников ситуации, то анализ посткриминального этапа сфокусирован на характере активности субъекта. Указанная активность обладала определенной вариативностью и будучи направленной как на сокрытие следов предпринятых криминальных действий, так и на попытки нивелировать их последствия – вызов срочных служб, самостоятельная помощь жертве. Принципиальность изучения

деятельности субъекта на данном этапе заключалась в анализе согласованности или же ее нарушения между наличествующим результатом совершенных действий и обстоятельствами возникновения у субъекта намерения действовать агрессивно, а также способами их реализации на соответствующих этапах юридически значимой ситуации (Волчецкая Т.С., 1997; Ефремов С.А., 1984).

Таким образом, объективные данные позволяют в определенной степени судить о характере воздействия внешних обстоятельств на регуляцию обвиняемого, поскольку они содержат в себе сведения о факторах, определяющих возникновение и ход развития юридически значимой ситуации. Анализ указанных факторов предполагает обнаружение между ними взаимосвязей, что может стать основой для очерчивания круга характерных обстоятельств совершения агрессивных противоправных деяний.

Из приведенных данных следует, что для объективизации категории ситуации как элемента, составляющего механизм противоправного деяния, многообещающим является исследование личностно-ситуационной взаимосвязи. Указанная взаимосвязь опосредуется процессом осмысления субъектом своего окружения, результатом чего предстает психологическая ситуация.

Сочетая в себе аффективную и оценочную составляющие, процесс осмысления определяет адаптацию субъекта в его ситуации. Нарушения в функционировании данного процесса могут повлечь за собой возникновение дезадаптивных интерпретаций внешних обстоятельств.

Психологическая ситуация, будучи укорененной в приобретенном опыте, позволяет субъекту вычленять из среды наиболее личностно значимые элементы и строить на их основе прогноз дальнейших событий. В становлении психологической ситуации существенную роль играют индивидуальные особенности субъекта, представленные на конституциональном, характерологическом, личностно мотивационном (смысловом) уровне при ведущей роли последнего.

Общий принцип изучения ситуации в судебной психиатрии и судебной психологии, заключающийся в анализе ее эмоционально-смыслового отражения, обуславливает некоторую схожесть параметров анализа. Среди них – соответствие условий имеющейся цели субъекта, конфликтность, неожиданность, неопределенность, длительность, субъективная значимость ситуации и пр., что указывает на многофакторность личностно-ситуативного взаимодействия.

Одним из путей операционализации анализа юридически значимых ситуаций является обращение к концепту аффорданса, который сочетает в себе как объективные условия, так и намерения и цели субъекта, что представляет его в достаточной мере универсальным концептом для исследования юридически значимых обстоятельств. Рассмотрение психологической ситуации в качестве поля аффордансов может предоставить большую ясность в характере восприятия и осмысления субъектом своего окружения, демонстрируя эмоциональную значимость, воспринимаемое количество и развернутость во временной перспективе различных альтернатив действий.

ГЛАВА 2. МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Описание материала исследования

В исследование был включен 71 мужчина, обвиняемый в совершении преступлений против здоровья и жизни и проходивший судебно-психиатрическую экспертизу в период 2021–2023 гг. в ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России.

Критериями включения являлись: мужской пол, возраст на момент обследования старше 18 лет, совершение агрессивных противоправных действий в отношении жизни и здоровья человека, установленные при настоящей экспертизе диагнозы специфического расстройств личности (F60 по МКБ-10), акцентуации личности (Z73), шизотипического личностного расстройства (F21.8), а также отсутствие диагноза психического расстройства.

Критериями не включения являлись: наличие иной психической патологии, в том числе коморбидной, а также состояние интоксикации психоактивными веществами (ПАВ) в период, относящийся к инкриминируемому деянию.

Всего испытуемыми было совершено 76 противоправных деяний. Среди исследуемых деликтов были представлены: *попытки убийства, причинения тяжкого вреда здоровью* (с различной квалификацией по пунктам и частям статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации), *одиночные убийства* (с различной квалификацией по пунктам и частям статьи 105 УК РФ), *множественные убийства*, а также *деликты, квалифицируемые по нескольким статьям УК РФ*, – одиночное убийство с кражей, одиночное убийство с насильственными действиями сексуального характера, множественное убийство с насильственными действиями сексуального характера, причинения тяжкого вреда здоровью с хулиганством (Табл.1).

Таблица 1. Характер совершенных испытуемыми деликтов

Характер деликта	% (n)
Попытка убийства	11,9 (9)
Тяжкий вред здоровью	21,0 (16)
Одиночное убийство	54,0 (41)
Множественное убийство	6,6 (5)
Одиночное убийство с кражей	1,3 (1)
Одиночное убийство с насильственными действиями сексуального характера	1,3 (1)
Одиночное убийство и причинение тяжкого вреда здоровью	1,3 (1)
Множественное убийство с насильственными действиями сексуального характера	1,3 (1)
Причинение тяжкого вреда здоровью с хулиганством	1,3 (1)

Нозологический состав исследуемой выборки представлен в Таблице 2.

Таблица 2. Нозологический состав исследуемой выборки

Нозологический состав	% (n)
Психически здоровые	21,1 (15)
Акцентуированные личностные черты	4,2 (3)
Истерическое расстройство личности	18,3 (13)
Эмоционально-неустойчивое расстройство личности (импульсивный тип)	22,5 (16)
Параноидное расстройство личности	8,4 (6)
Тревожное расстройство личности	5,6 (4)
Инфантильное расстройство личности	2,8 (2)
Шизоидное расстройство личности	8,4 (6)
Шизотипическое личностное расстройство	8,4 (6)

Общая выборка испытуемых была разделена на две группы. В Группу 1 вошли 53 человека с клинически установленными личностными расстройствами (74,64%), в Группу 2 – 18 психически здоровых лиц, а также лица с акцентуированными личностными чертами (25,36%).

Определение формы расстройства личности осуществлялось посредством вычленения ведущего радикала. Для лиц с ведущим истерическим радикалом главным признаком являлось недоразвитие

структуры Я в виде расхождения между реальным Я и завышенным Я идеальным, что проявлялось демонстративно-манипулятивным поведением, направленным на поддержание самооценки (Якубик А., 1982). Для эмоционально неустойчивого радикала стержневым признаком являлся повышенный уровень аффективности (Смулевич А.Б., 2012). Для лиц с инфантильным радикалом наиболее характерной была эмоционально-волевая незрелость, находящая свое отражение в облегченности, сочетаемой с аффективной лабильностью и склонностью к демонстративным реакциям (Ковалев В.В., 1985; Шкитырь Е.Ю., 2022).

У лиц с ведущим параноидным радикалом облигатными признаками были склонность к формированию сверхценных идей и ригидность (Шостакович Б.В., 2006). Для шизоидных личностей облигатными являлись интравертированность и сочетание повышенной восприимчивости с безразличием (Смулевич, 2013). Стержневым признаком для лиц с ведущим тревожным радикалом являлась перманентная тревожность (Шостакович Б.В., 2006). Для лиц с шизотипическим личностным расстройством характерными клиническими признаками являлись магическое мышление, уплощенный аффект, социальная тревожность (АРА, 2000).

Группа 1 была подразделена на 2 подгруппы: подгруппа А состояла из 31 подэкспертного с ведущими истерическим, эмоционально-неустойчивым и инфантильным радикалами (43,6%). Подгруппа Б состояла из 18 человек с ведущими параноидным, шизоидным радикалами, а также из лиц с шизотипическим личностным расстройством (25,3%). (Рис.1)

Рис. 1. Распределение состава выборки по исследуемым группам.

Одним из наиболее известных принципов разделения расстройств личности является дихотомический, прослеживаемый как в отечественных, так и в зарубежных типологиях. Подтверждением этому служит ряд разделений расстройства личности на полярные группы: *шизоидов* и *циклоидов* (Кречмер Э. 1995), *возбудимых* и *тормозимых* (Кербиков О.В., 1968), *гиперстеничных* и *гипостеничных* (Дмитриева Т.Б., 1998). Указанные полюса прослеживаются и в более дифференцированной модели «лепестка», предложенной Б.В. Шостаковичем (2006), указывавшего на «единство расстройств личности как патологии и взаимопереходные состояния, подчеркивающие это единство, а также значение энергетического потенциала каждого из них».

Группа так называемых «возбудимых» психопатов, являясь одним из стабильных «полюсов» различных классификаций, обладает достаточной клинической однородностью. Будучи отнесенной Б.В. Шостаковичем (1971) к преимущественно нарушениям эмоциональной сферы, а также к Кластеру В в рамках DSM-IV и DSM-V (APA, 2000; APA, 2013), указанная группа, согласно ряду нейробиологических исследований, демонстрирует структурные и функциональные изменения в областях, связанных как с эмоционально-волевой сферой, так и областях, отвечающих за когнитивные процессы (Blair

R.J.R., 2010; Raine A. et al., 2000; Seara-Cardoso A., Viding E., 2015). Это дает основание предполагать как конституциональную обусловленность, так и приобретенные нарушения в этиологии указанных расстройств.

В основе эмоциональных и волевых нарушений, характерных для расстройств личности, согласно Э. Крепелину (2009), лежит *парциальный психический инфантилизм*, играющий существенную роль в формировании аномальной личности. Указанное подтверждается и в наблюдениях ряда авторов, обнаруживших сочетание явлений *дисгармонического психического инфантилизма* с такими патологическими чертами, как аффективная возбудимость, гневливость, грубость, конфликтность, лживость, а также такими «истероидными включениями», как демонстративность поведения и стремление привлечь внимание (Сухарева Г.Е., 1959). Таким образом, клиническая структура психического инфантилизма позволяет рассматривать его как этап формирующихся психопатий преимущественно неустойчивого и истероидного типов (Ковалев В.В., 1985). В силу этого лица с установленным инфантильным расстройством личности были включены в Подгруппу А вместе с эмоционально-неустойчивой и истерической формами.

Объединение параноидных и шизоидных личностей в одну подгруппу с лицами с шизотипическим расстройством основывалось на целом ряде соображений. Еще П.Б. Ганнушкиным были обнаружены общие клинические признаки, объединяющие шизоидную и параноидную формы расстройств личности, свойственные также и шизофрении. Лицам с шизоидным расстройством личности и шизофренией он считал свойственным «неправильное течение интеллектуальных процессов», ведущее к резонерству и «кривой логике», которые также прослеживались и у параноиков, что объяснялось кататимностью их суждений. При типологизации расстройств личности Б.В. Шостакович (1971) руководствовался различиями в их клинической картине, проявляющихся в нарушениях преимущественно эмоционально-волевой сферы или особенностях мышления. Он предлагал разделить расстройства личности на три группы в зависимости от

превалирования нарушений в тех или иных сферах: личности с преимущественными нарушениями в сфере мышления, куда относил шизоидную и параноидную формы расстройства личности; с преимущественными эмоциональными расстройствами, объединяющую диссоциальную, эмоционально-неустойчивую и истерическую формы; а также группы с преимущественно волевыми нарушениями: ананкастная, тревожная и зависимая формы расстройств личности.

Подобный принцип обнаруживается в подразделении расстройств личности и в рамках DSM-IV и DSM-V, где параноидная и шизоидные формы наряду с шизотипическим расстройством личности отнесены к Кластеру А (APA, 2000; APA, 2013). Обоснованность отношения в один кластер указанных форм подтверждается и рядом исследований, в рамках которых были обнаружены как общие генетические и экологические факторы (Esterberg M.L., Goulding S.M., Walker E.F., 2010), так и их феноменологическое сходство, проявляющееся в восприятии указанными лицами мира как «выбивающегося из колеи» (Derksen J., 1995), а себя в качестве «не синхронизированных» с ним, что приводит к эгоцентризму и трудностям в построении межличностных отношений (Hirschfeld R.M.A., 1993; Kosky N., Thorne P., 2001). Связь указанных форм психопатий с шизофренией также была отмечена и D.S. Charney и E.J. Nestler (2005), обозначавших их как «шизофреноподобные расстройства личности», основанием для чего послужило обнаружение большого количества общих негативных и позитивных симптомов.

Наряду с этим прослеживается недостаточно определенное положение шизотипического расстройства, обусловленное различной оценкой данной нозологии в концепциях DSM-V, относящей его к личностным расстройствам, и МКБ-10, классифицирующей его как расстройство шизофренического спектра (APA, 2013; WHO, 1992).

К тому же, в исследовании S. Torgersen и др. (2002) были обнаружены различия в клинической картине шизотипического расстройства, связанные с

наличием у испытуемых родства с больными шизофренией, что послужило основанием для вывода о возможности отнесения «шизотипии» как к эндогенным заболеваниям, так и к расстройствам личности. Фундаментом для построения схожей гипотезы послужил анализ клинических, нейрофизиологических и генетических исследований, проведенный А. Raine (2006). На основании изученных данных он выделял две формы шизотипического расстройства, где первая представляла собой клинически стабильную совокупность нарушений неврологического развития, представляющего индивида уязвимым для развития шизофрении, и вторая, характеризующаяся большей вариабельностью и динамикой выраженности симптомов, с преимущественным нарушением перцептивных и когнитивных процессов, ведущим к психосоциальным трудностям. В связи с этим А. Raine (2006) было выдвинуто предположение о различной этиологии выделенных форм.

Из сказанного следует, что в настоящий момент допустимым является отнесение шизотипического расстройства как к «шизофреническому спектру», так и к личностным расстройствам.

Для описания характеристики исследуемых групп, оценки статистических различий между ними были применены методы описательной статистики, однофакторный дисперсионный анализ для оценки количественных показателей и критерий χ^2 Пирсона с точным критерием Фишера для оценки качественных.

Группы статистически значимо не различались по возрасту ($p=0,165$), уровню образования ($p=0,750$) (Рис. 2 и 3, соответственно)

Средний возраст испытуемых с личностными расстройствами (Группа 1) составил 37,6 лет, психически здоровых лиц (Группа 2) – 42,3. Медианный возраст был выше во второй группе – 39,5 против 36. Таким же образом сложилось соотношение групп по моде: в Группе 2 преобладали 33-летние испытуемые, в Группе 1 – 24-летние.

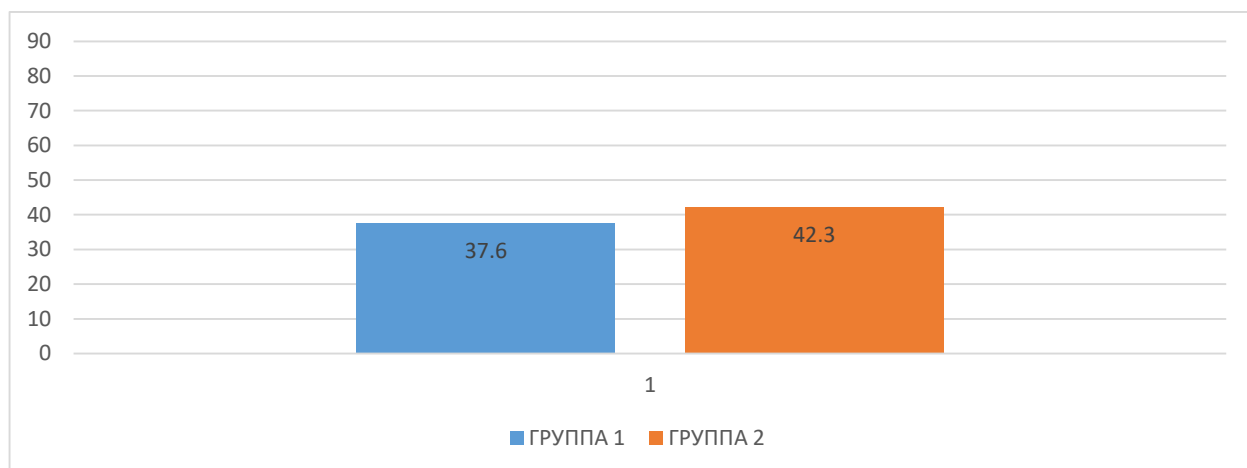

Рис. 2. Сравнение исследуемых групп по возрасту. Ось ординат – возраст в годах.

В обеих группах большая часть получила среднее/среднее специальное образование (67,9% и 72,2%), менее трети испытуемых в обеих группах имели высшее образование (15% и 16,6%), также в обеих группах имелись испытуемые с неоконченными высшим (9,4% и 5,5%) и средним/неполным средним (7,5% и 5,5%) образованием.

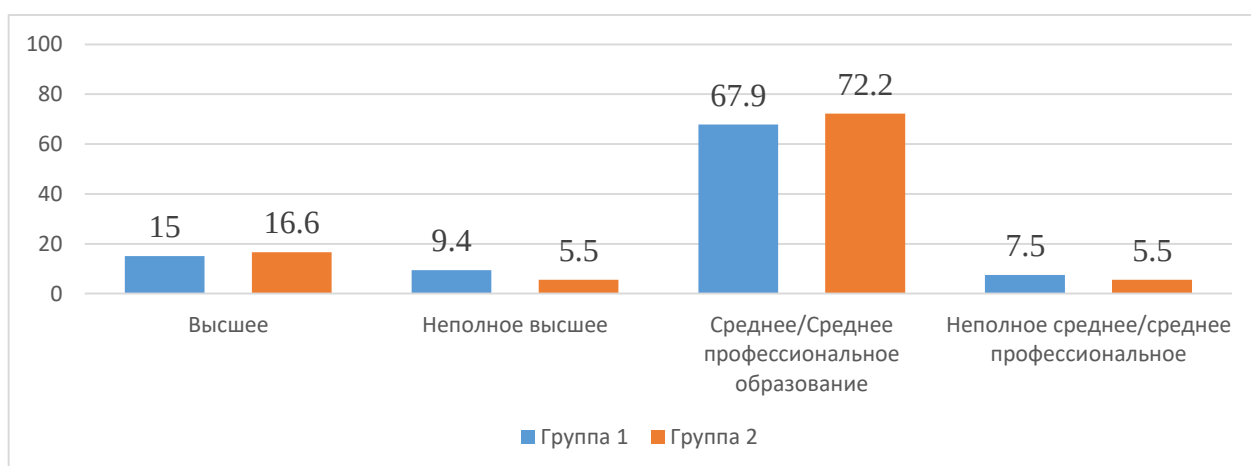

Рис.3. Сравнение исследуемых групп по уровню образования. По оси ординат – процент от количества испытуемых

Статистически значимые различия обнаружались при сравнении групп по семейному положению (Рис. 4).

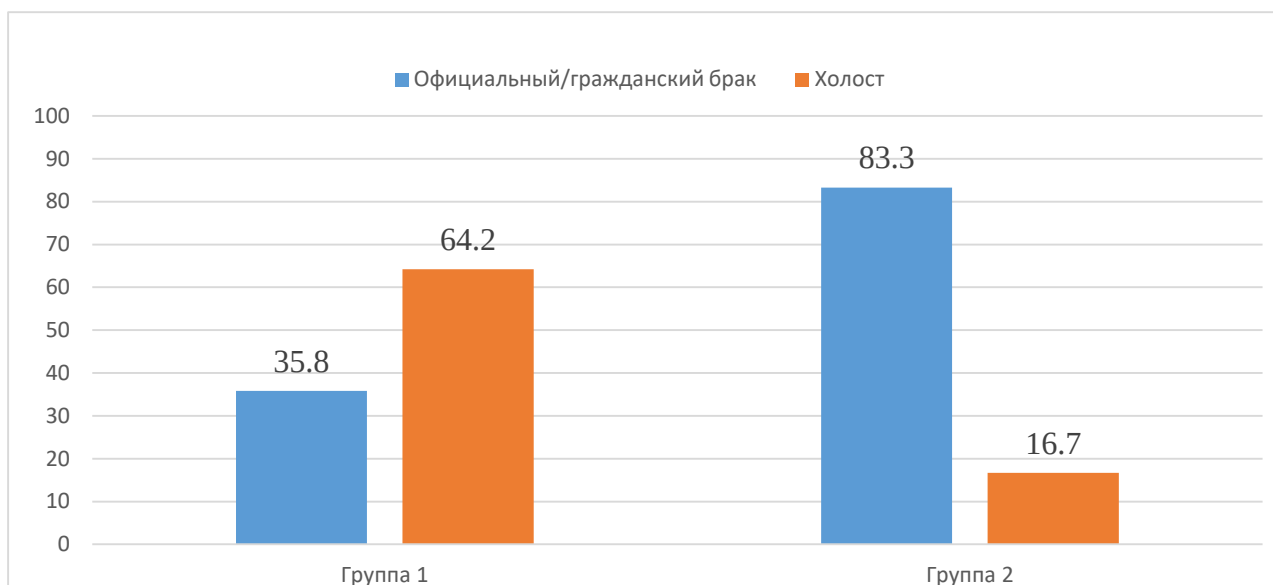

Рис.4. Сравнение исследуемых групп по семейному положению. По оси ординат процент от количества испытуемых

Среди лиц, относящихся к первой группе, преобладали холостые (64,2% против 35,8%), в то время как во второй группе испытуемые преимущественно либо сожительствовали с партнером, либо состояли в официальном браке (83,3% против 16,7%).

Также были обнаружены статистически значимые различия в наличии судимостей между лицами с личностными расстройствами и психически здоровыми при разделении Группы 1 на подгруппы А и Б. (Рис.5).

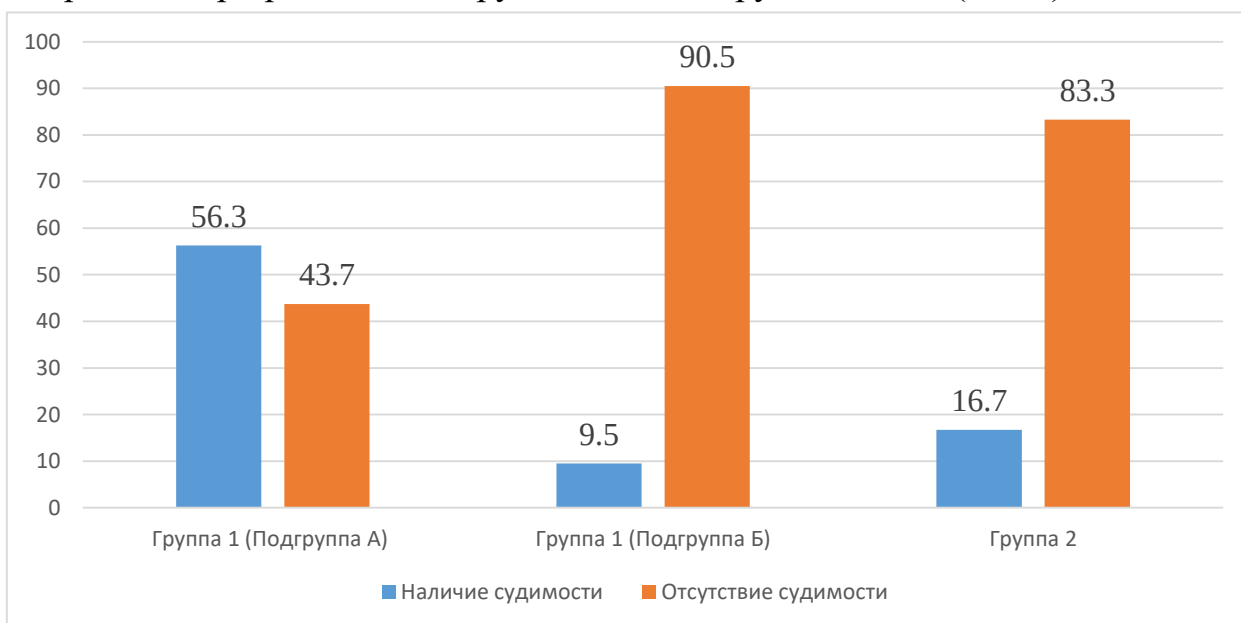

Рис.5. Сравнение исследуемых групп по наличию уголовной судимости. По оси ординат процент от количества испытуемых.

Так, среди лиц с ведущими истерическими и эмоционально-неустойчивыми радикалами (Группа 1, Подгруппа А) превалировали ранее осужденные (56,3% против 43,7%). Обратное соотношение отмечалось среди лиц с ведущим параноидным, шизоидным радикалом и лиц с психопатоподобной формой шизотипического расстройства (Группа 1, Подгруппа Б), где большинство испытуемых прежде не имели судимостей (9,5% против 90,5%). Такое соотношение прослеживалось и у психически здоровых лиц (Группа 2), также преимущественно не подвергавшихся ранее уголовному преследованию (16,7% против 83,3%).

2.2. Методы исследования

Основным являлся *клинико-психопатологический метод* исследования, в рамках которого выделялись ведущие характеристики и признаки психопатологических симптомов и синдромов с особым акцентом на психическом состоянии в период юридически значимой ситуации.

Для объективизации результатов исследования был применен психометрический метод: для оценки дезадаптивных личностных черт в соответствии с дименсиональной моделью расстройств личности был применен опросник *The Five-Factor Personality Inventory (FFiCD)*. Разработанный J.R. Oltmanns и T.A. Widiger (2020), указанный опросник представляет собой анкету из 121 утверждения, отношение к которым испытуемый оценивает по 5-балльной шкале в диапазоне от «абсолютно не согласен» до «абсолютно согласен». Полученные баллы подсчитываются в рамках пяти выделенных доменов расстройств личности: Диссоциальности, Негативной Аффективности, Расторможенности, Отчужденности и Ананкастности. Каждый из указанных доменов содержит в себе субдомены (аспекты) и нюансы (оттенки), наличие которых предполагает более дифференцированную оценку личностных черт.

Оценка личностно-ситуативного взаимодействия осуществлялась по двум направлениям – анализа фактической информации о юридически значимых обстоятельствах, получаемой из материалов уголовного дела, и исследования субъективного восприятия ситуации, для чего был разработан специальный опросник, использовавшийся в ходе клинического интервью.

Блок *объективно-фиксируемых параметров* – элементов юридически значимой ситуации, детерминирующих ее развитие и определяющих ее характер, а также содержащих информацию о ее пространственно-временных границах, ее участниках и их действиях, включал ряд параметров, которые были хронологически подразделены на следующие этапы: 1) Предкриминальная ситуация; 2) Криминальная ситуация (ситуация совершения противоправного деяния); 3) Посткриминальная ситуация (Волчецкая Т.С., 1997).

Предкриминальная ситуация была определена как предшествующий агрессивным противоправным действиями комплекс конкретных обстоятельств внешней среды социального и природного характера, находящихся в непосредственном взаимодействии с субъектом и влияющих на его поступки (Ефремов С.А., 1986).

Согласно ряду исследований, принципиальными ориентирами для ситуационного анализа указанного этапа являются аспекты межличностных отношений с жертвой, наличие и характер конфликта с ней, а также поведение жертвы на этапе предкриминальной ситуации (Ефремов С.А., 1986; Кудрявцев С.В., 1989; Сазиков А.И., 1999). В силу этого в рамках предкриминальной ситуации были выделены следующие объективно-фиксируемые параметры:

Степень близости взаимоотношений с жертвой оценивалась исходя из опыта совместного с ней проживания, обеспечивающего частоту их контактов и взаимодействий. Вариантами указанного параметра были: *близкие взаимоотношения*, в которых субъект и жертва проживали совместно непосредственно до возникновения юридически значимой ситуации; *неблизкие отношения*, при которых поддерживалось меньшее количество

контактов при отсутствии опыта совместного проживания; *отсутствие взаимоотношений* – жертва и испытуемый не были знакомы к моменту юридически значимой ситуации.

Наличие конфликта между испытуемым и жертвой. Понятие конфликта в качестве объективно-фиксируемого параметра рассматривалось как открытое, выраженное в словесной продукции или же в различных действиях противостояние интересов (потребностей) жертвы и испытуемого.

Длительность конфликта. Временные границы конфликта обозначались с момента поведенческого проявления (словесного или физического) несоответствия интересов (потребностей) испытуемого и жертвы до их перехода в криминальную ситуацию. По длительности конфликты подразделялись на *непродолжительные* и *продолжительные*. *Непродолжительными* было принято решение считать конфликты, длящиеся до месяца, *продолжительными* – более месяца.

Поведение жертвы как одного из акторов в конфликтных ситуациях было представлено в нескольких вариантах, учитывающих следующие параметры:

1) *Роль в возникновении конфликта.* Жертва была либо *вовлечена* в конфликт испытуемым или же являлась его *инициатором*;

2) *Тактика действий жертвы в конфликте.* Вариантами указанного параметра были: *намерение завершить конфликт*, поступаясь собственными интересами; *стремление урегулировать конфликт* с учетом интересов обеих сторон; *активное отстаивание своей позиции*, следуя реализации преимущественно собственных потребностей.

3) *Характер воздействия на испытуемого.* В ходе конфликтных ситуаций жертвы прибегали к различным методам воздействия на испытуемого, как то: *оскорбления* (представленные в качестве различных вариантов ненормативных обращений или же их эвфемизмов), *угрозы*, *шантаж* или же *физическое насилие*.

Наличие свидетелей конфликта. В качестве свидетелей учитывались лица, непосредственно наблюдавшие развитие конфликта либо же осведомленные о нем той или иной стороной.

Наличие признаков предварительной подготовки к совершению общественно опасного деяния на предкриминальном этапе. Признаком предварительности считалась временная дистанция между действием, способствующим совершению противоправных действий и их реализации, минимальным порогом которой являлось прошествие одного часа. Признаки предварительной подготовки были представлены в качестве заблаговременного: *выбора времени совершения противоправного деяния; выбора места*, а также *предварительное приискание орудия*.

Криминальная ситуация содержала в себе пространственно-временные границы обстоятельств совершения противоправного деяния, характер действий участников ситуации, а также их влияние на деятельность испытуемого. Наиболее информативными аспектами указанного этапа являются место и время совершения противоправного деяния, наличие свидетелей, орудие противоправного деяния, характер сопротивляющейся активности жертвы и действия самого субъекта (Волчецкая Т.С., 1997; Стельмах Т.А., 2012). Представленные ситуационные элементы легли в основу следующих выделенных параметров.

Время совершения противоправного деяния оценивалось с позиции освещенности места на *светлое* или *темное* время суток.

Принадлежность места совершения противоправного деяния указывала – совершено ли было противоправное деяние *в месте жительства испытуемого, его жертвы, их совместном месте жительства* или же в *общественном месте*.

Поведение жертвы в криминальной ситуации оценивалось по характеру ее сопротивления совершаемым в отношении нее агрессивным действиям, и было представлено в качестве следующих вариантов: *отсутствие*

противодействия; попытка бегства; крики; призывы на помощь; обращения к испытуемому; оскорбления или же физическое противодействие.

Наличие свидетелей отражало присутствие или же отсутствие свидетелей в непосредственной близости с местом происшествия.

Характер действий свидетелей в момент совершения испытуемыми противоправного деяния, вариантами которого были: *бездействие, призыв на помощь, словесное воздействие или же попытки физического противостояния.*

Наличие соучастников указывало на присутствие или же отсутствие лиц, способствующих обвиняемому в совершении противоправной активности.

Активность соучастников оценивалась по характеру их воздействия на противоправную деятельность испытуемого и варьировалась между *нейтральной, содействующей и иницилирующей;*

Активность испытуемого в период криминальной ситуации оценивалась по следующим параметрам:

Количество жертв;

Орудие противоправного деяния;

Количество нанесенных повреждений – было подразделено на *единичные (до трех повреждений), множественные (от 3 до 9) и более 10.*

Наличие посмертных повреждений. В данном параметре учитывались только повреждения, не нанесенные с целью сокрытия противоправного деяния.

Факт наступления смерти, оцениваемый как по его наличию, так и по хронологической связи с противоправной активностью субъекта. Указанный параметр состоял из вариантов: *смерть во время деликта, отсроченная смерть*, а также *смерть не наступила.*

Длительность криминальной активности измерялась непосредственно с начала противоправных действий до их завершения, и подразделялась на *непродолжительную (до 1 часа) и продолжительную (более 1 часа).*

Посткриминальная ситуация рассматривалась в виде различных вариантов действий испытуемого в отношении последствий произошедшего преступления и была представлена следующими вариантами: *сокрытие следов преступления, орудия и трупа; воздействие на свидетелей; бегство с места происшествия; попытки помощи жертве; вызов специализированных служб; попытка суицида.*

Значения параметров **субъективного восприятия** устанавливались посредством клинической беседы. Ранее Н.Е. Лысенко, О.Д. Пеевой и В.Г. Булыгиной для оценки интерпретации социального и эмоционального контекста конфликтных ситуаций был применен метод клинического интервью (2024). Нами параметры субъективного восприятия юридически значимых ситуаций оценивались схожим способом – испытуемым предлагалось ответить на ряд вопросов открытого и закрытого типа, а также на вопросы, предлагающие ранжирование по 100-балльной шкале (См. Приложение 1).

Исследование параметров субъективного восприятия ситуации проводилось по трем осям, аналогичным измерениям, представленным в модели поля аффордансов S. De Naan (2013):

- 1) *Ось субъективной значимости* (соответствует измерению Высоты);
- 2) *Ось представленности вариантов действий* (соответствует измерению Ширины);
- 3) *Ось временной развернутости* (соответствует измерению Глубины).

Для более детального представления о процессе субъективного восприятия ситуации в рамках представленных осей был выделен ряд параметров, для чего были использованы *измерения когнитивного оценивания*, представляющие собой измерения субъективной оценки ситуации, лежащие в основе возникновения эмоций (Tekopelle J.L., Fe Hooge I.E., van Trijp H.C.M., 2023), а также ряд специально выделенных переменных.

Ось субъективной значимости состояла из следующих параметров:

Валентность – дименсия когнитивного оценивания, отражающая отношение испытуемого к ситуации (Lazarus R., 1990). Для оценки указанного параметра испытуемым задавался вопрос: «*Как Вы отнеслись к возникшей ситуации?*», в ответ на который предлагалось указать один из вариантов: «*позитивно*», «*нейтрально*», «*негативно*».

Возникшие эмоции. Для оценки указанного параметра испытуемым предлагались вопросы: «*Какие негативные эмоции Вы испытывали во время ситуации?*» и «*Какие позитивные эмоции Вы испытывали во время ситуации?*». Для ответа на указанные вопросы испытуемым предлагался перечень эмоций из модели R. Plutchik (1980).

S. De Naan (2013) указывала, что понятие значимости в рамках выделенной ею дименсии нуждалась в большей дифференциации и операционализации ее измерения. При исследовании сверхценных состояний, характеризующихся возникновением особой субъективной значимости тех или иных элементов среды, Е.А. Илюшина (2015) выделяла в них аффективный и идеаторный компоненты. В силу этого *Ось значимости* была дополнена следующими параметрами.

Интенсивность возникших эмоций. Указанный параметр представлял собой субъективную оценку испытуемыми «силы» испытанных на момент юридически значимой ситуации эмоций. Для оценки указанного параметра испытуемым предъявлялся вопрос: «*Насколько сильно Вас захватили эмоции в момент ситуации?*». В качестве ответа испытуемым предлагалось указать значение по 100-балльной шкале.

Степень направленности внимания на ситуацию – отражала степень идеаторной охваченности испытуемого сложившейся ситуацией. Испытуемому задавался вопрос: «*Могли ли Вы отвлечься от возникшей ситуации на какие-либо сторонние обстоятельства?*». В качестве ответа предлагались варианты: «*Нет, не мог*», «*Мог частично*» и «*Мог полностью*», что соотносилось со следующими вариантами параметра: *полная направленность внимания* (идеаторная активность испытуемого была

фиксирована исключительно на ситуации); *частичная направленность внимания* (идеаторная активность была сфокусирована преимущественно на ситуации, однако периодически переключалась на другие обстоятельства и события) и *отсутствие направленности внимания* (идеаторная активность испытуемого не была направлена на ситуацию).

В состав Оси представленности вариантов действий были включены следующие параметры.

Знакомость ситуации – являлась дименсией когнитивного оценивания и отражала представленность ситуации в субъективном опыте испытуемого (Frijda N.H., Kuipers P., Schure E.T., 1989). В рамках указанного параметра испытуемым задавался вопрос: «Оказывались Вы ранее в подобной ситуации?» со следующими вариантами ответа: «Нет, не оказывался», «Оказывался в частично схожей ситуации» и «Оказывался в идентичной ситуации». Представленные ответы соответствовали категориям: *ситуация знакома полностью, ситуация знакома частично, ситуация незнакома*.

Уверенность в понимании ситуации – являлась дименсией когнитивного оценивания (Smith C.A., Ellsworth P.C., 1985) и представляла собой субъективную оценку испытуемым уверенности в правильности своей интерпретации ситуации. Для оценки параметра испытуемым предъявлялся вопрос: «Насколько Вы были уверены, что поняли ситуацию верно?», в качестве ответа предлагалось указать значение по 100-балльной шкале.

Подконтрольность ситуации – дименсия когнитивного оценивания, представляющая собой субъективную оценку испытуемым своей способности влиять на исход ситуации (Frijda N.H., Kuipers P., Schure E.T., 1989). Испытуемым задавался вопрос: «Насколько Вы контролировали ситуацию?». В качестве ответа предлагалось указать значение по 100-балльной шкале.

Субъективное представление о намерениях потерпевшего – параметр, отражающий варианты интерпретации испытуемым намерений жертвы, возникших в момент юридически значимой ситуации. Для оценки параметра предъявлялся вопрос открытого типа: «Что в возникшей ситуации хотел

потерпевший(ая)?». Варианты ответов испытуемых были сгруппированы в следующие категории: намерения, угрожающие безопасности испытуемого (убить, нанести физический вред, нарушить половую неприкосновенность); намерение осуществить материальный ущерб (кража, мошенничество); намерение оскорбить/унизить, намерение контролировать (напр. гиперопека родителя, ревность партнера и т.д.); намерение в осуществлении сепарации от испытуемого (напр., размолвка с партнером); отсутствие каких-либо намерений; доброжелательные намерения; намерение потерпевшего защитить свою безопасность.

Субъективное представление о собственных намерениях – параметр, отражавший представление испытуемого о собственных намерениях, возникших в ситуации. Испытуемому задавался открытый вопрос: «Что Вы хотели в возникшей ситуации?» Аналогично предыдущему, список категорий указанного параметра был составлен на основе анализа всей совокупности ответов испытуемых и был представлен в следующем виде: «намерения, направленные на защиту собственной безопасности»; «намерение отстоять свое достоинство/честь»; «намерение отомстить за что-либо»; намерение «восстановить справедливость»; намерение удерживать контроль (в т.ч. ревность к партнеру); намерение убить жертву; без каких-либо пояснений.

Количество вариантов действий – количество вариантов действий, субъективно доступных испытуемому на момент юридически значимой ситуации (De Naap S., 2013). Параметр оценивался посредством вопроса: «Каким количеством вариантов действий вы обладали во время ситуации?». В качестве ответа испытуемым предлагалось указать число субъективно доступных на момент ситуации вариантов.

Характер альтернатив действий – параметр, отражавший характер вариантов действий, субъективно доступных испытуемому на момент юридически значимой ситуации. Для оценки испытуемому задавался открытый вопрос: «Какие альтернативы предпринятому вами действию вы видели?». Совокупность ответов испытуемых была сгруппирована в

следующие категории: *альтернативные способы совершения агрессивного противоправного деяния; менее brutальные альтернативы предпринятому агрессивному деянию; суицид; ненасильственные альтернативы; субъективное отсутствие альтернатив.*

Ожидаемые усилия – когнитивная дименсия, отражавшая субъективную оценку наличия препятствий и необходимости их преодоления на пути к реализации выбранного варианта действия (Smith C.A., Ellsworth P.C., 1985; Frijda N.H., Kuipers P., Schure E.T., 1987). Испытуемым задавался вопрос: «С какими трудностями Вы ожидали столкнуться непосредственно перед совершением предпринятых Вами действий?». Вариантами предлагаемых ответов были: «с существенными трудностями», «с умеренными трудностями», «ни с какими трудностями». Указанные ответы соответствовали категориям: *ожидание приложения существенных усилий; ожидание приложения умеренных усилий; отсутствие ожидания каких-либо усилий.*

Ось временной развернутости оценивалась посредством следующих параметров.

Ожидаемость ситуации – дименсия когнитивного оценивания, отражающая наличие предварительного прогноза у испытуемого о возникновении юридически значимой ситуации (Frijda N.H., Kuipers P., Shure E.T., 1989). Параметр оценивался посредством вопроса: «Допускали ли Вы, что в Вашей жизни может произойти ситуация, подобная возникшей?». Испытуемым предлагались следующие варианты ответа: «допускал возникновение ситуации, идентичной произошедшей», «допускал частично схожую ситуацию произошедшей», «не допускал возникновения подобной ситуации». Параметр оценивался по трем категориям: *полная ожидаемость* (развитие ситуации было полностью спрогнозировано испытуемым); *частичная ожидаемость* (прогнозируемы были не все элементы и события ситуации); *полная неожиданность ситуации.*

Ожидаемость собственных агрессивных действий – параметр, отражающий субъективную оценку испытуемым возможности совершения агрессивных действий. Для оценки указанного параметра перед испытуемым ставился вопрос: *«Допускали ли Вы ранее, что у Вас когда-нибудь возникнет намерение поступить схожим с предпринятыми вами действиями образом?»*. В качестве ответа предлагались варианты: *«допускал», «допускал, но при иных обстоятельствах», «не допускал»*. Соответственно указанным ответам, параметр подразделялся на категории: *допустимость агрессивных действий; недопустимость агрессивных действий; допустимость агрессивных действий при не схожих с юридически значимой ситуацией обстоятельствах*.

Представления о дальнейшем будущем – параметр, демонстрирующий детальность прогноза дальнейшего развития ситуации испытуемым. Задавался вопрос открытого типа: *«К возникновению каких последствий после предпринятых вами действий Вы ожидали столкнуться?»*. Предоставленные ответы оценивались на наличие у испытуемых представлений о дальнейшем развитии ситуации и возможных последствиях как для себя, так и для других ее участников, а также о своих дальнейших действиях. В случаях, когда испытуемые описывали конкретные обстоятельства, с которыми в дальнейшем ожидали столкнуться, а также высказывали свои предполагаемые действия в их связи, указанные ответы оценивались как *«детальные представления»*. Ответы испытуемых, содержащие в себе преимущественно абстрактные высказывания о дальнейшем развитии ситуации (напр., *«я думал вместе с потерпевшей предстать перед Богом, и он нас рассудит»*), оценивались как *поверхностные представления*. В случаях, когда испытуемые не предоставляли никаких суждений о последующих за ситуацией событиях, ответ относился к категории *отсутствие представлений о дальнейшем развитии ситуации*.

Длительность психологической ситуации – временной промежуток между возникновением интенции (идеи) совершить агрессивное

противоправное деяние и завершением его реализации. Для оценки параметра испытуемым задавался вопрос открытого типа: *«За какой отрезок времени до совершения предпринятых вами действий у Вас появилась идея поступить таким образом?»*. Ответы испытуемых были распределены по категориям «несколько секунд», «несколько минут», «несколько часов», «несколько дней», «несколько недель», «несколько месяцев» и «год и более».

Статистический метод осуществлялся с использованием программного обеспечения jamovi версии 2.3.26. Использовались методы описательной статистики. Для множественных сравнений между группами использовался анализ таблиц сопряженности с использованием критерия χ^2 Пирсона, точного критерия Фишера. Для сравнения показателей использовались непараметрические критерии (U-критерий Манна-Уитни, критерий Краскела-Уоллиса). Для изучения связей между параметрическими показателями применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Этический аспект работы. Всеми лицами, обследованными лично, было подписано добровольное информированное согласие на участие в исследовании, одобренное этическим комитетом ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» МЗ РФ (протокол № 36/4 от 6 декабря 2021 г.).

ГЛАВА 3. ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ СИТУАЦИЙ

Исходя из интеракционистских воззрений на механизм воздействия ситуационных переменных на поведение, ряд исследователей рассматривали категорию ситуации с объективной и субъективной перспектив.

Так, К. Stebbins (1969) выделял *объективную ситуацию*, понимая под ней *«непосредственное социальное и физическое окружение субъекта»*, и *субъективную ситуацию*, определяя ее как *«совокупность компонентов объективной ситуации, воспринятую человеком и воздействующую на его активные ориентации»*.

Тому же принципу следовал и D. Magnusson (1981), выделявший такие *уровни ситуации*, как: *«реальная ситуация»*, представлявшая ее внешние объективные проявления как часть того, что доступно сенсорному восприятию в определенный отрезок времени; *«воспринимаемая ситуация»* – ситуация, которая воспринимается, интерпретируется, усваивается в значениях, конструируется и репрезентируется в сознании участника ситуации; *жизненная ситуация* – понимаемая автором как *«часть мира, которую можно воспринимать, осваивать, интерпретировать как имеющую отношение к человеку и его поведению. С одной стороны, жизненная ситуация сконструирована реальными условиями, в которых он живет – тип профессии, организация работы, семейные связи и т.п., с другой – его собственным опытом и оценками этих условий»*.

В свою очередь, исследуя роль внешних обстоятельств в детерминации противоправного поведения, С.А. Ефремов (1984) указывал, что конкретная жизненная ситуация, предвещающая совершение криминальных действий, обладает набором определенных элементов. Последние, по мнению автора, не

являются изолированными, а обуславливают существование друг друга, тем самым формируя саму ситуацию: «конкретная жизненная ситуация — это комплекс обстоятельств внешнего мира, а не их совокупность».

Из сказанного следует, что необходимым этапом анализа категории ситуации является определение закономерностей ее развития. Поиск указанных закономерностей возможен посредством установления взаимосвязей как среди объективных и субъективных аспектов ситуации, так и между ними.

Для решения этой задачи был произведен статистический анализ общей выборки совершенных испытуемыми ($n=71$) деликтов ($n=76$), по результатам которого был выделен ряд взаимосвязей между представленными ранее параметрами юридически значимой ситуации. Были установлены ключевые ситуационные факторы, обладающие наибольшим количеством взаимосвязей.

3.1. Взаимосвязи объективно фиксируемых параметров юридически значимой ситуации

Проведенный анализ позволил выявить наиболее существенные объективно фиксируемые параметры, обладающие наибольшим количеством взаимосвязей (Рис.6).

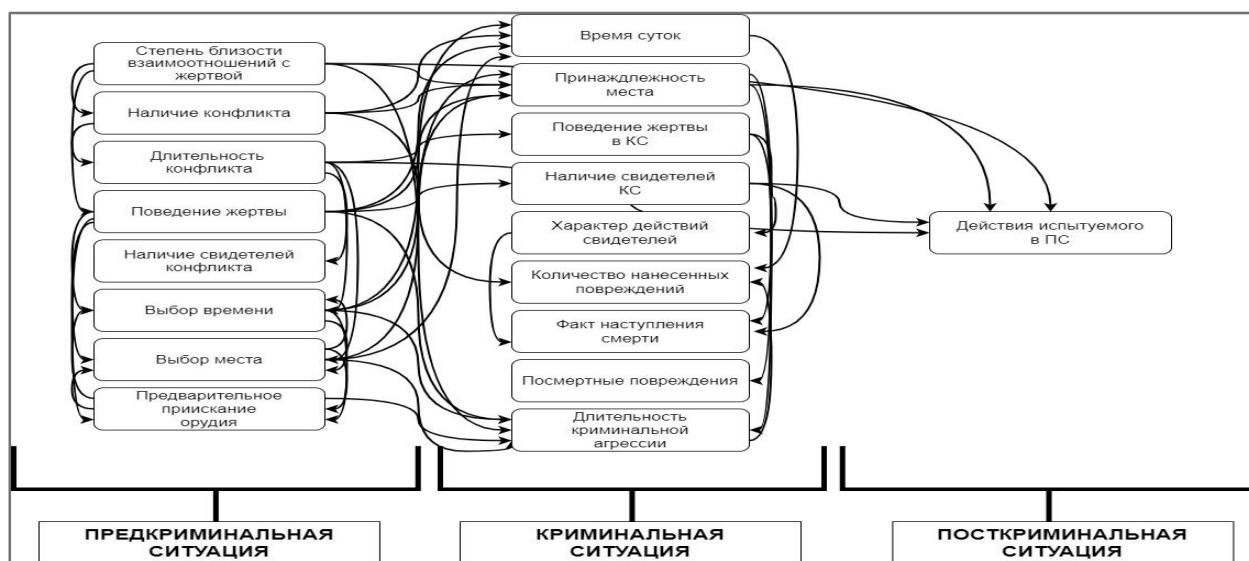

Рис. 6. Взаимосвязи между объективно-фиксируемыми параметрами ситуации агрессивного противоправного деяния. Здесь и далее: КС – криминальная ситуация, ПС – посткриминальная ситуация. Здесь и далее стрелки обозначают установленные статистически значимые взаимосвязи.

От степени близости взаимоотношений с жертвой зависело наличие конфликта, его длительность, принадлежность места совершения противоправного деяния, длительность криминальной активности, а также действия испытуемых в посткриминальной ситуации (Рис.7).

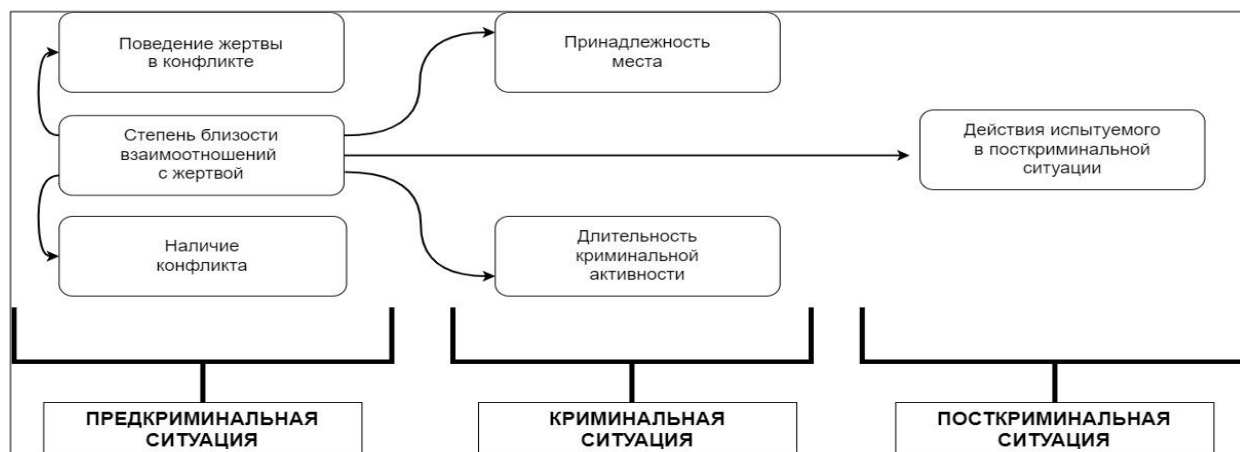

Рис. 7. Взаимосвязи характера отношений с жертвой с остальными объективно-фиксируемыми параметрами ситуации.

Так, при близких взаимоотношениях предкриминальная ситуация включала конфликт между испытуемым и жертвой ($p < 0.01$), в котором последняя отстаивала свои позиции ($p = 0.028$). В свою очередь, последующие агрессивные криминальные действия преимущественно совершались в месте проживания жертвы ($p < 0.01$) и отличались своей непродолжительностью ($p = 0.040$), а по их окончании испытуемые значительно чаще прибегали к попытке суицида ($p = 0.011$).

Наличие неблизких взаимоотношений испытуемых и потерпевших также было ассоциировано с возникновением конфликта ($p < 0.01$) во время предкриминальной ситуации. Конфликт в подобных ситуациях чаще инициировался самой жертвой ($p = 0.028$), что приводило к осуществлению непродолжительной ($p = 0.040$), осуществляемой преимущественно в общественном месте ($p < 0.01$) криминальной активности со стороны испытуемых. При этом действия последних на этапе посткриминальной ситуации были независимы от фактора близости отношений с жертвой и демонстрировали свою вариативность.

В случаях, когда испытуемые *не были знакомы с потерпевшими*, в предкриминальной ситуации конфликт отсутствовал ($p < 0.01$). Криминальная ситуация в подобных случаях возникала в общественных местах ($p = 0.01$), а криминальная деятельность отличалась своей продолжительностью ($p = 0.040$). На этапе посткриминальной ситуации действия испытуемых были направлены на сокрытие следов противоправных деяний ($p = 0,064$), а также бегством с места происшествия ($p = 0,015$).

Наличие конфликта на этапе предкриминальной ситуации отражалось на длительности криминальной активности, на количестве нанесенных повреждений жертве, времени суток, а также на принадлежности места совершения деликта (Рис.8).

Рис. 8. Взаимосвязи наличия конфликта и остальных объективно-фиксируемых параметров ситуации

Так, в случае *конфликта* между испытуемыми и потерпевшими развитие криминальной ситуации имело тенденцию происходить преимущественно в месте жительства жертвы ($p = 0.076$), в светлое время суток ($p = 0.045$). Криминальная активность в таких случаях была непродолжительной ($p = 0.008$), но при этом отличалась нанесением жертве множественных повреждений ($p = 0.035$).

При *отсутствии конфликта* деликты чаще происходили в общественных местах ($p=0.076$), в темное время суток ($p=0.045$). Длительность криминальной активности была непродолжительной ($p=0.008$) и сопровождалась нанесением единичных повреждений жертве ($p=0.035$).

Немаловажными для дальнейшего развития ситуации являются и отдельные характеристики конфликтов. Так, длительность конфликта обнаруживала взаимосвязи с наличием свидетелей конфликта, предварительным выбором места и времени совершения противоправного деяния, поведением жертвы в криминальной ситуации, а также действиями самого испытуемого в посткриминальной ситуации (Рис.9).

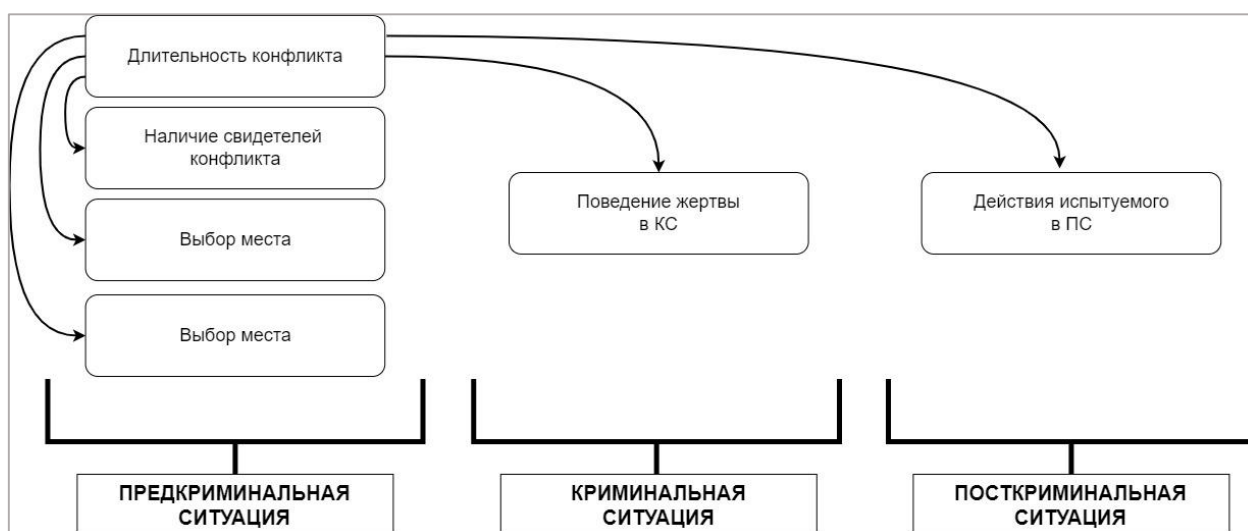

Рис.9. Взаимосвязи длительности конфликта и остальных объективно-фиксируемых параметров ситуации.

Непродолжительные конфликты происходили преимущественно без вовлечения в них сторонних лиц ($p=0.001$), без предварительного выбора места ($p<0.01$) и времени суток ($p<0.01$) совершения противоправного деяния. В подобных случаях криминальная ситуация сопровождалась физическим противодействием жертвы ($p=0.025$), а также дальнейшим последующим вызовом специализированной помощи самими испытуемыми ($p=0.005$).

Продолжительные же конфликты проходили с вовлечением в них сторонних лиц. При подобном типе конфликтов испытуемые достоверно чаще

совершали действия, направленные на подготовку к совершению преступления, а именно заблаговременно выбирали место ($p < 0.01$) и время суток ($p < 0.01$). Большая длительность конфликта находила свое отражение в отсутствии противодействия жертвы во время криминальной ситуации ($p = 0.025$). На этапе посткриминальной ситуации испытуемые не совершали каких-либо действий, направленных на помощь жертве ($p = 0.005$).

Еще одним из существенных факторов предкриминальной ситуации являлось поведение жертвы в конфликте, обнаружившее связи с предварительным выбором места и времени, приисканием орудия испытуемыми, а также с принадлежностью места, временем суток совершения деликта и длительностью криминальной активности (Рис.10).

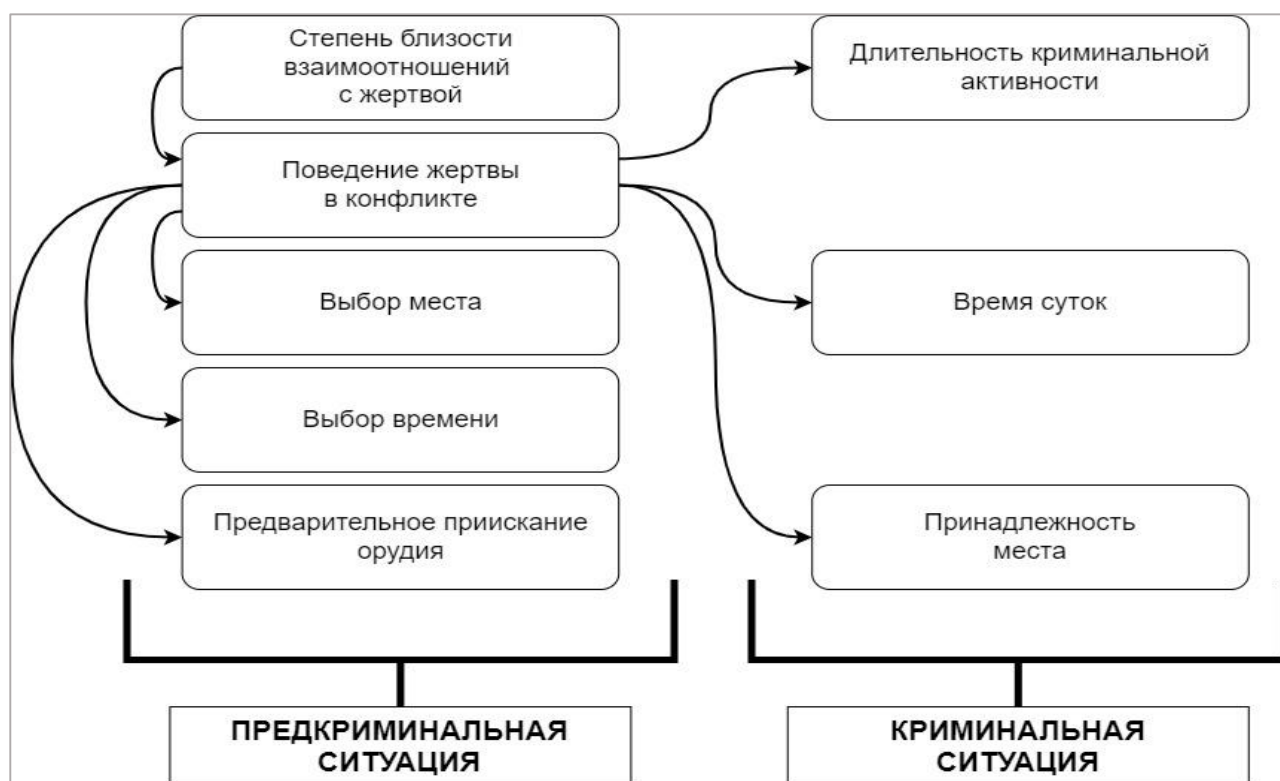

Рис. 10. Взаимосвязи поведения жертвы на этапе предкриминальной ситуации и остальных объективно-фиксируемых параметров.

В случаях, когда жертва являлась *инициатором конфликта*, криминал значительно чаще совершался в общественных местах ($p = 0.033$), в светлое время суток ($p = 0.026$). При таком поведении жертвы испытуемые не выбирали места ($p = 0.041$), времени ($p = 0.020$) совершения противоправного деяния, а также не совершали предварительного приискания орудия ($p = 0.062$). При

инициации конфликта жертвой длительность криминальных действий была непродолжительной ($p=0.047$).

Аналогичным образом складывались и ситуации, когда жертва прибегала к различным видам агрессивного поведения. В случаях, когда жертва оскорбляла испытуемого в ходе конфликта, последние также не совершали предварительный выбор места ($p=0.033$) и времени ($p=0.027$) осуществления противоправного деяния. Криминальная ситуация происходила в светлое время суток ($p=0.046$), в общественных местах или в местах совместного проживания ($p=0,030$). Длительность криминальной активности при таком поведении жертвы также значительно чаще была непродолжительной ($p=0,030$).

Если жертва прибегала к угрозам в отношении испытуемых, последние значительно чаще не выбирали место совершения противоправных действий ($p=0,075$) и осуществляли их в общественных местах ($p=< 0.01$).

В ситуациях, когда жертвы подвергали испытуемых физическому насилию, те не выбирали ни места ($p=0.014$), ни времени ($p=0.029$) совершения деликта и не осуществляли предварительного приискания орудия ($p=< 0.01$). Агрессивные действия с их стороны происходили преимущественно в темное время суток ($p=0.013$), в общественных местах или местах совместного проживания с жертвой ($p=0.003$). Длительность криминальной активности также была непродолжительной ($p=0.003$).

В случаях, когда жертва не была участником конфликта, испытуемые совершали предварительный выбор места ($p=0.007$) и времени ($p=0.021$) преступления, а продолжительность криминальной активности значительно чаще была длительной ($p=0.021$).

Как было указано ранее, предварительный выбор места и времени суток, а также предварительное приискание орудия испытуемыми были обусловлены длительностью конфликта и поведением жертвы на этапе предкриминальной ситуации. Наряду с этим выбор места и времени преимущественно осуществлялись совместно ($p=< 0.01$), определяли время суток и

принадлежность места произошедшего деликта, а также в совокупности с предварительным приисканием орудия обуславливали длительность криминальной активности (Рис.11).

При наличии предварительного выбора *места* и *времени* испытуемые также приискивали орудие для реализации противоправных намерений ($p < 0.01$). Криминальная ситуация чаще происходила в темное время суток

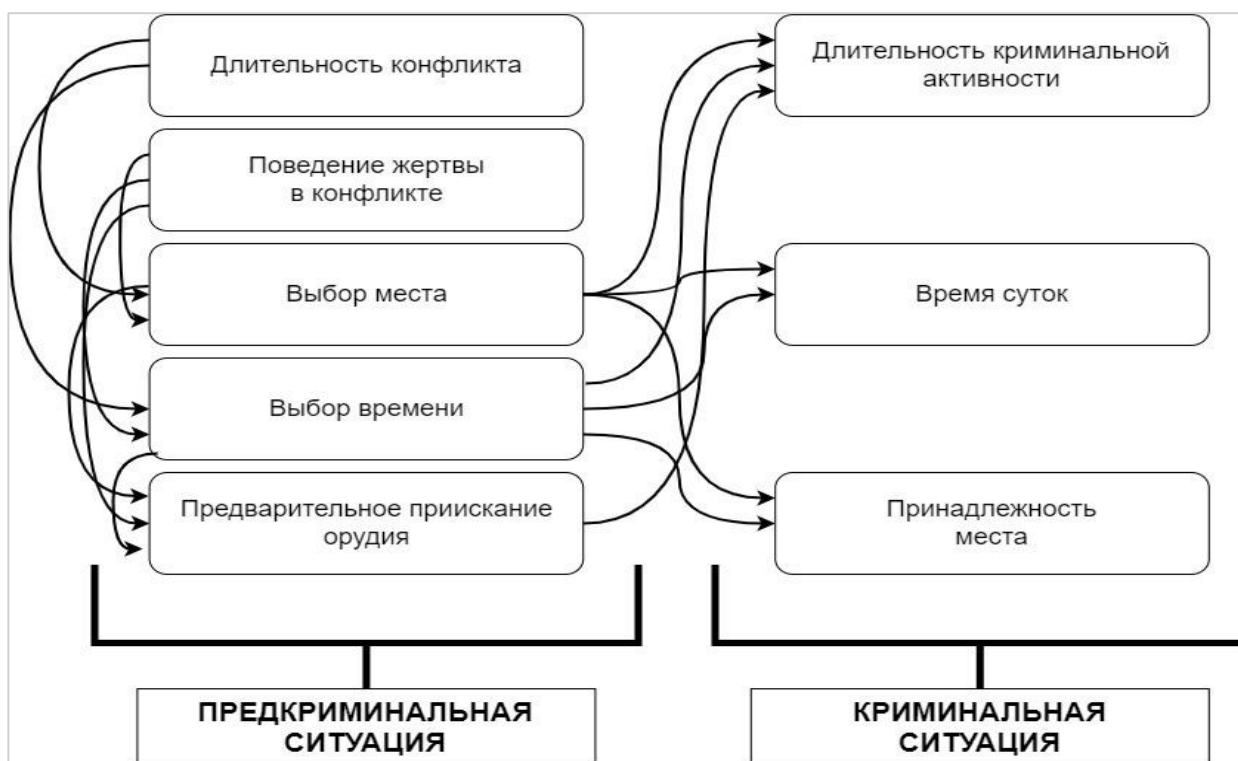

Рис. 11. Взаимосвязи параметров предварительной подготовки и остальных объективно-фиксируемых факторов ситуации.

($p=0.064$, $p=0.046$), преимущественно по месту проживания жертвы ($p=0.004$, $p=0.010$), длительность криминальной активности в подобных ситуациях была продолжительной ($p < 0.01$).

При отсутствии предварительного выбора времени и места испытуемые также не приискивали орудия противоправного деяния ($p < 0.01$). Криминальная ситуация происходила в светлое время суток ($p=0.064$, $p=0.046$) в общественных местах или в местах совместного проживания с жертвой ($p=0.004$, $p=0.010$) и характеризовалась непродолжительностью криминальной активности ($p < 0.01$).

От предварительного приискания орудия зависела длительность криминальной активности, которая при наличии приискания была продолжительной, а при его отсутствии – непродолжительной ($p < 0.01$).

Из представленного выше следует, что в наибольшей степени параметры предкриминального периода воздействовали на такие характеристики ситуации, как принадлежность места совершения противоправного деяния, время суток его совершения, а также длительность криминальной активности. Указанные факторы преимущественно определяли своеобразие ситуаций, однако также имели воздействие на деятельность испытуемых.

Так, принадлежность места обнаруживала связи с длительностью криминальной активности, с нанесением посмертных повреждений жертве, а также с поведением испытуемых в посткриминальной ситуации (Рис.12).

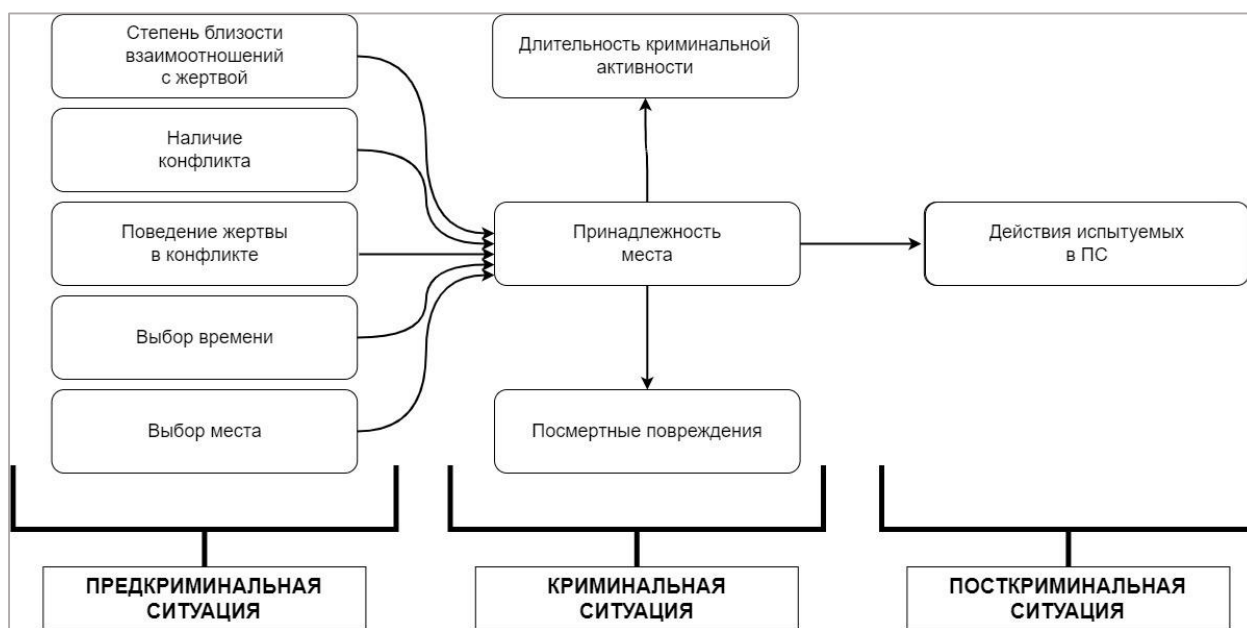

Рис. 12. Взаимосвязи параметра принадлежности места совершения противоправного деяния с остальными объективно-фиксируемыми параметрами.

Криминальные ситуации, происходившие в общественных местах или по месту жительства жертвы, отличались продолжительностью противоправных действий ($p=0.050$), нанесением жертве посмертных повреждений ($p=0.048$), а также действиями, направленными на сокрытие трупа ($p=0.015$) или же попыткой бегства ($p=0.075$) на этапе посткриминальной ситуации.

В свою очередь, деликты, произошедшие по месту жительства испытуемых или в совместном с жертвой месте проживания, характеризовались непродолжительной криминальной активностью ($p=0.050$) и отсутствием посмертных повреждений ($p=0.048$). На этапе посткриминальной ситуации испытуемые достоверно чаще самостоятельно вызывали специализированные службы ($p=0,010$).

Связанная с принадлежностью места совершения противоправного деяния длительность криминальной активности была обусловлена характером отношений с жертвой, наличием с ней конфликта, ее характером поведения в конфликте, а также предварительной подготовкой испытуемых к совершению противоправного деяния, а также с принадлежностью места его совершения. Длительность криминальной активности обнаруживала и взаимосвязи с количеством нанесенных повреждений жертве (Рис.13).

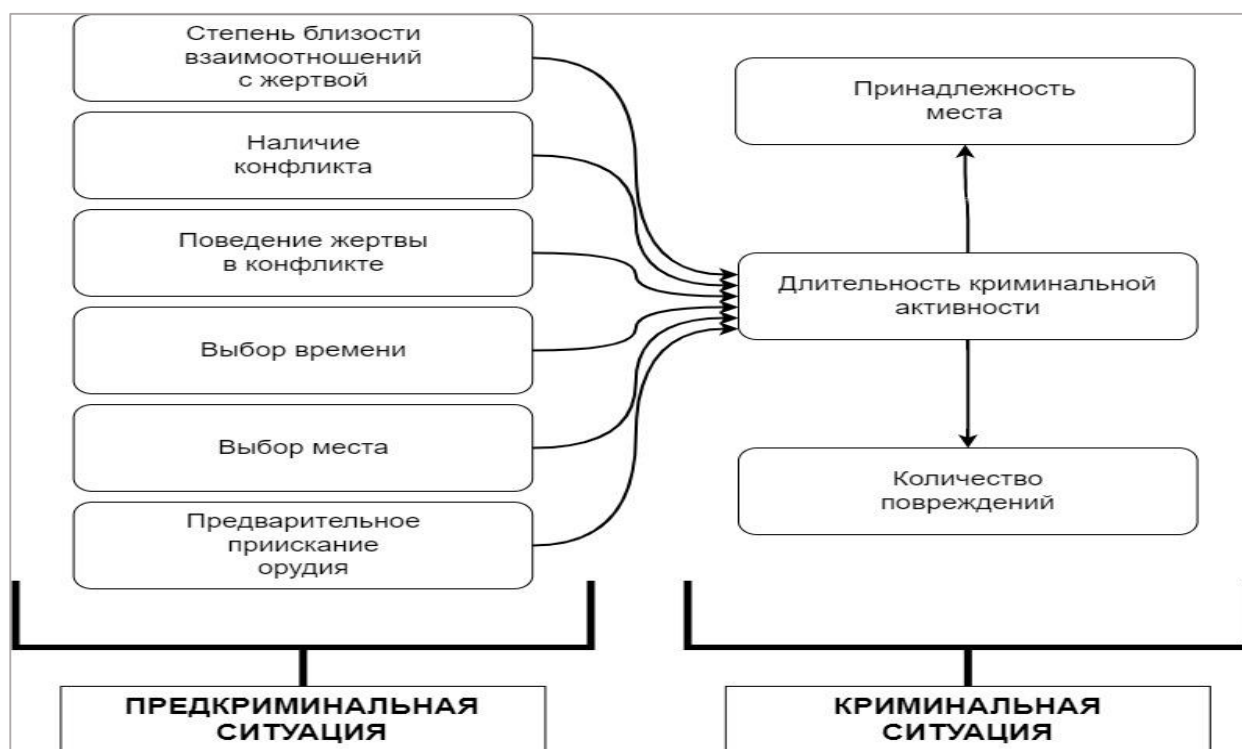

Рис. 13. Взаимосвязи длительности криминальной активности с остальными объективно-фиксируемыми параметрами.

При продолжительной криминальной активности жертве преимущественно наносились единичные увечья, в то время как при непродолжительной – множественные ($p=0.070$).

С количеством нанесенных повреждений был также связан и фактор времени суток (Рис.14).

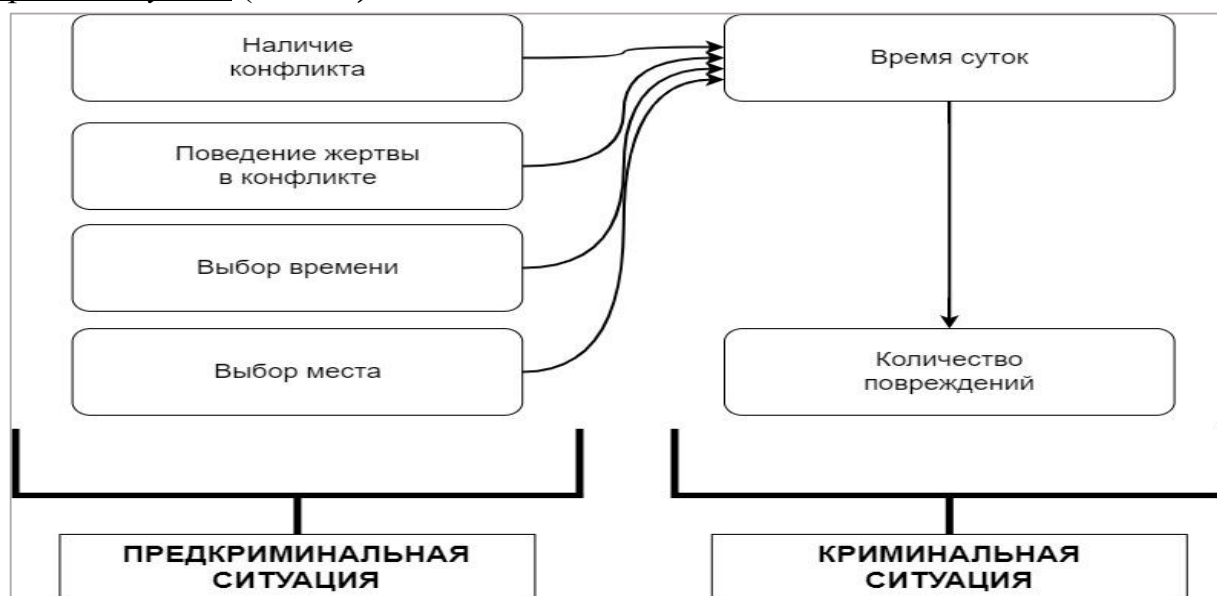

Рис. 14. Взаимосвязи параметра времени суток с остальными объективно-фиксируемыми параметрами ситуации.

В криминальных ситуациях, разворачивавшихся в светлое время суток, испытуемые наносили множественные повреждения жертве, тогда как в темное – преимущественно единичные ($p=0.032$).

Представленные связи параметров отразили взаимообусловленность пространственно-временных аспектов криминальной ситуации с характером противоправной деятельности субъекта. Наряду с этим, параметры поведения акторов криминальной ситуации обнаружили взаимосвязи с завершенностью действий испытуемых.

Наличие свидетелей криминальной ситуации, определяемое поведением жертвы в конфликте, было также связано с поведением жертвы и в криминальной ситуации, завершенностью противоправных действий субъектом (смертью жертвы), а также со спецификой его деятельности в посткриминальной ситуации (Рис.15).

Рис.15. Взаимосвязи наличия свидетелей, их поведения и поведения жертвы с остальными объективно-фиксируемыми параметрами ситуации.

В случаях, когда криминальная ситуация разворачивалась в людном месте, жертва значительно чаще звала посторонних людей на помощь ($p=0.050$), смерть жертвы не наступала или же происходила отложено после деликта ($p=0.015$), а на этапе посткриминальной ситуации испытуемыми не совершалось попыток сокрытия трупа ($p=0.017$), орудия ($p=0.062$) или следов криминальной активности ($p=0.030$).

В криминальных ситуациях, происходивших в безлюдных местах, жертва преимущественно не оказывала сопротивления ($p=0.050$), а ее смерть наступала во время деликта ($p=0.015$), после чего испытуемые осуществляли сокрытие трупа ($p=0.030$), орудия ($p=0.062$), следов противоправного деяния ($p=0.030$).

Указанное влияние на завершенность действий испытуемых было опосредованно характером противодействия свидетелей.

Так, именно физическое противодействие свидетелей чаще не позволяло испытуемым убить свою жертву ($p=0.070$). В свою очередь, при попытке словесного воздействия или же при бездействии со стороны свидетелей ($p=0.070$) смерть жертвы наступала во время деликта ($p=0.070$).

Поведение жертвы, будучи связанным с наличием свидетелей и характером их противодействия криминальной активности, обнаруживало связь с количеством нанесенных ей повреждений и также с наступлением ее смерти.

Помимо представленных выше ситуаций, в которых жертва обращалась за помощью, прекращению агрессивных действий испытуемых до причинения смерти жертве способствовала ее попытка бегства ($p=0.035$).

Однако криминальные ситуации, в которых жертва прибегала к оскорблениям испытуемого, чаще характеризовались более brutальным характером агрессивных действий, что выражалось в нанесении ей множественных увечий ($p=0.021$).

Как было указано ранее, поведение испытуемых в посткриминальной ситуации опосредовалась рядом факторов как предкриминальной, так и криминальной ситуаций, а именно – характером взаимоотношений с жертвой, длительностью конфликта, принадлежностью места совершения и наличия свидетелей противоправных действий (Рис.16).

Рис. 16. Взаимосвязи поведения испытуемых на посткриминальном этапе с объективно-фиксируемыми параметрами ситуации.

Таким образом, вовлеченными в наибольшее количество взаимосвязей оказались параметры *степени близости отношений с жертвой, наличие конфликта, длительность конфликта*, а также *поведение жертвы в конфликте*, что дает основание полагать их определяющую роль в закономерностях развития юридически значимой ситуации.

Характеристики криминальной ситуации в большей степени обладают описательными свойствами, демонстрируя специфику обстоятельств совершения противоправного деяния, однако, ряд параметров, отражающих активность участников криминальной ситуации, также является определяющим для ее дальнейшего развития. В частности, они оказывают влияние на завершенность противоправных действий испытуемыми. Поведение же их в посткриминальном периоде является следствием предыдущих этапов юридически значимой ситуации и демонстрирует соответствие результатов криминальной активности установленным целям и способам целедостижения.

Из указанного следует, что предкриминальный конфликт, наличие и характеристики которого детерминируют противоправные агрессивные намерения и действия субъекта, а также условия их совершения, может быть использован в качестве основы для следующей типологии юридически значимых ситуаций.

1) *Бесконфликтные ситуации* характеризуются отсутствием каких-либо отношений между потерпевшим и испытуемым, а также отсутствием конфликта между ними. В предкриминальном периоде осуществляется предварительная подготовка, вследствие которой криминальная ситуация разворачивается в условиях, не препятствующих совершению продолжительных противоправных деяний. В посткриминальной ситуации испытуемые осуществляют усилия по сокрытию следов произведенных деяний. Указанный тип ситуации отличает отсутствие каких-либо условий предкриминального этапа, способствующих возникновению намерения совершить противоправное деяния. Из этого следует, что намерение к совершению деяния против здоровья и личности возникает независимо от предкриминальных условий. Наличие же предварительной подготовки и отсутствие каких-либо обстоятельств, препятствующих реализации криминальной активности, указывают на благополучность всей ситуации для установления цели и процессов ее целедостижения. Действия по сокрытию

следов деяния также демонстрируют неограниченность процессов прогнозирования при достижении поставленной цели.

2) *Ситуации вследствие непродолжительных конфликтов* отражают активное участие жертвы (включая вербальную и физическую агрессию), что приводит к незамедлительным брутально-агрессивным действиям испытуемых без их предварительной подготовки. В силу этого криминальная ситуация преимущественно содержит факторы, препятствующие завершенности деятельности испытуемых, а посткриминальная ситуация характеризуется отсутствием какой-либо активности, связанной с сокрытием следов деяния, напротив, действия направлены либо на помощь жертве, либо на суицид. Таким образом, представленные факторы предкриминальной ситуации способствуют импульсивным агрессивным действиям субъекта, сокращая время возникновения намерения на совершение противоправного деяния, а также выбора способов его реализации. Это отражается на деятельности субъекта, преимущественно не учитывающего окружающую обстановку с позиции ее пригодности для реализации поставленной цели, незавершённость достижения которой отражается и на деятельности субъекта в посткриминальной ситуации.

3) *Ситуации вследствие продолжительных конфликтов* также на предкриминальном этапе характеризуются конфликтом между имеющими опыт совместного взаимодействия испытуемого и жертвы, длящимся длительное время и также характеризующимся активным участием в нем жертвы. Предкриминальная ситуация включает предварительную подготовку к совершению противоправных действий, что преимущественно приводит к развитию криминальной ситуации в условиях, не препятствующих завершению противоправной деятельности, характеризующейся своей относительной продолжительностью. Однако посткриминальная ситуация также не сопровождается попытками сокрытия следов произведенных действий. Подобные ситуации, хотя и обуславливают возникновение намерения у субъекта действовать криминально, однако характеризуются

более благоприятными условиями для постановки цели и способов ее достижения в силу продолжительности своего развития на предкриминальном этапе. Указанное подтверждается действиями, направленными на подготовку к совершению противоправного деяния, а также наличием условий, не препятствующих реализации возникших намерений в криминальный период. В свою очередь, отсутствие каких-либо действий на этапе посткриминальной ситуации также говорит об ограниченности прогноза последствий реализации актуального намерения.

Обнаруженная совокупность взаимосвязей между объективно-фиксируемыми параметрами ситуации позволила раскрыть характер возникновения, развития и завершения обстоятельств совершения агрессивных противоправных деяний. Ключевым параметром, обладающим наибольшим количеством взаимосвязей, является характер конфликта между жертвой и обвиняемым, определяющий своеобразие дальнейшей последовательности криминальных событий, что позволяет использовать ее как основу для типологизации юридически значимых ситуаций.

Таким образом, анализ объективно фиксируемых факторов ситуации, представляя собой первичный этап изучения категории ситуации, позволяет строить гипотезы о характере воздействия ситуационных переменных на саморегуляцию субъекта.

3.2. Взаимосвязи параметров субъективного восприятия юридически значимой ситуации

С целью установления закономерностей формирования психологической ситуации был проведен статистический анализ (анализ таблиц сопряженности с использованием точного критерия Фишера, критерий Краскела-Уоллиса, коэффициент ранговой корреляции Спирмена) общей выборки испытуемых ($n=71$) и совершенных ими деликтов ($n=76$), по результатам которого был выделен ряд взаимосвязей параметров

субъективного восприятия юридически значимой ситуации. Показатели указанных параметров были установлены посредством проведения опроса испытуемых, состоящего из последовательности вопросов, представленных в Главе 2.

Валентность отношения к ситуации была взаимосвязана с интенсивностью возникших эмоций ($p=0.009$). При негативном отношении к ситуации средние показатели интенсивности возникших эмоций составляли 90.1 балл. При нейтральном отношении средний показатель интенсивности был 15,0 баллов, тогда как при положительном – 30,0 баллов.

Наряду с этим валентность отношения к ситуации была взаимосвязана и со степенью *субъективной подконтрольности ситуации* ($p=0.020$). При негативном отношении испытуемые указывали минимально низкую субъективную оценку ее подконтрольности в 0 баллов. Однако при нейтральном отношении подконтрольность ситуации оценивалась испытуемыми в 100 баллов, а при позитивном – в 80 и 100 баллов.

Интенсивность возникших эмоций была также взаимосвязана со степенью субъективной подконтрольности ситуации ($\rho = -0.346$, $p=0.010$). Так, при более высокой оценке интенсивности собственных эмоций испытуемые отмечали более низкие баллы субъективной подконтрольности, в то время как при снижении показателей интенсивности возникших эмоций субъективная подконтрольность возрастала.

Интенсивность возникших эмоций также была взаимосвязана и с *длительностью психологической ситуации* ($p=0.035$). При длительности психологической ситуации в несколько секунд средний показатель силы возникших эмоций составлял 93.7 балла, при длительности в несколько часов – 68,1 балла, при длительности психологической ситуации до нескольких дней – 56,7 баллов.

Наряду с этим параметр, отражавший *длительность психологической ситуации* (ПС), демонстрировал взаимосвязь с характером представлений испытуемых о дальнейшем будущем ($p=0,021$). При длительности

психологической ситуации в несколько секунд испытуемые значительно чаще отмечали у себя отсутствие каких-либо представлений о развитии ситуации или же поверхностно описывали его ход. Однако при длительности психологической ситуации в несколько дней испытуемые указывали на наличие детальных представлений о последующих после ситуации событиях и о своих действиях в них.

Также с длительностью психологической ситуации был взаимосвязан параметр, отражавший *степень направленности внимания на ситуацию* ($p=0.030$). Так, полная направленность внимания значительно чаще возникала у испытуемых при длительности психологической ситуации в несколько секунд, частичная же направленность внимания, в свою очередь, чаще осуществлялась при длительности психологической ситуации в несколько дней.

Ряд представленных выше параметров ситуации (*Валентность, Интенсивность возникших эмоций, Подконтрольность ситуации, Длительность психологической ситуации, Характер представлений о дальнейшем будущем*) продемонстрировал наличие взаимосвязей с **количеством вариантов действий**, субъективно доступных испытуемым в момент юридически значимой ситуации (Рис.17).

В случаях *негативной валентности отношения* к ситуации испытуемые статистически значимо чаще указывали на наличие у себя в момент совершения противоправного деяния не более двух альтернатив действий; при нейтральной валентности испытуемые сообщали о 5-ти альтернативах; при положительном – о 2-х и 5-ти ($p \leq 0.01$).

Средние показатели *интенсивности возникших эмоций* статистически значимо различались в зависимости от количества вариантов действий, доступных испытуемым.

Так, при указании на два доступных варианта средние показатели интенсивности эмоций составляли 95,8 баллов, при наличии 3 вариантов – 94,5 балла, в то время как при 5 вариантах средний балл был 36,7 ($p=0.014$).

поверхностном прогнозе – о 2-х вариантах, а при детальном – преимущественно о 5-ти ($p=0.030$).

Также количество вариантов действий обнаруживало взаимосвязь с декларируемыми альтернативами противоправному поступку. Менее brutальные агрессивные альтернативы действия наиболее часто были представлены испытуемыми при выборе между 2-мя вариантами ($p=<0.01$). Ненасильственные альтернативы противоправному поведению были значительно чаще были представлены при выборе между 4 и 5 альтернативами ($p=<0.01$).

Таким образом, ряд параметров субъективного восприятия ситуации обнаруживает наличие взаимосвязей как внутри, так и между каждой из осей поля аффордансов. Взаимосвязанными параметрами являются *валентность отношения к ситуации, интенсивность возникших эмоций, степень направленности внимания на ситуацию, степень подконтрольности ситуации, длительность психологической ситуации*, а также *характер представлений о дальнейшем будущем*. Указанный ряд параметров обнаруживает взаимосвязи с количеством вариантов действий, субъективно доступных испытуемому на момент юридически значимой ситуации, что дает основание для рассмотрения данного параметра в качестве основы типологизации психологических ситуаций.

Таким образом, на основе взаимосвязей субъективных параметров представляется возможным выделить следующие варианты восприятия ситуации:

1) *Ситуации, не ограничивающие выбор варианта действия* (Рис.18).

Для данных психологических ситуаций характерна преимущественно нейтральная валентность отношения с низкой эмоциональной интенсивностью. Находясь в подобных обстоятельствах, испытуемые чувствуют свою возможность влиять на развитие ситуации, которое происходит длительно с наличием у субъекта детальных представлений о последующих событиях. В результате выбор испытуемых происходит

преимущественно между 5 вариантами, среди которых имеются как агрессивные, так и неагрессивные альтернативы поведения.

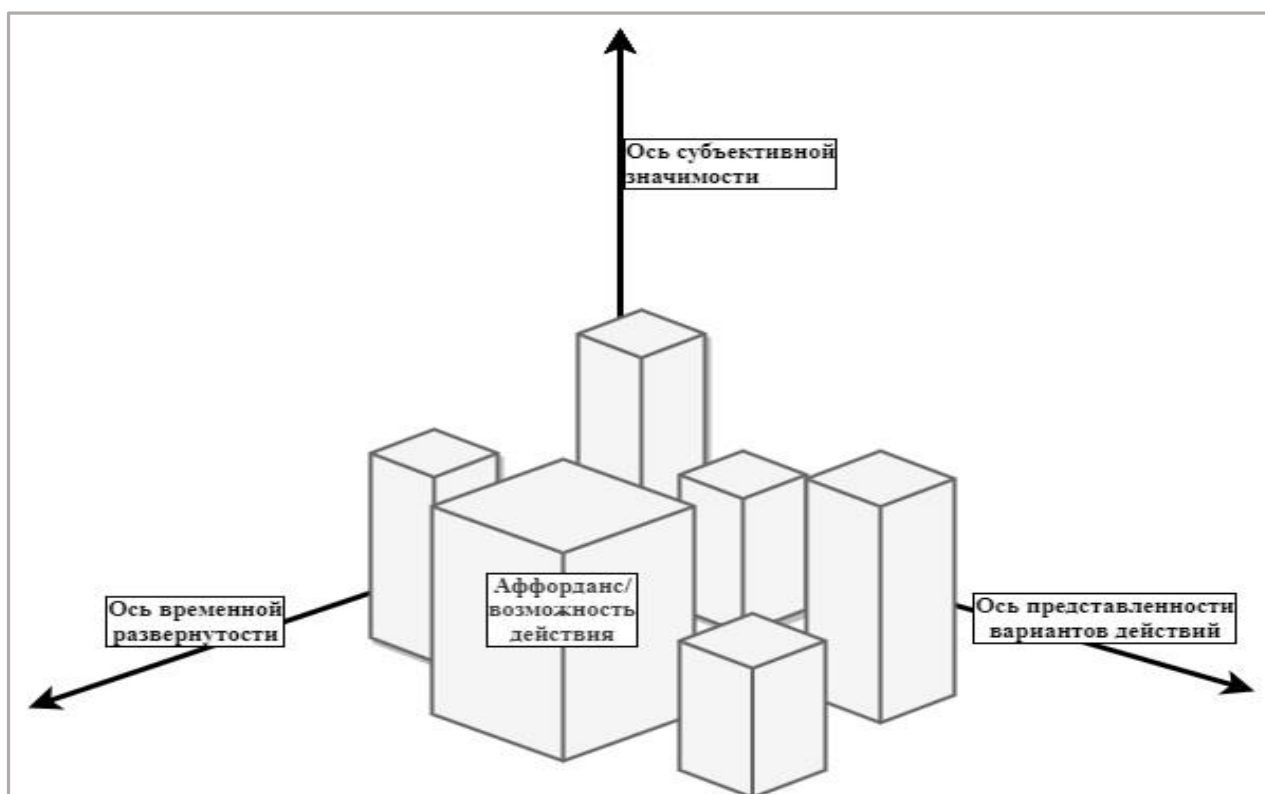

Рис.18. Поле аффордансов в ситуации, не ограничивающей выбор действий. Продемонстрирована широкая представленность и развернутость во времени при умеренной эмоциональной значимости каждого из нескольких аффордансов/возможностей к действию.

2) Ситуации, ограничивающие выбор вариантов действий (Рис.19).

Указанный тип психологической ситуации характеризуется преимущественно негативным отношением к происходящим событиям при его высокой эмоциональной интенсивности. Ситуация воспринимается как неподконтрольная, то есть не поддающаяся влиянию на нее. Наряду с этим развитие ситуации происходит стремительно, тем самым сокращая ее продолжительность, что также отражается на детальности представлений о последующих событиях. Указанные факторы отдельно и в совокупности ограничивают выбор подходящего действия испытуемых до одного или двух вариантов, преимущественно содержащих в себе агрессивные действия различной степени brutality.

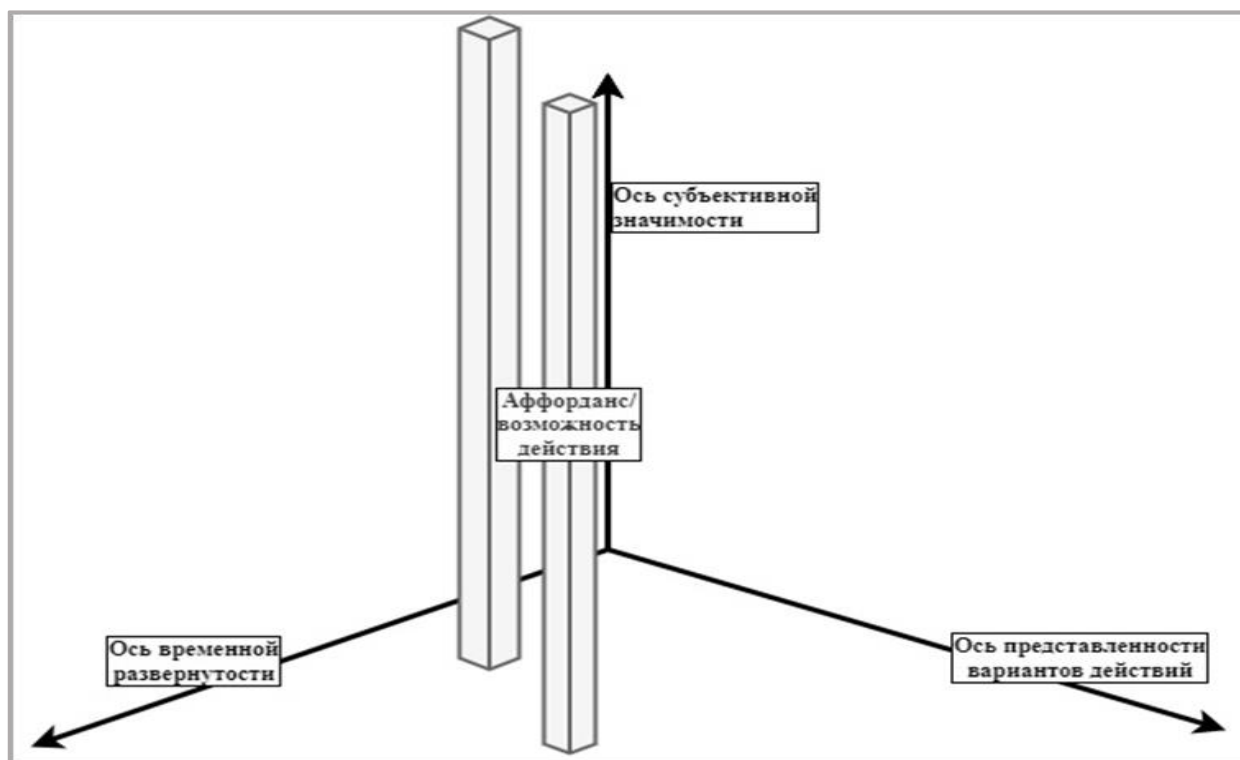

Рис.19. Поле аффордансов ситуаций, ограничивающих выбор варианта действий. Продемонстрировано поле аффордансов, содержащих в себе выбор между двумя аффордансами/возможностями действия, неразвернутыми во времени и обладающими высокой эмоциональной значимостью.

3.3. Взаимосвязи параметров субъективного восприятия и объективно фиксируемых параметров юридически значимой ситуации

Параметры субъективного восприятия обнаружили следующие взаимосвязи с рядом объективно-фиксируемых факторов (Рис. 20).

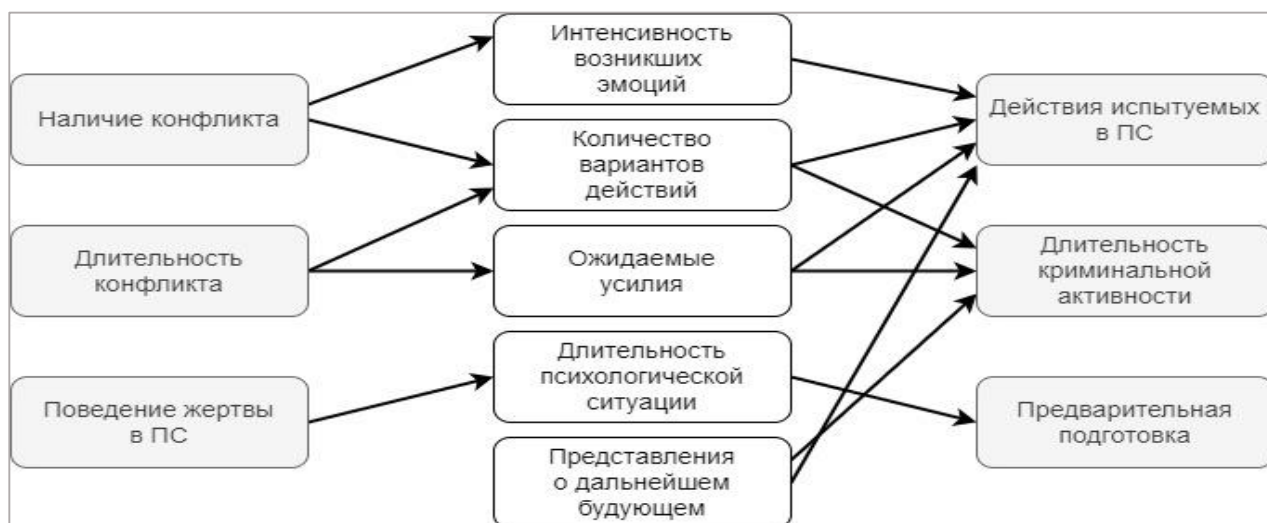

Рис. 20. Взаимосвязи объективно фиксируемых факторов юридически значимой ситуации и параметров ее субъективного восприятия. Серым выделены объективно-фиксируемые факторы, белым – параметры субъективного восприятия. Связи отражены стрелками.

Наличие конфликта с жертвой обнаружило взаимосвязь с параметром интенсивности возникших эмоций. Так, в случае наличия конфликта между жертвой и испытуемым средний показатель интенсивности возникших у последних эмоций составлял 92,6 балла, в то время как при отсутствии конфликта на этапе предкриминальной ситуации средний балл был 55,6 ($p=0.035$).

С наличием конфликта было связано и *количество вариантов действия*. Так, при наличии конфликта чаще всего испытуемые указывали 1 и 2 варианта действия, в то время как при его отсутствии – 5 вариантов ($p=0.015$).

Длительность конфликта была связана с параметром *ожидаемых усилий* на пути к реализации криминальных намерений. Так, ожидаемые усилия обозначались испытуемыми как умеренные и существенные в случаях продолжительной длительности конфликта, в то время как при непродолжительном конфликте значительно чаще испытуемые не ожидали приложения никаких усилий при дальнейшем совершении противоправного деяния ($p=0.008$).

Наряду с этим длительность конфликта обнаружила взаимосвязь и с *количеством вариантов действий*, доступных в ситуации испытуемому. В случаях непродолжительных конфликтов испытуемые статистически значимо чаще указывали, что располагали двумя вариантами действий, при продолжительных конфликтах – 5 вариантами ($p=0.044$).

В свою очередь, *характер поведения жертвы в конфликте* был взаимосвязан с *длительностью психологической ситуации*. При инициации конфликта жертвами ($p=0.048$), а также в случаях оскорбления ими испытуемых ($p=0.048$) или же применении в отношении них физической силы ($p=0.071$) длительность психологической ситуации преимущественно составляла несколько секунд.

Ряд параметров субъективного восприятия продемонстрировал взаимосвязи с характером активности самого субъекта на предкриминальном

этапе, а именно с наличием или отсутствием различных признаков *предварительной подготовки* к совершению криминальных действий.

Наличие признаков предварительной подготовки обнаружило взаимосвязи с *количеством вариантов действий*, доступных испытуемым. Так, в случае осуществления испытуемыми предварительного выбора места совершения противоправного деяния они значительно чаще указывали 4, 5, 6 доступных вариантов действий. При отсутствии предварительного выбора места – 1 и 2 варианта действия ($p=0.004$). При осуществлении выбора времени совершения преступления испытуемые чаще указывали 2, 3 варианта действий. При отсутствии выбора времени – 1 ($p=0.019$). При предварительном приискании орудия преступления значительно чаще испытуемые указывали 3, 5, 6 вариантов действий, а при отсутствии такового – 1 ($p=0.025$).

С наличием признаков предварительной подготовки была взаимосвязана и *длительность психологической ситуации*. Осуществление испытуемыми выбора места ($p<0.01$) и времени ($p<0.01$) совершения противоправного деяния значимо чаще происходило при длительности психологической ситуации в несколько месяцев. Отсутствие же предварительного выбора места и времени испытуемыми характеризовалось длительностью психологической ситуации в несколько секунд.

Еще одним параметром субъективного восприятия, связанным с наличием признаков предварительной подготовки, был *характер представлений о дальнейшем будущем*. Так, предварительный выбор места ($p=0.027$) и времени ($p=0.014$) чаще осуществлялся испытуемыми, обладавшими детальными представлениями о дальнейшем развитии ситуации. В свою очередь, отсутствие предварительного выбора места ($p=0.027$), времени ($p=0.014$) было связано и с отсутствием каких-либо представлений о развитии ситуации.

Наряду с этим предварительная подготовка испытуемыми была взаимосвязана и с характером *ожидаемых усилий* для реализации

криминальных намерений. В случаях предварительного выбора места ($p=<0.01$) и времени ($p=<0.01$) совершения преступления испытуемые преимущественно ожидали столкнуться с необходимостью приложения существенных и умеренных усилий.

Кроме объективно-фиксируемых параметров предкриминального этапа с аспектами субъективного восприятия были связаны и некоторые факторы последующего развития юридически значимой ситуации.

Длительность криминальной активности субъекта обнаруживала взаимосвязь с *длительностью психологической ситуации*. При длительности психологических ситуаций в несколько секунд криминальная активность субъекта была непродолжительной, в то время как при длительности психологической ситуации в несколько часов продолжительность последующих криминальных действий возрастала ($p=<0.01$).

Также ряд параметров субъективного восприятия был связан и с активностью испытуемых на этапе *посткриминальной ситуации*.

Так, *действия, направленные на сокрытие улик* совершения противоправных деяний, обнаруживали взаимосвязи с *интенсивностью эмоций*, возникших у испытуемых. При осуществлении на посткриминальном этапе действий, направленных на сокрытие улик, средний балл интенсивности возникших эмоций был 36,3, в то время как при отсутствии каких-либо действий по сокрытию средний показатель интенсивности эмоций был 89,8 баллов ($p=0.031$).

Также действия, направленные на сокрытие улик, были связаны и с *количеством вариантов действий*, доступных испытуемым. Так, сокрытие улик осуществлялось значимо чаще при наличии 3 и 5 вариантов, а при наличии 1 или 2 вариантов не производилось ($p=0.057$).

Наряду с этим, *действия испытуемых, направленные на сопротивление задержанию*, обнаруживали взаимосвязь с длительностью психологической ситуации ($p=0.018$). В случаях, когда психологическая ситуация составляла несколько месяцев, испытуемые оказывали сопротивление при задержании, в

свою очередь, при длительности психологической ситуации в несколько секунд испытуемые не предпринимали попыток сопротивления.

Сопротивление задержанию на этапе посткриминальной ситуации было связано и с *ожидаемыми усилиями испытуемых*. Так, в ситуациях, в которых испытуемые ожидали умеренные и существенные усилия для реализации актуального намерения, после его совершения они оказывали сопротивление при задержании. В свою очередь, при отсутствии ожидания каких-либо усилий сопротивление при задержании испытуемыми не оказывалось ($p=0.018$).

Из представленных данных следует, что параметры субъективного восприятия образуют структуру взаимосвязанных элементов, обуславливающую развернутость осей *поля аффордансов*, тем самым определяя количество вариантов действий, доступных субъекту. Таким образом, ряд факторов когнитивных и аффективных познавательных процессов, отражающих степень субъективной значимости ситуации, ее подконтрольности и временной продолжительности, лежит в основе выбора поведения в момент юридически значимых обстоятельств, тем самым определяя характер воздействия ситуационных переменных на саморегуляцию субъекта.

Объективно фиксируемые параметры, формирующие развитие криминальной ситуации (наличие конфликта, длительность конфликта, поведение жертвы в конфликте), определяют характер ряда параметров субъективного восприятия, а именно интенсивность возникших эмоций, количество доступных вариантов действия и длительность психологической ситуации. Каждый из указанных факторов субъективного восприятия ситуации относится к осям, формирующим пространство поля аффордансов. Интенсивность возникших эмоций соответствует оси значимости ситуации, количество доступных вариантов – оси представленности вариантов действий, длительность психологической ситуации – оси временной развернутости поля аффордансов. Указанные параметры субъективного восприятия в совокупности с параметром ожидаемых усилий и характером представлений о

дальнейшем будущем определяют характер криминальной и посткриминальной активности субъекта.

Таким образом, характер предкриминального конфликта определяет процесс субъективного отражения юридически значимой ситуации, содержащий в себе возможные ограничения в выборе действия. Это подтверждается наличием указанных параметров в перечне факторов, находящихся в связи с наличием предварительной подготовки, свидетельствующей о целенаправленности противоправных действий.

Суммируя сказанное, можно заключить, что объективно фиксируемые параметры юридически значимых обстоятельств, находясь в тесной взаимосвязи с рядом параметров их субъективного восприятия, воздействуют на конструирование испытуемыми поля аффордансов, содержащего в себе значимость ситуации, ее временную развернутость, а также представленность в ней вариантов действий, тем самым определяя произвольность противоправной агрессивной активности.

ГЛАВА 4. ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ СИТУАЦИИ В КЛИНИЧЕСКИХ ГРУППАХ

4.1. Сопоставление категориальных типов расстройств личности и их доменной структуры.

Новый подход к диагностике расстройств личности заключается в оценке степени их тяжести (легкое, умеренное, тяжелое), а также в определении одного или нескольких доменов дезадаптивных личностных черт (Диссоциальность, Негативная Аффективность, Расторможенность, Отчужденность и Ананкастность) (WHO, 2022). Таким образом, на смену категориальному подходу, предлагавшему феноменологически выделять стержневой для того или иного личностного расстройства признак, была предложена эмпирико-эклектическая концепция их дименсиональной оценки, основанная на лексической гипотезе Пятифакторной модели личности «Большой Пятерки» (Raad B., Mlačić B., 2015).

Аналогичный подход уже был применен при создании Альтернативной модели расстройств личности (AMPD), разработанной в рамках DSM-5 (APA, 2013), также предлагавшей оперировать 5-ю личностными доменами при оценке патологических черт. Согласованность обеих моделей подтверждается рядом исследований, продемонстрировавших сопоставимые результаты при использовании клинического инструментария (психометрические опросники и клинические интервью) разработанного для каждой из моделей (Bach B. et al., 2017; Lotfi M. et al., 2018; Oltmanns J.R., Widiger T.A., 2019; Crego C., Widiger T.A., 2020).

Не столь явной остается взаимосвязь новой модели с прежними категориальными типами расстройств личности. Рядом исследований было установлено, что некоторые домены обнаруживают себя сразу в нескольких радикалах. Так, домен Диссоциальности прослеживался в параноидном, истерическом и нарциссическом типах РЛ; домен Негативной Аффективности наблюдался при ведущих параноидном, эмоциональном-неустойчивом, истерическом, нарциссическом, ананкастном, тревожном и зависимом радикалах; Расторможенность обнаруживалась в эмоциональном-неустойчивом и истерическом типах, Отчужденность при шизоидном и тревожном; признаки Ананкастности при ананкастном типе РЛ (Bach et al., 2018, 2020; Lugo et al., 2019; Sellbom et al., 2020, 2022; Fang et al., 2021; Gutierrez F. et al., 2022; Aluja A. et al., 2022).

Таким образом, в сравнении с доменами Отчужденности и Ананкастности, продемонстрировавшими свою устойчивость, домены Диссоциальности и Негативной Аффективности проявили широкую представленность в различных типах РЛ (Mudler R.T., 2021).

Схожие результаты прослеживаются и в более раннем исследовании L.M. Saulsman, A.C. Page (2004), обнаруживших недостаточную клиническую дифференциацию между параноидным и избегающим типом расстройств личности, оба из которых продемонстрировали высокие показатели Нейротизма при использовании в их диагностике Пятифакторной модели личности, лежащей в основе дименсионального подхода МКБ-11. Последующие исследования, согласно мета-анализу D.B. Samuel, T.A. Widiger (2008), показали, что в рамках Нейротизма параноики характеризуются повышенной раздражительностью, а избегающие – тревожностью, депрессивностью и застенчивостью.

На примере Негативной Аффективности J.R. Oltmanns, T.A. Widiger (2018) объясняют представленность домена сразу в нескольких категориальных типах обширным набором включенных в него личностных черт. Так, Негативная Аффективность проявляется в виде эмоциональной

лабильности и ранимости при пограничном расстройстве личности, в виде тревожности при избегающем типе, в стыдливости и депрессивности у лиц с зависимой формой РЛ.

М. Chmielewski et al. (2015) отмечали, что личностные домены можно рассматривать как однородные строительные блоки патологии личности, что может оказать помощь в анализе перекрывающиеся или сочетающихся особенности индивида, существующих в разных категориях РЛ, тем самым предлагая нивелировать расхождения в категориальном и дименсиональном подходах. *«Вместо того чтобы отменять стилистические особенности, известные нам по традиционной типологии личностных расстройств, можно сказать, что новая модель предлагает более эмпирически обоснованную стилистическую структуру»* (Simon J., Lambrecht B., Bach B., 2023).

В этой связи дименсиональный подход к диагностике расстройств личности с использованием их доменной структуры сталкивался с необходимостью поиска и применения более тонких и дифференцированных критериев. С этой целью J.R. Oltmanns, T.A. Widiger (2019) предлагали применять при диагностике личностных расстройств более специфические шкалы, эмпирические выделенные в рамках Пятифакторной модели расстройств личности (FFMPD) (Widiger T.A., 2012), дополненные параметрами еще более тонкого уровня – нюансами (nuance-level) (Smith G. T. et al., 2008; Möttus R. et al., 2017). Согласно авторам, применение указанных шкал позволило достичь более конкретную и однородную оценку личности в рамках нововведённой МКБ-11.

С целью установления достоверных клинических различий в доменной структуре расстройств личности между выделяемыми подгруппами был проведен анализ статистически значимых различий между ними в показателях психометрического опросника FFCiD с использованием непараметрического критерия Манна-Уитни (Рис. 21.)

Установлено, что представители Подгруппы А обнаружили статистически значимо более высокие показатели по следующим параметрам:

- 1) По шкалам, относящимся к домену Диссоциальности: субдомен Агрессия ($p=0.041$), нюансы: Физическая агрессия ($p=0.045$), Вербальная агрессия ($p=0.014$);

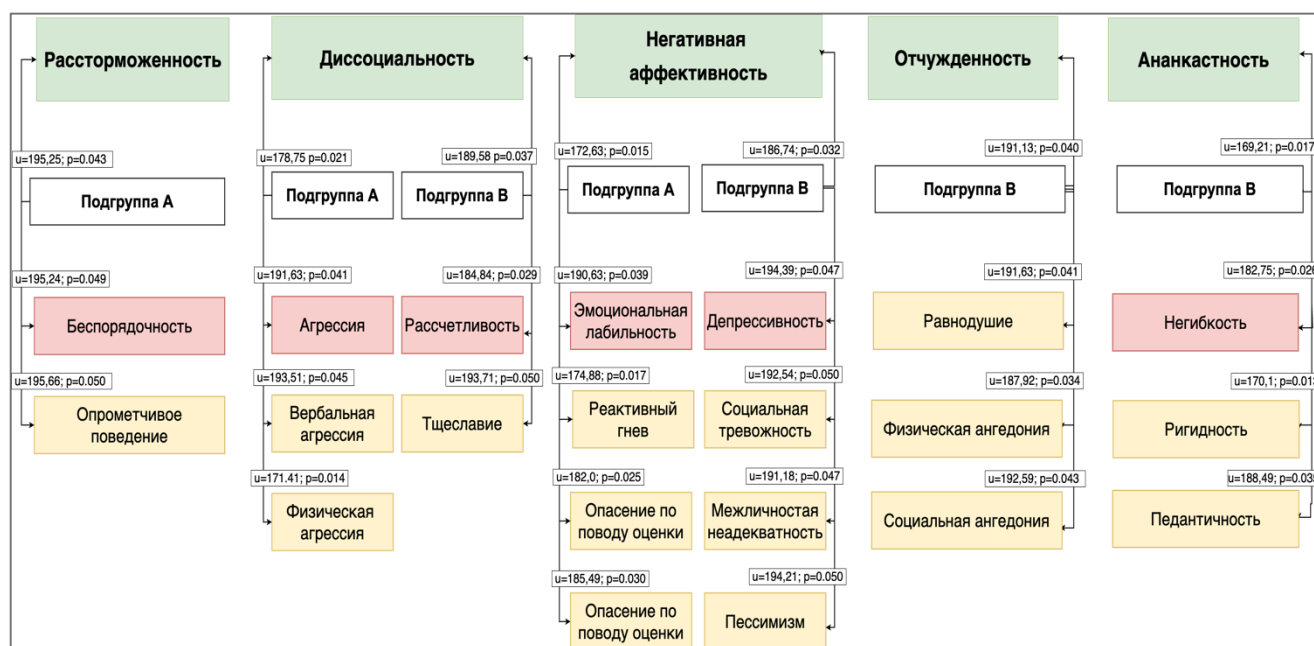

Рис.21. Различия подгрупп в доменной структуре. Стрелками отображены статистически значимые связи. Зеленым цветом отображены домены, красным – субдомены, желтым – нюансы

- 2) По шкалам, относящимся к Домену Негативной Аффективности: субдомен Эмоциональная лабильность ($p=0.039$), нюансы: Реактивный гнев ($p=0.017$), Опасение по поводу оценки ($p=0.025$), Быстрая смена эмоций ($p=0.030$);
- 3) По шкалам, относящимся к Домену Рассторможенности: субдомен Беспорядочность ($p=0.049$), нюанс: Опрометчивое поведение ($p=0.050$).

В свою очередь, представители Подгруппы Б продемонстрировали статистически значимо более высокие показатели по следующим показателям:

- 1) По шкалам, относящимся к домену Диссоциальности: субдомен Расчётливость ($p=0.029$), нюанс Тщеславие ($p=0.053$);

- 2) По шкалам, относящимся к домену Негативной Аффективности: субдомен Депрессивность ($p=0.057$), нюансы: Социальная тревожность ($p=0.060$), Межличностная неадекватность ($p=0.041$), Пессимизм ($p=0.050$);
- 3) По показателю домена Отчужденности ($p=0.036$), его нюансам Равнодушие ($p=0.041$), Физическая ангедония ($p=0.034$), Социальная ангедония ($p=0.053$);
- 4) По показателям домена Ананкастности, а именно его субдомену Негибкость ($p=0.026$) и его нюансам Ригидность ($p=0.013$), Педантичность ($p=0.035$).

Приведенные данные свидетельствуют об относительной независимости категориального и дименсионального подходов. Так, в обеих клинических группах, разделенных по категориальному принципу, наблюдаются показатели по шкалам, относящимся к доменам Диссоциальности и Негативной Аффективности. Это также подтверждает недостаточную специфику сугубо доменного уровня диагностики личностных расстройств.

Наряду с этим, выделяемый в рамках каждого из доменов набор субдоменов и нюансов остается различным для каждой из групп. Так, домен Диссоциальности представлен в Подгруппе А в субдомене Агрессия и нюансах Вербальная агрессия и Физическая агрессия, в то время как в подгруппе Б в виде нюансов: Расчетливость и Тщеславие. Домен Негативная Аффективность представлен в подгруппе А субдоменом Эмоциональная лабильность и нюансов: Реактивный гнев, Опасение по поводу оценки и Быстрая смена эмоций, а в Подгруппе Б – в виде субдомена Депрессивность и нюансов: Социальная тревожность, Межличностная неадекватность, Пессимизм. Из этого следует, что, несмотря на представленность указанных доменов в обеих подгруппах, анализ расстройств личности на более тонком уровне субдоменов и нюансов сохраняет клиническую специфичность каждой из выделенных групп.

4.2. Различия в процессах восприятия и оценки ситуации в рамках категориального подхода в диагностике личностных расстройств.

С целью установления паттернов восприятия юридически значимых обстоятельств, зависящих от различных форм расстройств личности, был проведен поиск статистически значимых различий в показателях параметров субъективного восприятия ситуации между подгруппой А (лица с ведущими истерическими и эмоционально-неустойчивыми и инфантильными радикалами) и подгруппой Б (с ведущими параноидными, шизоидными радикалами, а также из лиц с шизотипическим расстройством с психопатоподобным синдромом). Были обнаружены различия по следующим параметрам (Рис 22).

Рис.22. Различия подгрупп по показателям параметров субъективного восприятия. Стрелками отображены статистически значимые связи.

Знакомость ситуации. Испытуемые Подгруппы А статистически значимо чаще указывали, что ранее находились в схожих обстоятельствах с юридически значимыми, в то время как испытуемые из Подгруппы Б преимущественно сообщали о полном отсутствии опыта нахождения в аналогичных ситуациях ($p=0.049$).

Ожидаемость ситуации. Испытуемые Подгруппы А статистически значимо чаще указывали на то, что не могли спрогнозировать возникновение ситуации, приведшей к совершению ими противоправных деяний. В свою очередь, лица Подгруппы Б отмечали, что перед возникновением ситуации предполагали различные ее аспекты ($p=0.043$).

Был обнаружен ряд отличий между подгруппами испытуемых с личностными расстройствами в ряде аспектов восприятия ситуации.

Так, лица с ведущими истерическим, эмоционально-неустойчивым и инфантильным радикалами, будучи частично знакомыми с ситуацией, тем не менее, воспринимали ее как новую и неожиданную. Из этого следует, что данные лица преимущественно имели опыт взаимодействия с ситуациями, связанными с возникновением агрессивных противоправных намерений, что указывает на привычный способ реагирования в схожих обстоятельствах. Наряду с этим, лица из указанной группы, воспринимая юридически значимые обстоятельства как непредсказуемые и новые, тем самым обнаруживали свою неспособность оперировать субъективным опытом.

В свою очередь, лица с ведущими параноидным и шизоидным радикалами, а также лица с шизотипическим расстройством, оказавшись в новых для себя обстоятельствах, продемонстрировали достаточную способность к прогнозу возникновения и развития ситуации, т.е. могли предполагать и программировать свои действия в условиях, связанных с возникновением намерения действовать агрессивно.

4.3. Различия в восприятии и оценке ситуации в рамках дименсиональной модели диагностики личностных расстройств

С целью установления различий восприятия ситуации, зависимых от доменной структуры, был проведен поиск статистически значимых взаимосвязей с использованием непараметрического критерия Краскела-Уоллиса, а также коэффициента ранговой корреляции Спирмена между показателями параметров субъективного восприятия ситуации и показателями шкал опросника FFCiD.

Было установлено, что зависимыми от доменной структуры личности оказались параметры: *Валентность отношения к ситуации, Интенсивность возникших эмоций, Знакомость ситуации, Уверенность в понимании ситуации, Подконтрольность ситуации, Количество вариантов действий, Ожидаемость собственных агрессивных действий, Детальность представлений о дальнейшем будущем.*

В Главе 3 было указано, что ряд параметров участвует в формировании «поля аффордансов» в сознании субъекта, определяющего наличие или же отсутствие ограниченности в выборе действий в момент юридически значимой ситуации. Так, *ситуации, ограничивающие количество вариантов действий*, характеризовались негативной валентностью отношения к ситуации, сочетающейся с высокой интенсивностью возникших эмоций, низкой степенью субъективного контроля над ситуацией, сокращенным количеством доступных альтернатив действий и поверхностным уровнем прогноза. Указанные показатели параметров субъективного восприятия обнаружили взаимосвязи с имеющимися у испытуемых наборами дезадаптивных личностных черт (Таб.3).

Таблица №3. Взаимосвязи показателей параметров субъективного восприятия, ограничивающих количество вариантов действий, со шкалами FFiCD.

Параметры субъективного восприятия	Домен	Krusk al-Wallis χ^2	p	Субдомен	Krusk al-Wallis χ^2	p	Ньюанс	Krusk al-Wallis χ^2	p
Негативная валентность отношения к ситуации	Диссоциальность	27.17	0.045	Агрессия	31.34	0.023	Тщеславие	25.19	0.03
	Ананкастность	11.67	0.04	Перфекционизм	27.25	0.030	Вседозволенность	16.55	0.047
Высокая интенсивность возникших эмоций	Ананкастность	13.45	0.035	Перфекционизм	19.12	0.005	Привередливость	25.51	0.03
	Негативная Аффективность	43.28	0.001	Тревожность	31.16	0.012	Педантичность	26.4	0.03
							Раздражительность	28.92	0.025
							Неуверенность в сепарации	23.32	0.004
							Межличностная неадекватность	33.61	0.046
							Быстрая смена эмоций	46.97	0.005
				Депрессивность	27.95	0.03	Нарушения эмоциональной регуляции	49.55	0.003
Низкая степень субъективной подконтрольности	Диссоциальность	23.75	0.042	Агрессия	22.15	0.042	Тщеславие	19.74	0.030
				Эгоцентризм	37.3	0.001	Вербальная агрессия	14.35	0.020
	Негативная Аффективность	31.79	0.047				Физическая агрессия	21.1	0.047
							Социальная тревожность	30.43	0.013
2 варианта действий	Диссоциальность	38.12	0.021	Эгоцентризм	26.15	0.037	Межличностная неадекватность	26.68	0.023
							Потребность в восхищении	36.89	0.039
							Вербальная агрессия	10.43	0.049
							Манипулятивность	10.78	0.045
							Вседозволенность	18.58	0.018
Поверхностные представления о дальнейшем будущем	Диссоциальность	23.2	0.033	Недостаток эмпатии	10.24	0.044	Надменность	13.65	0.036
							Вербальная агрессия	11.2	0.049
							Бессердечность	28.93	0.018
							Надменность	15.71	0.036
	Негативная Аффективность	28.32	0.033				Вседозволенность	26.43	0.018
							Гневливость	17.73	0.035
							Эмоциональная лабильность	32.17	0.03
							Реактивный гнев	27.09	0.033
							Нарушения эмоциональной регуляции	30.23	0.033
							Быстрая смена эмоций	36.19	0.023

Наряду с этим были установлены взаимосвязи имеющихся у испытуемых личностных черт с параметрами субъективного восприятия, напрямую не участвующих в структуре «поля аффордансов», однако, представляющими значимость в силу их воздействия на саморегуляцию субъекта. Такими параметрами были *Незнакомость ситуации*, *Низкая степень уверенности в правильном понимании ситуации*, а также *ожидаемость собственных агрессивных действий* (Таб. №4).

Таблица №4. Взаимосвязи показателей параметров субъективного восприятия с показателями шкал FFiCD.

Параметры субъективного восприятия	Домен	Kruskal-Wallis χ^2	p	Субдомен	Kruskal-Wallis χ^2	p	Ньюанс	Kruskal-Wallis χ^2	p
Незнакомость ситуации	Диссоциальность	32.12	0.025				Эгоизм	11.34	0.040
	Негативная аффективность	21.1	0.045	Депрессивность	29.41	0.020	Раздражительность	27.15	0.036
							Социальная тревожность	15.54	0.042
							Пессимизм	17.83	0.042
	Расторможенность	10.14	0.05	Легкомыслие	14.41	0.044	Быстрая смена эмоций	22.2	0.041
	Отчужденность	12.3	0.043				Необязательность	15.73	0.048
							Социальная изоляция	11.24	0.050
Низкая степень уверенности в понимании ситуации	Расторможенность	23.56	0.025	Беспорядочность	26.17	0.031	Опрометчивое мышление	33.71	0.010
Ожидаемость собственных агрессивных действий	Диссоциальность	13.84	0.05				Расчетливость	12.52	0.049
							Вседозволенность	15.21	0.048
							Физическая агрессия	20.34	0.043
	Негативная Аффективность	14.37	0.047	Эмоциональная лабильность	24.47	0.034	Раздражительность	17.5	0.050
							Неуверенность в сепарации	19.2	0.038
							Межличностная неадекватность	16.4	0.040

Из представленных результатов следует, что в наибольшей степени количество доступных вариантов поведения в юридически значимой ситуации ограничивали личностные черты, относящиеся к *Диссоциальному домену*. Так,

лица с превалированием указанных личностных черт были склонны относиться к юридически значимым обстоятельствам негативно, при этом обладая низкой степенью субъективного контроля. Наряду с этим они преимущественно сообщали об незнакомости с юридически значимыми обстоятельствами и, как следствие, отсутствии аналогичных ситуаций в собственном субъективном опыте. При этом лица с превалированием диссоциальных черт статистически значимо чаще отмечали, что обладали в ситуации лишь 2-мя вариантами действий, демонстрируя поверхностный уровень представлений о дальнейшем развитии ситуации, однако отмечая о предварительной готовности действовать агрессивно. Наиболее уязвимыми для воздействия ситуационных факторов оказались такие характеристики личности как Агрессия (физическая и вербальная), Эгоцентризм, Тщеславие и Вседозволенность.

Сопоставимым воздействием на широту выбора тактики поведения обладали и черты, представленные в рамках домена *Негативной Аффективности*. Лица, обладавшие указанным набором личностных черт, отличались высокой степенью интенсивности возникших в ситуации эмоций, они также сообщали об отсутствии опыта нахождения в аналогичных обстоятельствах, отмечали низкий уровень субъективного контроля над ситуацией, а также высказывали поверхностные суждения о ее дальнейшем развитии при готовности действовать в ней агрессивно. Выделение особо уязвимых личностных черт для воздействия ситуационных факторов представлялось затруднительным в силу вариативности их взаимосвязей с параметрами субъективного восприятия. Обобщая, можно заключить, что ограничение выбора тактик поведения указанных субъектов преимущественно определялось чертами, затрудняющими межличностное взаимодействие (Социальная тревожность, Межличностная неадекватность, Потребность в восхищении), а также их эмоциональной лабильностью (Эмоциональная лабильность, Нарушения эмоциональной регуляции, Быстрая смена эмоций, Гневливость, Реактивный гнев, Раздражительность).

Ограничению выбора вариантов действий способствовали личностные черты из домена *Ананкастности*. Так, ананкастные черты Перфекционизм, Привередливость и Педантичность определяли негативное отношение к ситуации, а также высокую степень интенсивности возникших эмоций.

Также некоторые ограничения на выбор действий в юридически значимой ситуации налагали черты домена *Расторможенности*. Лица, обладавшие этими чертами, также указывали на отсутствие опыта нахождения в аналогичных юридически значимой ситуации обстоятельствах. При этом они сообщали о низкой степени уверенности в правильном понимании ситуации при готовности действовать в ней агрессивно. Наиболее ограничивающими широту вариантов выбора действий чертами были Беспорядочность и Легкомыслие.

В меньшей степени ограничения выбор вариантов действий накладывал домен *Отчужденности*. Будучи представленным Социальной изоляцией, он определял отсутствие субъективного опыта нахождения в аналогичных ситуациях.

Ситуации, не ограничивающие количество вариантов действий

Указанные ситуации характеризовались позитивной/нейтральной валентностью отношения к ситуации, сочетающейся с низкой интенсивностью возникших эмоций, высокой степенью субъективного контроля над ситуацией, широким количеством доступных альтернатив действий и детальным уровнем представлений о дальнейшем будущем.

Указанные показатели параметров субъективного восприятия обнаружили взаимосвязи с имеющимися у испытуемых наборами дезадаптивных личностных черт (Таб. №5).

Таблица №5. Взаимосвязи показателей параметров субъективного восприятия, не ограничивающих количество вариантов действий со шкалами FFiCD

Параметры субъективного восприятия	Домен	Kruskal-Wallis χ^2	p	Субдомен	Kruskal-Wallis χ^2	p	Ньюанс	Kruskal-Wallis χ^2	p
Незнакомость ситуации	Диссоциальность	32.12	0.025				Эгоизм	11.34	0.040
	Негативная Аффективность	21.1	0.045	Депрессивность	29.41	0.020	Раздражительность	27.15	0.036
							Социальная тревожность	15.54	0.042
	Расторможенность	10.14	0.05	Легкомыслие	14.41	0.044	Пессимизм	17.83	0.042
	Отчужденность	12.3	0.043				Быстрая смена эмоций	22.2	0.041
Низкая степень уверенности в понимании ситуации	Расторможенность	23.56	0.025	Беспорядочность	26.17	0.031	Необязательность	15.73	0.048
Ожидаемость собственных агрессивных действий	Диссоциальность	13.84	0.05				Социальная изоляция	11.24	0.050
							Опрометчивое мышление	33.71	0.010
	Негативная Аффективность	14.37	0.047	Эмоциональная лабильность	24.47	0.034	Расчетливость	12.52	0.049
							Вседозволенность	15.21	0.048
							Физическая агрессия	20.34	0.043
							Раздражительность	17.5	0.050
							Неуверенность в сепарации	19.2	0.038
							Межличностная неадекватность	16.4	0.040

Были установлены взаимосвязи имеющихся у испытуемых личностных черт с показателем такого параметра субъективного восприятия, как высокая уверенность в понимании ситуации. (Таб. №6)

Таблица №6. Взаимосвязи высокой степени уверенности в понимании ситуации с показателями шкал FFiCD.

Параметры субъективного восприятия	Домен	Kruskal-Wallis χ^2	p	Субдомен	Kruskal-Wallis χ^2	p	Ньюанс	Kruskal-Wallis χ^2	p
Высокая степень уверенности в ситуации	Отчужденность	23.19	0.036				Равнодушие	36.17	0.016
	Ананкастность		0.032	Негибкость	23.16	0.034	Непринятие риска	34.22	0.022

Из представленных данных следует, что с сохранением количества вариантов действий в юридически значимой ситуации в наибольшей степени связан домен *Отчужденности*. Так, лица с набором черт из указанного домена, находясь в юридически значимых обстоятельствах, демонстрировали низкую степень интенсивности возникших эмоций, сочетающуюся с высокой степенью субъективной подконтрольности ситуации. Будучи уверенными в правильном понимании ситуации, они также обладали детальными представлениями о дальнейшем ее развитии. Наиболее препятствующими ограничению выбора тактик поведения оказались такие черты как Социальная ангедония и Социальная изоляция.

Также способствующим сохранению широты выбора оказались черты, относящиеся к домену *Ананкастности*. Набор личностных черт указанного домена лежал в основе высокой степени уверенности в правильном понимании ситуации, а также в детальном уровне представлений о дальнейшем ее развитии. В наибольшей степени осуществлению процесса выбора вариантов действий способствовала черта Неприятие риска.

Также в основе показателей параметров субъективного восприятия, способствующих широкому выбору вариантов действий, лежали и такие домены как *Диссоциальность*, *Негативная Аффективность* и *Рассторможенность*. Так, нейтральную/положительную валентность отношения к криминальной ситуации в том числе определяли такие Негативно-Аффективные личностные черты как Пессимизм, Чувство никчемности и Потребность в восхищении, а также такие черты, как Легкомыслие и Опрометчивость, относящиеся к домену Рассторможенности. В свою очередь, низкая степень интенсивности возникших эмоций была связана с превалированием Диссоциальных черт - Недостаток эмпатии, Корысть и Эгоизм, и также таких черт Рассторможенности как Опрометчивость, Опрометчивое мышление, Отвлекаемость.

Таким образом, ряд показателей параметров субъективного восприятия обнаружил взаимосвязи с показателями шкал психометрического опросника

FFiCD. Наличие указанных взаимосвязей свидетельствует о том, что характер ряда параметров обусловлен структурой личности испытуемого.

Установлено, что ограничению количества вариантов действий в юридически значимой ситуации способствуют черты, относящиеся к доменам Диссоциальности, Негативной Аффективности и Ананкастности. В свою очередь, большая широта количества вариантов действий связана с наличием черт из домена Отчужденности.

Черты, относящиеся к домену Ананкастности, продемонстрировали как способствующее, так и ограничивающее влияние на широту выбора поведения в юридически значимой ситуации.

Указанные взаимосвязи не ограничиваются сугубо доменным уровнем, а прослеживаются и на уровне субдоменов и нюансов. Таким образом, дименсиональная модель диагностики расстройств личности, оперирующая доменной структурой, предоставляет более детальный и дифференцированный взгляд на связь характера процесса восприятия и оценки юридически значимой ситуации с набором дезадаптивных личностных черт испытуемых.

ГЛАВА 5. СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА НАРУШЕНИЙ ВОСПРИЯТИЯ И ОЦЕНКИ СИТУАЦИИ

5.1. Значение параметров субъективного восприятия ситуации в механизмах саморегуляции

Наличие в ст. 21 УК РФ юридического (психологического) критерия, содержащего интеллектуальный (способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий) и волевой (руководить своими действиями) компоненты, ставит необходимую для экспертизы задачу сопоставления психических расстройств с сохранными и нарушенными в структуре деятельности звеньями саморегуляции (Ткаченко А.А., 2016).

Идея такого сопоставления для определения невменяемости была озвучена еще В.Х. Кандинским (1890), указывавшим: *«не потому человек находится в состоянии невменяемости, что он болен, но наоборот, тогда-то лишь и можно назвать человека больным, если у него не оказывается полной наличности условий свободного волеопределения, не оказывается свободы выбора того или иного образа действия»*.

Рядом психологических теорий целенаправленная (саморегулирующаяся) деятельность человека в общем виде описана в качестве трехэтапного процесса: 1) создание субъективного образа ситуации (задачи); 2) принятие решения; 3) реализация решения (Козелецкий Ю., 1979; Корзун Д.Н., Ткаченко А.А., 2013). Таким образом, первым звеном в изучении воздействия внешних факторов на деятельность субъекта является анализ субъективного отражения ситуации, в которой оказался испытуемый в момент реализации юридически значимого деяния.

Схожие представления о саморегуляции наблюдаются и в *деятельностном подходе* (Зейгарник Б.В., Братусь Б.С., 1980, Леонтьев А.Н., 1999), представляющим ее в качестве многоуровневого, иерархически организованного процесса постановки субъектом целей, построения последовательности действий по их достижению. Согласно указанному подходу, деятельность регулируется на смысловом и операциональном уровнях.

Смысловой (мотивационный) уровень определяет содержание деятельности и организацию ее общей направленности. Это предполагает участие в процессе постановки цели высших ценностей личности, понимания значения собственных действий, а также рефлексии наличествующих препятствий, что предоставляет свободу выбора действия. Согласно Е.Г. Дозорцевой (2005), также подчеркивающей первичность субъективного отражения в целенаправленном действии, воспринимаемые субъектом обстоятельства подвергаются первичной оценке с точки зрения мотивов и всегда имеют субъективную смысловую окраску. Именно на смысловом уровне организуется иерархия конкурирующих мотивов – происходит наделение ведущих мотивов смыслом, в то время как мотивы более низкого порядка остаются мотивами-стимулами. Именно смысловые структуры являются более осознанными, они обеспечивают возможность противостояния импульсивным побуждениям, способствуя лучшей организации поведения. В свою очередь, при доминировании потребностной регуляции поведение характеризуется большей импульсивностью (Леонтьев А.Н., 1977).

В свою очередь, целевой (операциональный) уровень ответственен за постановку субъектом конкретной цели своей деятельности, а также способов ее достижения. Более детально указанный процесс разобран в ряде моделей, представляющих саморегуляцию как целостную, замкнутую информационную систему, функционирующую посредством взаимодействия составляющих ее звеньев.

Так, еще Н.А. Бернштейном (1947) была предложена модель построения саморегулирующихся систем, отличительной особенностью которых являлся *прибор сличения*, предоставляющий возможность субъекту сопоставить информацию, полученную из текущей рецепции ситуации, с внутренним руководящим элементом, содержащим в себе представления, отражающие накопленный субъективный опыт, и построенные на них ожидания от результата текущего действия (модель потребного будущего).

Схожим образом выглядят представления о процессе саморегуляции поведения П.К. Анохина (1975, 1979) в рамках теории *функциональных систем*, являющихся интегративной единицей поведенческого акта. Начальным процессом функциональной системы являлся *«афферентный синтез»*, состоящий из *мотивации*, *пусковой* и *обстановочной афферентаций*, а также *памяти*, которые в совокупности позволяют субъекту сопоставлять, отбирать и объединять разные по значению стимулы, тем самым составляя необходимый этап для принятия решения. Взаимодействие таких элементов как «мотивация» (активизирующая аналогичные действия из прошлого, приводившие к желаемому результату) и «обстановочная афферентация» (предоставляющая все возможные действия в текущей ситуации) определяет возникновение опережающего отражения действительности. Из указанного следует, что в определенной ситуации у субъекта активизируются возможные сформированные ранее программы действий по достижению приспособительного (желаемого) результата и отбираются те из них, которые возможно реализовать в данной обстановке.

Таким образом, перед осуществлением какого-либо поведенческого акта познавательные процессы субъекта формируют в его сознании представления о будущем результате действия, тем самым приводя его в состояние готовности к выполнению этого действия.

В схожем ключе познавательные процессы представлены в концепции *активного вывода* К. Friston (2019), согласно которой ключевым свойством живого организма является минимизация энтропии, которая может быть

представлена в сознании человека в качестве неопределенности. Стремясь уменьшить неопределенность, субъект совершает прогнозы, касающиеся как состояния окружающей среды, так и его собственного. Усвоенные ранее изменения состояний среды находят свое отражение в *априорных прогнозах* субъекта, которые он постоянно корректирует в зависимости от поступающих извне стимулов, тем самым минимизируя ошибку предсказания, что формирует *апостериорные прогнозы* и ведет к большему приспособительному эффекту. Указанные прогнозы также лежат и в основе представлений о последствиях собственных действий. Адаптируясь к своему окружению, субъект осуществляет поиск возможных вариантов действий и их возможных результатов, впоследствии отбирая наиболее привычные из них. Иными словами, в сознании субъекта формируются *эпистемологические аффордансы*, т.е. являющиеся результатом познавательного поиска, а затем *прагматические* – представляющие наиболее определенные и усвоенные из них, отражающие склонность субъекта действовать тем или иным способом. Таким образом, воспринимаемые субъектом аффордансы являются совокупным результатом условий, предоставляемых той или иной ситуацией, функционированием познавательных процессов субъекта, а также структурой его личности.

Оказывается возможным сопоставление параметров субъективного восприятия, лежащих в основе построения субъектом поля аффордансов, с элементами функциональной системы афферентного синтеза, описанного П.К. Анохиным (1975, 1979). Последний указывал на совокупный, конвергентный характер функционирования звеньев афферентного синтеза. Так, *мотивация*, согласно автору, являясь следствием возникновения потребности и принимая доминирующий характер, может быть отражена параметрами субъективного восприятия, относящимися к оси значимости тех или иных аффордансов, а именно *степени направленности идеаторной активности и интенсивности возникших эмоций*.

В свою очередь, *обстановочная афферентация*, понимаемая П.К. Анохиным как ряд последовательных афферентных воздействий, приводящих к созданию общей ситуации поведенческого акта и к субъективной оценке возможности реализации доминирующей потребности, обнаруживает общие черты с такими параметрами как: *Уверенность в понимании ситуации, Подконтрольность ситуации, Количество вариантов действий, Характер альтернатив действий, Ожидаемые усилия.*

Результатом взаимодействия указанных элементов является возникновение пусковой аффертации – т.е. совокупности стимулов, непосредственно влекущих за собой поведенческую реакцию.

Однако совершение целенаправленного поведенческого акта не представляется возможным без обращения к субъективному опыту, предоставляющему информацию о прошлых взаимодействиях субъекта с внешними стимулами и содержащую в себе данные о прошлых удовлетворительных приспособительных действиях. *Память*, являясь источником накопленного субъективного опыта, обнаруживает общие черты с параметрами: *знакомость ситуации, ожидаемость ситуации, ожидаемость собственных агрессивных действий.*

Из сказанного следует, что лежащие в основе современного понимания саморегуляции теоретические модели обнаруживают общие представления о целенаправленной деятельности. Предваряющим этапом целенаправленного поведенческого акта являются познавательные процессы, направленные на адаптацию субъекта к наличествующей обстановке, что находит свое отражение в поиске возможных вариантов действий и прогнозе их последствий, т.е. аффордансов. Таким образом, анализ параметров субъективного восприятия, лежащих в основе поля аффордансов, позволяет более детально определять механизм нарушения саморегуляции субъекта на момент юридически значимой ситуации.

5.2. Взаимосвязь типов юридически значимых ситуаций с вариантами их субъективного восприятия

Для установления механизмов воздействия объективно-фиксируемых параметров на характер построения субъективного образа ситуации был проведен статистический анализ с применением методов описательной статистики, направленный на поиск взаимосвязей между типами юридически значимых ситуаций и характером построения поля аффордансов.

Было установлено, что характер предкриминального конфликта определяет наличие ограничений вариантов выбора действия ($p < 0.01$) (Рис.23).

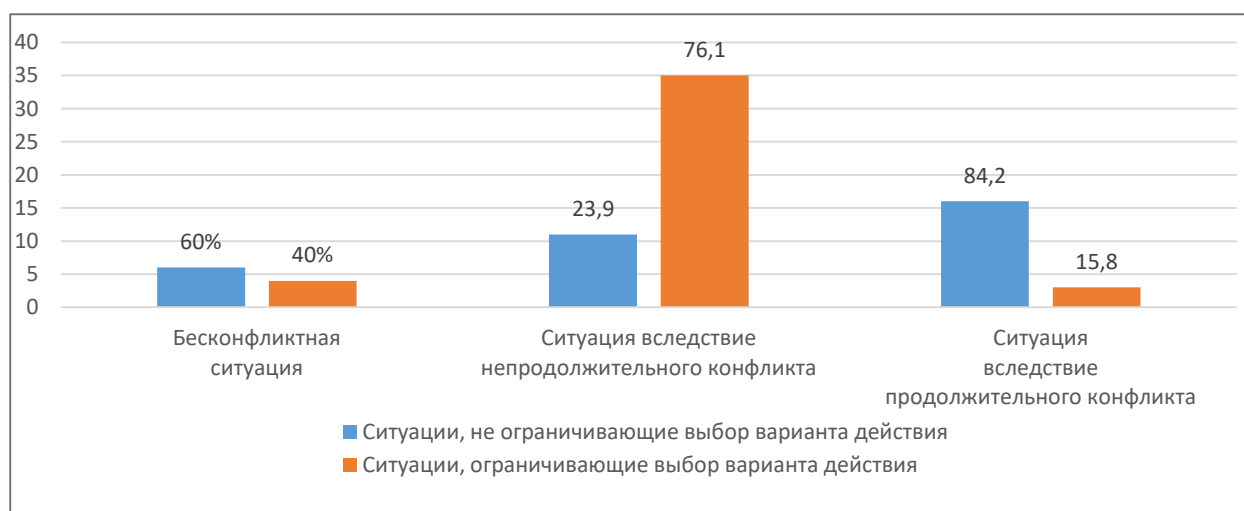

Рис.23. Сопоставление характера предкриминальных ситуаций и их субъективного отражения

Совокупность представленных ранее данных о взаимосвязи послужила основанием для установления трех *моделей личностно-ситуационного взаимодействия* (Рис.24).

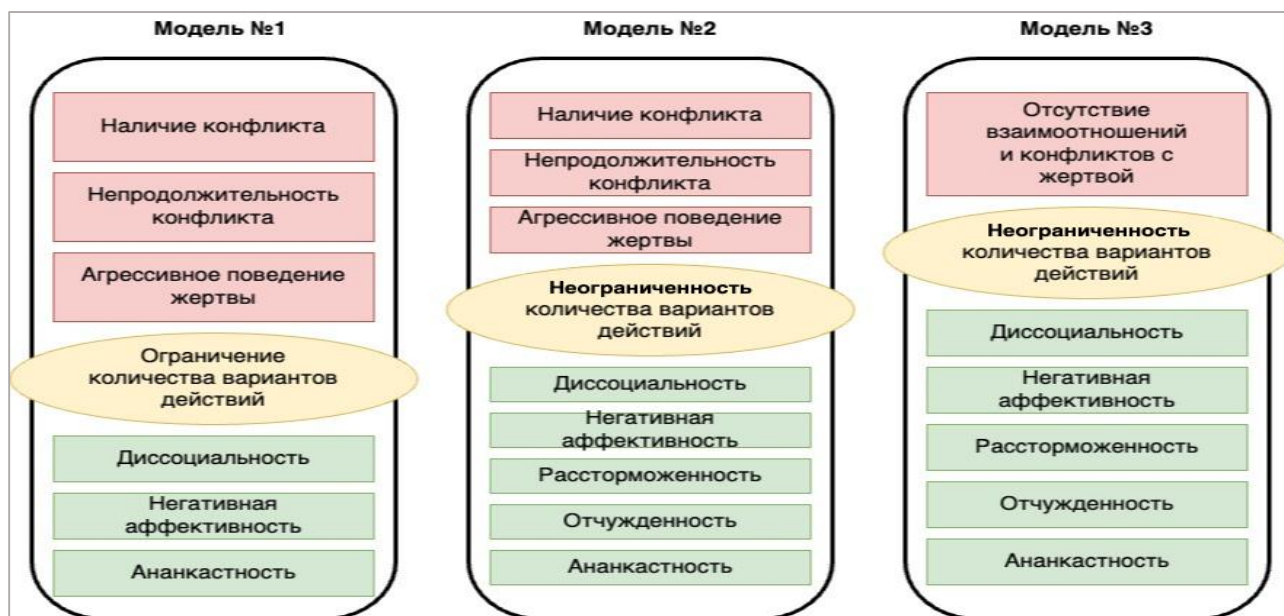

Рис.24 Модели личностно-ситуационного взаимодействия

Модель №1

Для указанных ситуаций характерен такой набор объективно-фиксируемых параметров, как преимущественно близкие взаимоотношения с жертвой, наличие быстро развивающегося конфликта и сопровождающегося ее агрессивным поведением.

Субъект воспринимает такую ситуацию как высоко значимую, что проявляется в высокой степени интенсивности возникших эмоций, низкой подконтрольности ситуации и в поверхностном характере прогноза дальнейших событий, что ограничивает широту выбора преимущественно до 2-х вариантов действий.

Наряду с объективно-фиксируемыми параметрами ситуации на ограниченность выбора также влияет и набор дезадаптивных личностных черт, относящихся к доменам: Диссоциальности (Агрессия, Эгоцентризм, Недостаток эмпатии, Тщеславие, Вседозволенность, Вербальная агрессия, Физическая агрессия, Манипулятивность, Надменность, Бессердечность); Негативной Аффективности (Тревожность, Депрессивность, Раздражительность, Неуверенность в сепарации, Межличностная неадекватность, Быстрая смена эмоций, Нарушения эмоциональной

регуляции, Эмоциональная лабильность, Гневливость, Реактивный гнев) и Ананкастности (Перфекционизм, Привередливость, Педантичность).

Таким образом, источником показателей параметров субъективного восприятия, ограничивающих широту выбора, являются как объективные ситуационные переменные, так и набор дезадаптивных личностных черт (Рис. 24).

Негативное отношение к ситуации, высокая степень интенсивности эмоциональных реакций, низкая степень субъективного контроля, поверхностный характер представлений о дальнейшем развитии ситуации, обусловлены в первую очередь набором личностных черт, относящихся к диссоциальному, негативно-аффективному и ананкастному доменам. Высокой степени интенсивности возникших эмоций также способствует и наличие конфликта с жертвой, а непродолжительной длительности психологической ситуации – агрессивный характер ее действий. В совокупности объективно-фиксируемые факторы ситуации и набор дезадаптивных личностных черт испытуемого сужают выбор действий до 2-х вариантов.

Возникающий вследствие личностно-ситуативного взаимодействия характер психологической ситуации демонстрирует признаки, свойственные для *привычно-неконтролируемой агрессии*, выделяемой И.А. Кудрявцевым и Н.А. Ратиновой (2000), в момент реализации которой деятельность субъектов отличается свернутостью своей структуры – снижением уровня прогнозирования, а также сужением выбора средств и способов действий, будучи зависимым от внешних условий.

Также указанный тип психологических ситуаций обнаруживает общие черты с ситуационными типами, выделенными А.В. Хрящевым (2004). Так, ситуации, ограничивающие выбор варианта действия, феноменологически схожи с *обстоятельствами, субъективно не оставляющими свободы выбора действий*, для которых характерно быстрое и внезапное возникновение ситуации, а также стремительное ее развитие, требующее незамедлительных действий. Указанные обстоятельства воспринимаются «безвыходными», что

обуславливает рост эмоционального напряжения. В такой ситуации недостаточность функционирования когнитивных процессов не позволяет субъекту ни спрогнозировать последствия своих действий, ни в полной мере оценить их как противоправные, ни принять приемлемое решение, которое позволило бы разрешить конфликтную ситуацию, не выходя за рамки закона. Выраженные эмоционально-волевые расстройства в ситуации, когда лицу, в его субъективном представлении, грозит «смертельная» опасность, препятствует его способности в полной мере руководить своими действиями. (См. Приложение №2, Клинический пример №1)

Модель №2

В ситуациях вследствие *продолжительных конфликтов* субъект находился в близких отношениях с жертвой, принимающей в противостоянии с ним активное участие, при этом, как правило, не прибегавшей к агрессивным действиям (Рис.24).

Указанные обстоятельства преимущественно не оценивались субъектом как сильно значимые, находя свое отражение в сравнительно низкой интенсивности возникших эмоций, высокой степени подконтрольности ситуации и преимущественно в детальном характере прогноза дальнейших событий с длительной продолжительностью психологической ситуации, что не ограничивало широту выбора вариантов действий, преимущественно составляющую до 5-ти альтернатив.

Наряду с объективно-фиксируемыми параметрами ситуации отсутствию ограничений выбора действия также способствует и набор дезадаптивных личностных черт, относящихся ко всем пяти доменам: Диссоциальность (Корысть, Эгоизм); Негативная Аффективность (Пессимизм, Чувство никчемности, Потребность в восхищении); Расторможенность (Легкомыслие, Опрометчивость, Отвлекаемость, Невыносливость); Отчужденность (Неуверенность, Социальная отстраненность, Социальная изоляция,

Социальная ангедония, Равнодушие), Ананкастность (Негибкость, Непринятие риска).

Нейтральное отношение к ситуации, низкая степень интенсивности эмоциональных реакций, высокая степень субъективного контроля, детальный характер представлений о дальнейшем развитии ситуации, обусловлены в первую очередь набором личностных черт, относящихся ко всем пяти доменам. Низкой степени интенсивности возникших эмоций также способствует и продолжительный характер конфликта, а длительной продолжительности психологической ситуации – неагрессивный характер действий жертвы. В совокупности объективно-фиксируемые факторы ситуации и набор дезадаптивных личностных черт испытуемого не сужали набор субъективно доступных вариантов действий, состоящий из нескольких альтернатив. (См. Приложение №2, Клинический пример №2)

Модель №3

В случае *бесконфликтных ситуаций* субъект не имел никаких отношений с жертвой на предкриминальном этапе, в силу чего не находился в конфликте с ней.

Указанный тип ситуации характеризовался положительным или нейтральным отношением к ним, низкой степенью интенсивности эмоциональных реакций, высокой степенью субъективного контроля, детальным характером представлений о дальнейшем развитии ситуации, что было обусловлено сугубо набором дезадаптивных личностных черт, относящихся ко всем пяти доменам, который, свою очередь, не ограничивал количество вариантов действий.

С объективно-фиксируемыми параметрами ситуации отсутствию ограничений выбора действия способствует и набор дезадаптивных личностных черт, относящихся ко всем пяти доменам: Диссоциальность (Корысть, Эгоизм); Негативная Аффективность (Пессимизм, Чувство никчемности, Потребность в восхищении); Расторможенность (Легкомыслие,

Опрометчивость, Отвлекаемость, Невыносливость); Отчужденность (Неуверенность, Социальная отстраненность, Социальная изоляция, Социальная ангедония, Равнодушие), Ананкастность (Негибкость, Непринятие риска) (См. Приложение №2, Клинический пример №3).

В обоих случаях (бесконфликтная ситуация и ситуация вследствие продолжительного конфликта) показатели параметров субъективного восприятия, формирующие поле аффордансов, обнаруживают признаки *смысловой агрессии* (Кудрявцев И.А., Ратинова Н.А., 2000), осуществляемой с учетом внешних объективных условий, достаточным охватом и осмыслением ситуации и регулируемой на личностном уровне.

Принципиальным их различием является представленность объективно-фиксируемых переменных предкриминального этапа в ситуациях вследствие продолжительного конфликта с жертвой. Указанные переменные участвуют в формировании субъективного образа ситуации, располагая к совершению агрессивных противоправных действий.

Так, ситуации продолжительного конфликта обнаруживают общие черты с выделяемыми А.В. Хрящевым (2004) *обстоятельствами, вынуждающими к действиям*, для которых характерно постепенное развитие, не требующее незамедлительного принятия решения. Указанные обстоятельства не несут «смертельной» опасности, однако, в субъективном представлении альтернативный вариант действий может привести к нежелательным последствиям. Ситуация не является для лица безвыходной, не требует сиюминутного принятия решения, оставляя возможность отказаться от совершения общественно опасных действий ценой некоторых (моральных или материальных) лишений. Также ситуации продолжительного конфликта имеет схожие признаки с *субъективно провоцирующими обстоятельствами*, которые также могут существовать длительное время, оказывая хроническое провоцирующее воздействие. Развитие указанных ситуаций всегда является постепенным, оставляющим время на принятие решения, и обдумывание всех деталей наличествующего положения

практически не ограничено. Указанные обстоятельства воспринимаются субъектом как не представляющие опасности и позволяющие ему беспрепятственно удовлетворить возникшие потребности.

В свою очередь, бесконфликтные ситуации обнаруживают общие признаки с *индифферентными обстоятельствами*, также выделяемыми А.В. Хрящевым. Указанные ситуационные факторы остаются эмоционально нейтральными для субъекта, не ограничивают время на принятие решения, выбор тех или иных действий, прогнозирование их вероятных последствий. Сложившиеся обстоятельства всегда оставляют возможность для рационального выбора действий.

Статистический анализ с использованием двустороннего варианта точного теста Фишера не обнаружил статистически значимой взаимосвязи между представленными ситуационными моделями и экспертными решениями ($p=0,136$).

Таблица №7 Распределение экспертных решений среди моделей ситуаций

Экспертный вывод	Модель №1	Модель №2	Модель №3	Всего
Вменяем	56,7% (17)	78,6% (11)	56,6% (5)	62,3% (33)
Ограниченно вменяем	43,3% (13)	21,4% (3)	33,3 (3)	35,8% (19)
Невменяем	0,0% (0)	0,0% (0)	11,1% (1)	1,9% (1)
Всего	100% (30)	100% (14)	100% (9)	100% (53)

Отсутствие прямой статистической взаимосвязи между экспертными выводами и моделями ситуации представляется ожидаемым, поскольку особенности процесса субъективного восприятия юридически значимых обстоятельств являются лишь одной из составных частей всей системы саморегуляции. Таким образом, наличие или отсутствие ограничений количества вариантов действий напрямую не указывает на экспертное решение, а позволяет определить одно из звеньев механизмов противоправного деяния. Так, как и было указано ранее, Модель №1 отражает признаки импульсивной, привычно-неконтролируемой агрессии,

связанной с ограничением субъективно доступных тактик поведения. В свою очередь, Модели №2 и №3, отражают длительно обдуманную, предпочтенное множеству альтернатив агрессивное действие, что может свидетельствовать о смене механизма противоправного деяния на смысловой. Именно эта смена является значимой мишенью для прицельного экспертного исследования, поскольку она может свидетельствовать о предваряющем агрессивное противоправное деяние изменении психического состояния лица, например, обусловленное динамикой личностного расстройства.

5.3. Взаимосвязи параметров субъективного восприятия с динамикой расстройств личности

Представленные выше механизмы личностно-ситуационного взаимодействия продемонстрировали обусловленность параметров субъективного восприятия объективно-фиксируемыми параметрами и структурой личности испытуемого. Установлено, что ситуации вследствие непродолжительных конфликтов ведут к ограничению выбора действия, в то время как ситуации вследствие продолжительных конфликтов и бесконфликтные ситуации не ограничивают выбор варианта действия. Несмотря на обнаруженные закономерности, отдельно был рассмотрен ряд случаев, при которых испытуемый обладал ограниченным набором альтернатив действий, при этом находясь как в продолжительном конфликте, так и в бесконфликтной ситуации. Указанное сужение набора вариантов действий было обусловлено динамикой РЛ (См. Приложение №2, Клинический пример №4).

Группа лиц, находившихся в момент юридически значимой ситуации в состоянии декомпенсации, составляла 10 человек. Варианты декомпенсации указанных лиц были квалифицированы как:

1) Сверхценная реакция (4 человека).

Психическое состояние испытуемых указанной группы характеризовалось возникшими в ответ на воздействие стрессовых ситуационных факторов идеями, содержащими переживания, приобретшие характер овладевающих представлений. Лица из данной группы обнаруживали значительное сужение диапазона восприятия внешних стимулов, сочетающееся с идеаторной и аффективной направленностью на определенный элемент ситуации, с отсутствием способности к отвлечению от него. На момент совершения противоправных деяний испытуемые из указанной группы испытывали рост эмоционального напряжения, сопровождающийся еще большей фиксацией на собственных переживаниях, недостаточной целостной оценкой происходящих обстоятельств. Недостаточный уровень прогнозирования результатов собственной деятельности и невозможность к их коррекции лежали в основе неэффективной программы деятельности, что приводило к ограничению способности указанных лиц осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

2) Сверхценное развитие (1 человек).

У испытуемого с указанным вариантом декомпенсации на фоне эмоционально-значимого переживания отмечалось формирование сверхценных переживаний в совокупности с заострением свойственных ему патохарактерологических черт в виде замкнутости и подозрительности, что сопровождалось ростом эмоционального напряжения, снижением настроения, навязчивым ментизмом и суицидальными мыслями. Указанное психопатологическое состояние достигало психотического уровня и характеризовалось вытеснением ранее значимых интересов с погружением в мир патологических фантазий, присоединением деперсонализационных переживаний, наряду с постепенным расширением фабулы, нарастанием ее систематизированности, некорректируемости, достижением грандиозных масштабов, с подчиненностью поведения болезненным переживаниям. Наряду с указанной симптоматикой отмечалась ригидность, кататимность

мышления, его обедненность, а также грубое нарушение критических и прогностических способностей. Представленная психопатологическая симптоматика прослеживалась и в момент совершения юридически значимого деяния и делала невозможным для испытуемого осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

3) Синдром общей личностной дезорганизации (5 человек).

Психопатологическое состояние испытуемых указанной группы также обнаруживало заострение личностных черт, генерализацию аномалий психической активности, а также нарушение адаптационных функций (Гадисов Т.Г., 2022). Указанные общие признаки находили свое отражение в психопатологической симптоматике различным образом, что зависело от ведущего радикала имеющегося расстройства личности.

Так, у испытуемого с доминирующим истерическим радикалом (1 чел.) указанный синдром проявлялся в виде эмоциональной неустойчивости, кататимности суждений и аффективного рассуждательства в отношении произошедшей ситуации, что указывало на смысловую лабильность, возникшую в силу повышенной субъективной значимости конфликтной ситуации, сопровождавшуюся недооценкой социального значения своих действий. Юридически значимая деятельность указанного испытуемого происходила на фоне грубой аффективной реакции и осуществлялась преимущественно на целевом уровне, что ограничивало его способность к произвольной саморегуляции.

У другого испытуемого (1 чел.) с ведущим параноидным радикалом указанный синдром проявлялся в ригидности аффекта, сопровождающегося кататимностью и категоричностью суждений в отношении конфликтной ситуации и ее участников. Повышенная для испытуемого значимость возникшей в ситуации цели приводила к нарушению регуляции его деятельности со стороны ее смыслового уровня, что влекло за собой

недооценку социального значения своих действий и снижало критичность в отношении них.

У лиц с ведущим шизоидным и тревожным радикалами (2 чел.) указанный вариант декомпенсации возникал вследствие длительных конфликтов с жертвой, что приводило к фиксации испытуемых на различных аспектах возникший противоречий, повышенной рефлексивности в отношении субъективно-значимых тем, сопровождавшейся румминативными, навязчивыми рассуждениями и ростом эмоциональной напряженности, что также ограничивало способность к произвольной саморегуляции.

У испытуемого (1 чел.) с ведущим инфантильным радикалом данный вариант декомпенсации нашел свое отражение в поверхностности и облегченности суждений, а также импульсивности, проявлявшейся в непосредственности возникновения аффективных реакций, их ситуативности с недостаточным уровнем прогноза результата своих действий и недооценкой их социального и правового аспектов, что ограничивало способность испытуемого к произвольной саморегуляции.

Субъективное восприятие указанных декомпенсированных лиц статистически значимо отличилось по следующим параметрам (Рис. 27).

Рис. 25. Взаимосвязь динамики расстройства личности с параметрами субъективного восприятия.

Интенсивность эмоциональных реакций, возникших на момент юридически значимой ситуаций ($p=0.071$). Так, средний показатель интенсивности у лиц с компенсированным расстройством личности составлял 76.3 балла, тогда как у лиц в состоянии декомпенсации средний балл был 90.0.

Статистически значимые различия прослеживались и в *степени направленности идеаторной активности* на ситуацию. Лица, находящиеся в состоянии декомпенсации, проявляли исключительно полную направленность идеаторной активности на ситуацию вне зависимости от ее продолжительности, что свидетельствовало о повышенной фиксации на ней ($p=0.036$).

Также статистически значимым оказалось отличие декомпенсированных лиц по параметру, отражающему *количество вариантов действий*. Так, среди лиц с компенсированными РЛ среднее количество вариантов действия составляло 2.78, тогда как у лиц, находившихся в декомпенсации, количество доступных вариантов действия в среднем было 1.6. ($p=0.025$).

Отличительным для лиц, находившихся на момент юридически значимой ситуаций в состоянии декомпенсации, оказался и *характер альтернатив действий*. Указанные лица статистически значимо реже рассматривали в качестве допустимой альтернативы ненасильственные действия ($p=0.023$). Наряду с этим, группу декомпенсированных лиц отличали статистически значимо более частые указания на суицид в качестве альтернативы предпринятому агрессивному деянию ($p=0.035$).

Также для декомпенсированных испытуемых характерной была *большая длительность психологической ситуации*. Так, они статистически значимо чаще указывали длительность психологической ситуации в несколько месяцев и лет ($p=0.034$).

Таким образом, характер построения субъективного образа юридически значимой ситуации может зависеть не только от объективно-фиксируемых

параметров и набора личностных черт, но и от клинической динамики расстройств личности. Так, ряд лиц с установленным состоянием декомпенсации расстройства личности, находившиеся в объективно-фиксируемых условиях, не способствующих нарушению произвольности выбора варианта действия, тем не менее обнаруживали показатели параметров субъективного восприятия ситуации, характерные для ограничения указанного выбора, что может быть объяснено тяжестью психопатологической картины.

Можно заключить, что параметры субъективного восприятия, формирующие психологическую ситуацию, исходя из которой действует субъект, обнаруживают общие признаки с теоретическими моделями, лежащими в основе современных судебно-психиатрических представлений о саморегуляции субъекта. В силу этого представляется оправданным использование указанных параметров при дифференциации и определении механизмов совершения агрессивных противоправных деяний.

Показатели указанных параметров субъективного восприятия зависят как от объективно-фиксированных ситуационных параметров, так и от набора личностных черт испытуемых. Совместное воздействие указанных факторов формирует в сознании субъективный образ ситуации, определяющий произвольность выбора действия. Таким образом, анализ объективно-фиксируемых параметров ситуации, параметров ее субъективного восприятия, а также набора личностных черт испытуемых представляется оправданным способом оценки категорий вменяемости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью исследования являлось определение роли особенностей восприятия и оценки юридически значимой ситуации в механизмах противоправного поведения у обвиняемых с расстройством личности. Был обследован 71 подэкспертный, обвиняемый в совершении 76 деяний против здоровья и жизни и проходивший судебно-психиатрическую экспертизу в период 2021–2023 гг. в ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России. Общая выборка испытуемых была разделена на две группы. В Группу 1 вошли 53 человека с клинически установленными личностными расстройствами (74,64%), в Группу 2 – 18 психически здоровых лиц, а также лица с акцентуированными личностными чертами (25,36%).

Группа 1 была подразделена на 2 подгруппы: подгруппа А состояла из 31 испытуемого с диагнозом РЛ с ведущими истерическими, эмоционально-неустойчивыми и инфантильными радикалами (43,6%). Подгруппа Б состояла из 18 человек с ведущими параноидными, шизоидными радикалами в рамках диагноза РЛ, а также из лиц с шизотипическим личностным расстройством (25,3%).

Оценка личностно-ситуативного взаимодействия осуществлялась посредством анализа фактической информации о деликте, получаемой из материалов уголовного дела, и исследования ее субъективного восприятия в ходе клинического интервью.

Для анализа фактических обстоятельств был разработан блок объективно-фиксируемых параметров – элементов юридически значимой ситуации, детерминирующих ее развитие и определяющих ее характер, а также содержащих информацию о ее пространственно-временных границах,

ее участниках и их действиях. Блок включал ряд параметров, хронологически подразделенных на относящиеся к: 1) Предкриминальной ситуации; 2) Криминальной ситуации (ситуации совершения противоправного деяния); 3) Посткриминальной ситуации (Волчецкая Т.С., 1997).

Исследование параметров субъективного восприятия ситуации проводилось посредством полуструктурированного интервью, включившего в том числе ряд параметров дименсии когнитивного оценивания (Tekopelle J.L. et al., 2023), и в целом позволяющего оценить восприятие ситуации по трем осям, аналогичным дименсиям в модели поля аффордансов S. De Haan (2013):

1) Ось субъективной значимости (соответствует дименсии Высоты) включала параметры: *Валентность, Возникшие эмоции, Интенсивность возникших эмоций, Степень направленности внимания на ситуацию;*

2) Ось представленности вариантов действий (соответствует дименсии Ширины) включала параметры: *Знакомость ситуации, Уверенность в понимании ситуации, Подконтрольность ситуации, Субъективные представления о намерениях потерпевшего, Субъективное представление о собственных намерениях, Количество вариантов действий, Характер альтернатив действий, Ожидаемые усилия;*

3) Ось временной развернутости (соответствует дименсии Глубины) включала параметры: *Ожидаемость ситуации, Ожидаемость собственных агрессивных действий, Представления о дальнейшем будущем, Длительность психологической ситуации.*

По результатам статистического анализа общей выборки совершенных испытуемыми (n=71) деликтов (n=76) выделен ряд взаимосвязей между объективно фиксируемыми параметрами.

Установлено, что наибольшим количеством связей с другими признаками юридически значимой ситуации являются параметры: *степень близости отношений с жертвой, наличие конфликта, длительность конфликта*, а также *поведение жертвы в конфликте*, что дает основание полагать их ведущую роль в закономерностях развития юридически значимой

ситуации. На основе установленных взаимосвязей указанных параметров с остальными объективно-фиксируемыми параметрами были выделены три основные юридически значимые ситуации:

- 1) *Бесконфликтные ситуации* – характеризуются отсутствием каких-либо отношений между потерпевшим и испытуемым и конфликта между ними. В предкриминальном периоде осуществляется предварительная подготовка, вследствие которой криминальная ситуация разворачивается в условиях, не препятствующих совершению продолжительных противоправных деяний. В посткриминальной ситуации осуществляются усилия по сокрытию следов произведенных деяний.
- 2) *Ситуации вследствие непродолжительных конфликтов* отражают активное участие жертвы (включая вербальную и физическую агрессию), что приводит к незамедлительным брутально-агрессивным действиям испытуемых без их предварительной подготовки. В силу этого криминальная ситуация преимущественно содержит факторы, препятствующие завершенности деятельности испытуемых, а посткриминальная ситуация характеризуется отсутствием какой-либо активности, связанной с сокрытием следов деяния, напротив, действия направлены либо на помощь потерпевшему, либо на суицид.
- 3) *Ситуации вследствие продолжительных конфликтов* на предкриминальном этапе характеризуются конфликтом между имеющими опыт совместного взаимодействия испытуемым и жертвой, длящимся длительное время с активным участием в нем потерпевшего. Предкриминальная ситуация включает предварительную подготовку к совершению противоправных действий, что преимущественно приводит к развитию относительно продолжительной криминальной ситуации в условиях, не препятствующих завершению противоправной деятельности. Посткриминальная ситуация не сопровождается попытками сокрытия следов совершенных действий.

По результатам статистического анализа общей выборки испытуемых была установлена взаимосвязь между параметрами: *валентность отношения к ситуации, интенсивность возникших эмоций, степень направленности внимания на ситуацию, подконтрольность ситуации, длительность психологической ситуации, характер представлений о дальнейшем будущем*. Все указанные параметры в свою очередь обнаружили взаимосвязи с количеством вариантов действий, субъективно доступных испытуемому на момент юридически значимой ситуации, что дало основание для рассмотрения данного параметра в качестве основы типологизации психологических ситуаций.

- 1) *Ситуации, не ограничивающие выбор варианта действия*. Характерна преимущественно нейтральная валентность отношения с низкой эмоциональной интенсивностью. Находясь в подобных обстоятельствах, испытуемые чувствуют свою возможность влиять на развитие ситуации, которое происходит длительно с наличием у субъекта детальных представлений о последующих событиях. В результате выбор испытуемых происходит преимущественно между 5 вариантами действий, среди которых имеются как агрессивные, так и неагрессивные альтернативы поведения.
- 2) *Ситуации, ограничивающие выбор вариантов действий*. Характеризуются преимущественно негативным отношением к происходящим событиям при его высокой эмоциональной интенсивности. Ситуация воспринимается как неподконтрольная, то есть не поддающаяся влиянию на нее. Наряду с этим развитие ситуации происходит стремительно, резко снижая детальность представлений о последующих событиях. Указанные факторы отдельно и в совокупности ограничивают выбор подходящего действия испытуемых до одного или двух вариантов, преимущественно содержащих в себе агрессивные действия различной степени brutality.

Параметры субъективного восприятия обнаружили взаимосвязи с рядом объективно-фиксируемых показателей. Например, такие объективно

фиксируемые параметры предкриминальной ситуации, как *конфликт*, его *длительность* и *поведение жертвы в конфликте* оказались взаимосвязанными со значениями ряда параметров субъективного восприятия – *интенсивностью возникших эмоций, количеством доступных вариантов действия, длительностью психологической ситуации*. Указанные параметры субъективного восприятия в совокупности с параметром *ожидаемых усилий* и *характером представлений о дальнейшем будущем* связаны с характером противоправной деятельности испытуемых – осуществлением ими *предварительной подготовки к реализации деликта, длительностью их криминальной активности, а также действиями на этапе посткриминальной ситуации*. Таким образом было установлено, что характер предкриминального конфликта влияет на процесс субъективного отражения юридически значимой ситуации, содержащий в себе возможные ограничения в произвольности выбора действия, что определяет характер противоправной деятельности испытуемых.

В связи с тем, что соотношение пяти личностных доменов (Диссоциальность, Негативная Аффективность, Расторможенность, Отчужденность и Ананкастность) дименсиональной модели диагностики РЛ с категориальными типами РЛ остается недостаточно проясненным, для установления различий в доменной структуре расстройств личности между выделенными подгруппами был проведен анализ статистически значимых различий показателей психометрического опросника FFCiD.

Ожидаемыми стали различия между обеими клиническими подгруппами в представленности домена Расторможенности (характерного для подгруппы А с преобладанием эмоционально-неустойчивых черт), а также доменов Отчужденности и Ананкастности (свойственных подгруппе Б с параноидным/шизоидным радикалами).

Между тем, в обеих клинических подгруппах, разделенных по категориальному принципу, наблюдаются показатели по шкалам из доменов Диссоциальности и Негативной Аффективности. Однако выделяемый в

рамках указанных доменов набор субдоменов и нюансов является различным для каждой из клинических подгрупп: в пределах Диссоциальности для подгруппы А значимыми параметрами оказывается *агрессия* (физическая и вербальная), тогда как для подгруппы Б – *расчетливость* и *тщеславие*. Негативная Аффективность в подгруппе А раскрывается через черты *эмоциональной лабильности, реактивного гнева, опасения по поводу оценки*, в то время как в подгруппе Б – через *депрессивность, социальную тревожность, межличностную неадекватность и пессимизм*.

Таким образом, дименсиональная модель диагностики предоставляет возможность существенного дополнения к устанавливаемым при категориальной типологии РЛ различиям личностно-ситуативного взаимодействия за счет более тонкой дифференциации роли дезадаптивных свойств.

Были установлены различия в процессах восприятия и оценки ситуации в рамках категориального подхода в диагностике личностных расстройств. Между подгруппой А и подгруппой Б были обнаружены различия по таким параметрам субъективного восприятия, как *знакомость* ситуации и *ожидаемость* ситуации.

Лица с ведущими истерическим, эмоционально-неустойчивым и инфантильным радикалами, будучи частично знакомыми с ситуацией ($p=0.049$), воспринимали ее тем не менее как новую и неожиданную ($p=0.043$). Они преимущественно имели опыт взаимодействия с ситуациями, связанными с возникновением агрессивных противоправных намерений, что указывает на привычный способ реагирования в схожих обстоятельствах. Восприятие ими юридически значимых обстоятельств как непредсказуемых и новых тем самым свидетельствовало о их неспособности оперировать субъективным опытом.

Напротив, лица с ведущими параноидным и шизоидными радикалами, а также лица с шизотипическим расстройством, оказавшись в субъективно новых для себя обстоятельствах ($p=0.049$), продемонстрировали достаточную

способность к прогнозу возникновения и развития ситуации ($p=0.043$), т.е. могли предполагать и программировать свои действия в условиях, связанных с возникновением намерения действовать агрессивно.

Также были установлены различия в восприятии и оценки ситуации в рамках нововведённой дименсиональной модели диагностики РЛ. Установлено, что ряд параметров субъективного восприятия, формирующих психологические ситуации, ограничивающие количество вариантов действий, обнаружил связи с определенным набором дезадаптивных личностных черт. В наибольшей степени связанными с сужением выбора были личностные черты из домена Диссоциальности и Негативной Аффективности. Лица с превалированием черт из указанных доменов сообщали о негативном отношении к ситуации, высокой интенсивности возникших эмоций, низкой степени подконтрольности ситуации и об отсутствии аналогичных обстоятельств в субъективном опыте. Наряду с этим данные лица сообщали о предварительной готовности действовать агрессивно, при этом обладая поверхностными представлениями о дальнейшем развитии ситуации.

Наиболее уязвимыми в воздействию ситуационных факторов оказались диссоциальные черты – Агрессия (физическая и вербальная), Эгоцентризм, Тщеславие и Вседозволенность; Негативно-Аффективные черты, связанные с трудностями межличностного функционирования (Социальная тревожность, Межличностная неадекватность, Потребность в восхищении), а также с эмоциональной лабильностью (Эмоциональная лабильность, Нарушения эмоциональной регуляции, Быстрая смена эмоций, Гневливость, Реактивный гнев, Раздражительность).

С расширением выбора действий в наибольшей степени оказался связан домен Отчужденности. Так, лица с набором черт указанного домена демонстрировали высокую степень субъективной подконтрольности ситуации, а также уверенность в ее правильном понимании. Для них была характерна низкая степень интенсивности возникших эмоций, сочетающаяся с детальными представлениями о дальнейшем развитии ситуации. Наиболее

препятствующими ограничению выбора тактик поведения оказались такие черты Отчужденности, как Социальная ангедония и Социальная изоляция.

Таким образом, параметры субъективного восприятия связаны с набором дезадаптивных личностных черт испытуемого. Ограничению количества вариантов действий в юридически значимой ситуации способствуют черты, относящиеся к доменам Диссоциальности и Негативной Аффективности. В свою очередь, большая широта вариантов действий связана с наличием черт домена Отчужденности.

Указанные взаимосвязи не ограничиваются сугубо доменным уровнем, а прослеживаются и на уровне субдоменов и нюансов. Так, ограничению выбора действий способствовали выделяемые в рамках домена Диссоциальности субдомены: Агрессия, Эгоцентризм, Недостаток Эмпатии, а также нюансы: Вседозволенность, Тщеславие, Вербальная агрессия, Физическая агрессия, Манипулятивность, Бессердечность, Надменность. В рамках домена Негативной Аффективности с ограничением выбора были связаны субдомены Тревожность и Депрессивность, наряду с нюансами: Раздражительность, Неуверенность в сепарации, Социальная тревожность, Межличностная неадекватность, Быстрая смена эмоций, Нарушения эмоциональной регуляции, Пессимизм.

В свою очередь расширению выбора способствовали выделяемые в домене Отчужденность субдомены Неуверенность и Социальная отстраненность, также нюансы Социальная изоляция, Социальная ангедония и Равнодушие.

Таким образом, дименсиональная модель диагностики расстройств личности предоставляет возможность более дифференцированного анализа связей характера процесса восприятия и оценки юридически значимой ситуации с дезадаптивными личностными чертами испытуемых.

Была исследована взаимосвязь типов юридически значимых ситуаций с вариантами их субъективного восприятия. Установлено, что ограничение вариантов выбора действия зависит от наличия и характера

предкриминального конфликта ($p < 0.01$). На основе указанной взаимосвязи было выделено 3 модели *личностно-ситуационного взаимодействия*.

Модель №1. В ситуациях непродолжительного конфликта источником ограничения произвольности выбора вариантов действий являются как объективные ситуационные переменные, так и структура личности испытуемого. Негативное отношение к ситуации, высокая степень интенсивности эмоциональных реакций, низкая степень субъективного контроля, поверхностный характер представлений о дальнейшем развитии ситуации обусловлены в первую очередь набором личностных черт, относящихся к Диссоциальному, Негативно-Аффективному и Ананкастному домену. Высокой степени интенсивности возникших эмоций также способствует и наличие конфликта с жертвой, а непродолжительной длительности психологической ситуации – агрессивный характер ее действий. В совокупности объективно-фиксируемые факторы ситуации и набор дезадаптивных личностных черт испытуемого сужают выбор действий до двух вариантов. Возникающая вследствие личностно-ситуативного взаимодействия психологическая ситуация демонстрирует признаки, свойственные для *привычно-неконтролируемой агрессии* (Кудрявцев И.А., Ратинова Н.А., 2000), а также содержит признаки *обстоятельств, субъективно не оставляющих свободы выбора действий* (Хрящев А.В., 2004).

Модель №2. Ситуации вследствие продолжительных конфликтов преимущественно не приводят к ограничению выбора действия. Нейтральное отношение к ситуации, низкая степень интенсивности эмоциональных реакций, высокая степень субъективного контроля, детальный характер представлений о дальнейшем развитии ситуации обусловлены набором личностных черт, относящимся ко всем пяти доменам. Низкой степени интенсивности возникших эмоций также способствует и продолжительный характер конфликта, а длительной продолжительности психологической ситуации – неагрессивный характер действий жертвы. При этом совокупность объективно-фиксируемых параметров ситуации и набор дезадаптивных

личностных черт испытуемого не сужает количество субъективно доступных вариантов действий.

Модель №3. Бесконфликтные ситуации также не приводят к ограничению выбора. Положительное или нейтральное отношение к ним, низкая степень интенсивности эмоциональных реакций, высокая степень субъективного контроля, детальный характер представлений о дальнейшем развитии ситуации обусловлены сугубо набором дезадаптивных личностных черт, относящимся ко всем пяти доменам, не ограничивающим количество вариантов действий.

Обе модели (Модель №2 и Модель №3) обнаруживали признаки *смысловой агрессии* (Кудрявцев И.А., Ратинова Н.А., 2000). Различием же указанных типов являлось содержание объективно-фиксируемых переменных предкриминального этапа. Так, ситуации продолжительного конфликта обнаруживают общие черты с *обстоятельствами, вынуждающими к действиям* и с *субъективно провоцирующими обстоятельствами*, в то время как бесконфликтные ситуации обнаруживают общие признаки с *индифферентными обстоятельствами* (Хрящев А.В., 2004).

Отдельно был рассмотрен ряд случаев, при которых ограничение альтернатив действий обуславливалось динамикой РЛ. Были установлены несколько вариантов декомпенсации в момент юридически значимой ситуации.

Сверхценная реакция (4 человека), характеризующаяся возникшими под воздействием стрессовых факторов переживаний, приобретших характер овладевающих представлений, сопровождаемых значительным сужением диапазона восприятия внешних стимулов, сочетающихся с идеаторной и аффективной направленностью на определенный элемент ситуации, с неспособностью отвлечься от него.

Сверхценное развитие (1 человек), определяемое возникновением на фоне эмоционально-значимых обстоятельств доминирующих переживаний, достигающих психотического уровня, характеризующихся вытеснением ранее

значимых интересов, сопровождаемых патологическим фантазированием, постепенным расширением фабулы, нарастанием ее систематизированности, некорректируемости, достижением грандиозных масштабов, с подчиненностью поведения болезненным переживаниям.

Синдром общей личностной дезорганизации (5 человек), заключающийся в заострении патохарактерологических черт, генерализации аномалий психической активности, а также нарушении адаптационных функций (Гадисов Т.Г., 2022). Указанные общие признаки находили свое отражение в психопатологической симптоматике различным образом, что зависело от ведущего радикала имеющегося расстройства личности.

Субъективное восприятие лиц, находившихся в указанных состояниях, статистически значимо отличалось по ряду параметров.

Так, для лиц, находящихся в момент юридически значимой ситуации в состоянии декомпенсации, были характерны сравнительно более высокая интенсивность возникших эмоций, полная направленность внимания на ситуацию вне зависимости от ее продолжительности, меньшее количество доступных вариантов действий, преимущественно агрессивного характера. Декомпенсированных лиц отличала большая длительность психологических ситуаций, достигающая нескольких месяцев или лет, а также более частые указания на суицид в качестве альтернативы предпринятому агрессивному деянию.

Таким образом, характер построения субъективного образа юридически значимой ситуации может зависеть не только от объективно-фиксируемых параметров и набора личностных черт, но и от клинической динамики расстройств личности. Так, ряд лиц с декомпенсацией РЛ, находившихся в условиях, не способствующих нарушению произвольности выбора, обнаруживали показатели параметров субъективного восприятия, характерные для ограничения количества вариантов действий, что связано с тяжестью психопатологического состояния.

ВЫВОДЫ

1. Воздействие ситуационных факторов на противоправное поведение происходит вследствие установления личностно-ситуативной взаимосвязи, образующей систему параметров объективных обстоятельств, их субъективного преломления (восприятия и оценки), зависящего от личностной (патохарактерологической) структуры. Результатом функционирования данных процессов является возникновение психологической ситуации, определяющей количество доступных субъекту вариантов действий.
2. Фактическое содержание юридически значимых обстоятельств представляет собой последовательность взаимосвязанных объективно-фиксируемых параметров ситуации, наибольшим значением из которых обладают элементы предкриминальной ситуации: *степень близости отношений с жертвой, наличие конфликта, длительность конфликта, а также поведение жертвы в конфликте*. Указанные параметры имеют ведущую роль в механизмах общественно опасного деяния и позволяют выделить три основные юридически значимые ситуации.
 - 2.1. *Бесконфликтные ситуации* – не содержащие в себе каких-либо отношений между потерпевшим и испытуемым и конфликта между ними, характеризующиеся наличием предварительной подготовки и, как следствие, – развитием криминальной ситуации в условиях, не препятствующих совершению продолжительных противоправных деяний, завершаемые деятельностью, направленной на сокрытие следов криминальных действий.
 - 2.2. *Ситуации вследствие непродолжительных конфликтов* – характеризуются активным, достигающим агрессии, участием в

конфликте потерпевшего, приводящим к незамедлительным, брутально-агрессивным действиям обвиняемых, осуществляемым без предварительной подготовки, в препятствующих условиях, завершающий этап которых не содержит попыток сокрытия следов произошедшего.

2.3. *Ситуации вследствие продолжительных конфликтов* – отражают наличие конфликта между имеющими опыт совместного взаимодействия жертвы и обвиняемого, приводящего к заранее подготовленной противоправной активности последнего, осуществляемой в не препятствующих условиях с отсутствием каких-либо усилий по сокрытию содеянного.

3. «Психологическая ситуация», являющаяся результатом восприятия и оценки юридически значимых обстоятельств, содержит такие наиболее значимые параметры субъективного восприятия, как: *валентность отношения к ситуации, интенсивность возникших эмоций, степень направленности внимания на ситуацию, подконтрольность ситуации, длительность психологической ситуации, характер представлений о дальнейшем будущем*. Они образуют единую структуру, определяющую количество доступных субъекту вариантов действий, позволяя выделить два варианта психологических ситуаций.

3.1. Ситуации, не ограничивающие выбор варианта действия, – характеризуются нейтральным отношением с низкой эмоциональной интенсивностью, способностью субъекта влиять на развитие ситуации, выбирая между широким набором агрессивных и неагрессивных вариантов действий, детально представляя их возможные последствия.

3.2. Ситуации, ограничивающие выбор варианта действия, – характеризуются негативным отношением к ситуации с высокой степенью эмоциональной интенсивности, восприятием ее как стремительной и неподконтрольной, что сказывается на доступном количестве вариантов действий, сводящихся к выбору между

агрессивными альтернативами разной степени brutality в отсутствие представлений об их возможных последствиях.

4. Объективно фиксируемые параметры, формирующие развитие криминальной ситуации, определяют характер ряда параметров ее субъективного восприятия, а именно: *интенсивность возникших эмоций, количество доступных вариантов действия и длительность психологической ситуации*, которые в совокупности с параметрами *ожидаемых усилий и представлений о дальнейшем будущем* формируют характер криминальной и посткриминальной активности субъекта.

5. Зависимость субъективного восприятия юридически значимой ситуации от набора дезадаптивных личностных черт обнаруживается в характере формирующейся психологической ситуации.

5.1. На уровне категориального разграничения расстройств личности прослеживаются особенности обращения к субъективному опыту и способности оперировать им, а также прогноза развития ситуации. Лица с истерическим, эмоционально-неустойчивым и инфантильным радикалами, будучи частично знакомыми с ситуацией, воспринимают ее как новую и неожиданную. В свою очередь, лица с ведущими параноидным и шизоидным радикалами, а также лица с шизотипическим личностным расстройством, находясь в субъективно новых обстоятельствах, обнаруживают достаточную способность прогнозировать возникновение и развитие юридически значимой ситуации.

5.2. Применение дименсионального подхода к диагностике расстройств личности позволяет обнаружить взаимосвязи субъективного восприятия ситуации с доменной структурой личности. Ограничению количества вариантов действий способствуют черты из доменов «Диссоциальности» и «Негативной Аффективности», а препятствуют черты из домена «Отчужденности». Указанные

взаимосвязи прослеживаются как на уровне личностных доменов, так и на более детализированных уровнях субдоменов и нюансов.

6. Параметры субъективного восприятия позволяют оценивать характер нарушения саморегуляции субъекта на момент юридически значимой ситуации.

6.1. Ограничение количества вариантов действий определяется наличием и характером предкриминального конфликта, а также набором дезадаптивных личностных черт субъекта. Совокупность сочетания ситуационных параметров и набора дезадаптивных личностных черт позволяет выделить три модели личностно-ситуационного взаимодействия. Модель 1 отражает воздействие ситуационных переменных непродолжительного конфликта на диссоциальные, негативно-аффективные и анакастные черты субъекта, что приводит к ограничению доступных ему вариантов действий. Модели 2 и 3 демонстрируют, что в ситуациях продолжительных конфликтов и в бесконфликтных ситуациях ограничение выбора действий менее вероятно, независимо от набора дезадаптивных личностных черт, относящихся ко всем пяти доменам.

6.2. Состояние декомпенсации на момент юридически значимой ситуации связано с параметрами субъективного восприятия ситуации, ограничивающими количество доступных вариантов действий. В этих случаях ограничение выбора относительно независимо от объективно-фиксируемых параметров ситуации или набора личностных черт, поскольку происходит в силу действия психопатологических механизмов в рамках клинической динамики личностного расстройства.

7. Принцип судебно-психиатрического анализа юридически значимых ситуаций заключается в учете ее объективных и субъективных перспектив. Этапами указанного анализа является: 1) исследование характеристик предкриминального конфликта; 2) изучение психологической ситуации с позиций ее субъективной значимости, представленности вариантов

действий и временной развернутости; 3) сопоставление параметров субъективного восприятия и объективно фиксируемых условий развития ситуации с клинической картиной расстройства личности, включая дезадаптивные личностные черты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохин П.К. Системные механизмы высшей нервной деятельности. — М.: Наука, 1979. — 454 с.
2. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. — М.: Медицина, 1975. — 447 с.
3. Антонян Ю.М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления: Учебное пособие. — М.: Акад. МВД СССР, 1973. — 70 с.
4. Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. — 128 с.
5. Бернштейн Н.А. О построении движений. — М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1947. — 255 с.
6. Битюцкая Е.В. Когнитивное оценивание трудной жизненной ситуации с позиций деятельностного подхода А.Н. Леонтьева // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. — 2013. — № 2. — С. 40–56.
7. Булыгина В.Г., Шеховцова Е.С., Дубинский А.А. Ситуационный анализ как этап принятия решений в норме и при психической патологии // Психическое здоровье. — 2018. — Т. 16, № 2. — С. 26–31.
8. Бурлачук Л.Ф., Михайлова Н.Б. К психологической теории ситуации // Психологический журнал. — 2002. — Т. 23, № 1. — С. 5–17.
9. Вандыш В.В. Принципы экспертной оценки органических психических расстройств в соответствии со ст. 22 УК РФ // Ограниченная вменяемость / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Б.В. Шостаковича, А.А. Ткаченко. — М.: Медкнига, 2008. — С. 49–52.
10. Вишневский К.В. Механизм поведения жертвы и преступника на стадии предкриминальной ситуации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2021. — № 4–2. — С. 41–44.

11. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: автореф. дис. д-ра юр. наук: 12.00.09 / МГУ им. М.В. Ломоносова. — М., 1997. — 32 с.
12. Гадисов Т.Г., Ткаченко А.А. Дифференцированные экспертные оценки вменяемости при компенсации и декомпенсации расстройств личности // Российский психиатрический журнал. — 2022. — № 5. — С. 4–12.
13. Гульдан В.В. Исследования некоторых механизмов регуляции поведения при психопатиях: автореф. дис. канд. психол. наук: 19.00.04 / МГУ им. В.П. Ломоносова. — М., 1975. — 18 с.
14. Гульдан В.В. Мотивация преступного поведения психопатических личностей // Криминальная мотивация / Под ред. И.А. Кудрявцева. — М.: Наука, 1986. — С. 189–259.
15. Дмитриева Т.Б. Патобиологические аспекты динамики психопатий. — М., 1998. — 161 с.
16. Дозорцева Е.Г. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетнего обвиняемого / Медицинская и судебная психология. — М., 2005. — С. 480–505.
17. Ефремов С.А. Криминологическое значение конкретной жизненной ситуации при совершении умышленных убийств: автореф. дис. канд. юр. наук: 12.00.08 / Гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко. — Киев, 1984. — 24 с.
18. Зейгарник Б.В., Братусь Б.С. Очерки по психологии аномального развития личности. — М.: Издательство Московского университета, 1980. — 169 с.
19. Илюшина Е.А., Ткаченко А.А. Психопатологическая структура сверхценных состояний // Обозрение психиатрии и медицинской психологии В.М. Бехтерева. — 2015. — № 2. — С. 51–58.
20. Свистун С.Я. К 140-летию. Том III. В.Х. Кандинский. — СПб.: Издательско-полиграфическая компания «КОСТА», 2012. — 616 с7
21. Кербиков О.В., Фелинская Н.И. Психопатии // Судебная психиатрия / Под ред. Г.В. Морозова. — М.: Медицина, 1965. — С. 327–349.

22. Ковалёв В.В. Семиотика и диагностика психических заболеваний у детей и подростков. — М.: Медицина, 1985. — 288 с.
23. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений / Пер. с польск. Г.Е. Минца, В.Н. Поруса; под ред. Б.В. Бирюковой. — М.: Прогресс, 1979. — 600 с.
24. Кондратьев Ф.В. Системно-структурный анализ расстройств поведения как метод диагностики в психиатрии // Вопросы диагностики в судебно-психиатрической практике / Под ред. Г.В. Морозова. — М.: Логосвос, 1990. — С. 9–18.
25. Корзун Д.Н., Ткаченко А.А. Судебно-психиатрическая оценка механизма принятия юридически значимых решений // Российский психиатрический журнал. — 2013. — № 1. — С. 11–17.
26. Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска // Психологические исследования. — 2015. — Т. 8. — № 40. — С. 5–8.
27. Корнилова Т.В., Новикова М.А. «Психологическая разумность» в структуре интеллектуально-личностного потенциала (адаптация опросника) // Психологический журнал. — 2014. — Т. 35, № 1. — С. 95–110.
28. Краснушкин Е.К. Опыт психиатрического построения характеров у правонарушителей // Преступник и преступность. Сб. II / Под ред. Е.К. Краснушкина, Г.М. Сегал, Ц.М. Фейнберг. — М.: Издание Мосздравотдела, 1927. — С. 7–33.
29. Кречмер Э. Строение тела и характер. — М.: Педагогика-Пресс, 1995. — 608 с.
30. Кудрявцев И.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (научно-практическое руководство). — М.: Издательство Московского университета, 1999. — 497 с.
31. Кудрявцев И.А., Лапшина Е.Н. Психологические механизмы и эффекты влияния патологии характера на саморегуляцию общественно опасных

- деяний // Российский психиатрический журнал. — 2008. — № 3. — С. 29–35.
32. Кудрявцев И.А., Ратинова Н.А. Криминальная агрессия (экспертная типология и судебно-психологическая оценка). — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. — 192 с.
33. Кудрявцев И.А., Сафуанов Ф.С. Эмоциональная и смысловая регуляция восприятия у психопатических личностей возбудимого и истерического круга // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. — 1984. — Т. 84, № 12. — С. 1815–1822.
34. Кудрявцев С.В. Межличностный конфликт как причина насильственного преступления: автореф. дис. канд. психол. наук: 19.00.05 / МГУ им. М.В. Ломоносова. — М., 1989. — 19 с.
35. Левин К. Поведение и развитие как функция общей ситуации // Теория поля в социальных науках. — СПб.: Сенсор, 2000. — С. 263–330.
36. Лысенко Н.Е., Булыгина В.Г. Проблема исследования принятия решений у лиц, совершивших общественно опасные действия в конфликтных ситуациях // Российский психиатрический журнал. — 2021. — № 3. — С. 56–66.
37. Лысенко П.Е., Пеева О.Д., Булыгина В.Г. Восприятие межличностных конфликтов у лиц с аффективными расстройствами // Российский психиатрический журнал. — 2024. — № 2. — С. 53–60.
38. Мальцева М.М., Котов В.П. Опасные действия психически больных. — М.: Медицина, 1995. — 256 с.
39. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Под ред. Д.А. Леонтьева. — М.: Смысл, 2004. — 608 с.
40. Остришко В.В. Значение психогенных ситуаций в возникновении аффективных реакций у психопатических личностей // Судебно-психиатрическая экспертиза. — 1977. — № 28. — С. 25–31.
41. Печерникова Т.П., Гульдман В.В., Остришко В.В. Особенности экспертной оценки аффективных реакций в момент совершения

- правонарушения у психически здоровых и психопатических личностей // Методическое пособие. — М., 1983. — 19 с.
- 42.Рягузова Е.В. Психологическое конструирование ситуации в повседневных и экстремальных условиях: автореф. дис. канд. психол. наук: 19.00.01 / Казан. гос. ун-т. — Казань, 2004. — 20 с.
- 43.Савина О.Ф., Макушкин Е.В., Морозова М.В. Алгоритм экспертного исследования дизрегуляции деятельности в криминальной ситуации у лиц с психическими расстройствами // Российский психиатрический журнал. — 2018. — № 1. — С. 31–42.
- 44.Сазиков А.И. Криминологическое исследование убийств в системе преступного насилия: автореф. дис. канд. юр. наук: 12.00.08 / Ростовский юридический институт МВД России. — Ростов н/Д, 1999. — 19 с.
- 45.Сергиенко Е.А., Виленская Г.А., Ковалева Ю.В. Контроль поведения как субъектная регуляция. — М.: Институт психологии РАН, 2010. — 350 с.
- 46.Смулевич А.Б. Расстройства личности. Траектория в пространстве психической и соматической патологии. — М.: Медицинское информационное агентство, 2012. — 336 с.
- 47.Сухарева Г.Е. Клинические лекции по психиатрии детского возраста. — М.: Медгиз, 1959. — 406 с.
- 48.Солнцева Г.Н. Риск как характеристика действий субъекта. — М.: Издательство Московского университета, 1999. — 79 с.
- 49.Солнцева Г.Н. Ситуационный подход: типы ситуаций и психологические особенности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2021. — Т. 18, № 3. — С. 525–543.
- 50.Старович З. Судебная сексология / Пер. с польского. — М.: Юридическая литература, 1991. — 254 с.
- 51.Старостина Е.Г., Тэйлор Г.Д., Квилти Л.К., Бобров А.Е., Мошняга Е.Н., Пузырева Н.В., Боброва М.А., Ивашкина М.Г., Кривчикова М.Н., Шаврикова Е.П., Бэгби М. Торонтская шкала алекситимии (20 пунктов):

- валидизация русскоязычной версии на выборке терапевтических больных // Социальная и клиническая психиатрия. — 2010. — Т. 20, № 4. — С. 31–38.
52. Стельмах Т.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика способа совершения убийства: автореф. дис. канд. юр. наук: 12.00.08 / Рос. ун-т дружбы народов. — М., 2012. — 33 с.
53. Тихоненко В.А. Позиция личности в ситуации конфликта и суицидальное поведение // Российский психиатрический журнал. — 1998. — № 3. — С. 21–24.
54. Ткаченко А.А., Демидова Л.Ю. Построение общей модели саморегуляции в судебной психиатрии. Сообщение 4. Ситуация: воспоминание о будущем // Российский психиатрический журнал. — 2020. — № 1. — С. 27–41.
55. Ткаченко А.А., Корзун Д.Н. Судебно-психиатрическая экспертиза — 2-е изд., переработ. и доп. — М.: ГЭОТАР-Медиа, 2020. — 738 с.
56. Хрящев А.В. Клинические и ситуативные критерии вменяемости лиц с психическими аномалиями // Российский психиатрический журнал. — 2003. — № 2. — С. 33–36.
57. Шкитырь Е.Ю. Посмертная комплексная судебная психолога-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних с суицидальным поведением (клинические и судебно-психиатрические аспекты): автореф. дис. канд. мед. наук: 14.01.06 / ФГБУ НМИЦ ПН им. В.П. Сербского. — М., 2022. — 21 с.
58. Шкурко А.В. От распределенного познания к распределенному решению задач: социологическая перспектива в развитии когнитивной науки // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2010. — Т. 7, № 3. — С. 3–22.
59. Шостакович Б.В. Расстройства личности (психопатии) в судебно-психиатрической практике / Б.В. Шостакович. — М.: МБА, 2006. — 372 с.

- 60.Шостакович Б.В. Судебно-психиатрический аспект динамики психопатий. — Дисс. ... д-ра мед. наук: 14.00.18 / Шостакович Б.В. — М., 1971. — 449 с.
- 61.Якубик А. Истерия. — М.: Медицина, 1982. — 344 с.
- 62.Allport G.W. Pattern and Growth in Personality. — New York: Holt, Rinehart and Winston, 1961. — 617 p.
- 63.Aluja A., Sorrel M.A., García L.F., García O., Gutierrez F. Factor convergence and predictive analysis of the five-factor and alternative five-factor personality models with the five-factor personality inventory for ICD-11 (FFiCD) // Journal of Personality Disorders. — 2022. — Т. 36, № 3. — P. 296–319.
- 64.American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, 4th ed. — Arlington: American Psychiatric Association Publ., 2000.
- 65.American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, 5th ed. — Arlington: American Psychiatric Association Publ., 2013.
- 66.Bach B. Simplicity and Dynamics of the ICD-11 Trait Qualifiers in Relation to Treatment // In: Cambridge Handbook of Personality Disorders. Cambridge University Press, 2020. — P. 213–237.
- 67.Bach B. Treating Comorbid Depression and Personality Disorders in DSM5 and ICD11. — Lancet Psychiatry. — 2018. — № 5. — P. 874–875.
- 68.Bach B., First M.B. Application of the ICD-11 classification of personality disorders // BMC Psychiatry. — 2018. — № 187. — P. 351.
- 69.Bach B., Sellbom M., Kongerslev M., Simonsen E., Krueger R.F., Mulder R. Deriving ICD-11 personality disorder domains from DSM-5 traits: Initial attempt to harmonize two diagnostic systems. — Acta Psychiatr. Scand. — 2017. — № 136. — P. 108–117.
- 70.Baggs E., Chemero A. Radical embodiment in two directions // Synthese. — 2019. — Vol. 198, № 9. — P. 2175–2190.

71. Baron-Cohen S., Wheelwright S., Hill J., Raste Y., Plumb I. The "Reading the Mind in the Eyes" Test revised version: a study with normal adults, and adults with Asperger syndrome or high-functioning autism // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. — 2001. — T. 42, № 2. — P. 241–251.
72. Bauer R.M. Autonomic recognition of names and faces in prosopagnosia: A neuropsychological application of the guilty knowledge test // *Neuropsychologia*. — 1984. — Vol. 22, № 4. — P. 457–469.
73. Berge M.A., Raad B.D. The structure of situations from a personality perspective. — *European Journal of Personality*. — 2002. — Vol. 16, № 2. — P. 81–102.
74. Blair R.J.R. Neuroimaging of psychopathy and antisocial behavior: A targeted review // *Current Psychiatry Reports*. — 2010. — Vol. 12, № 1. — P. 76–82.
75. Buss D.M., Block J.H., Block J. Preschool activity level: Personality correlates and developmental implications // *Child Development*. — 1980. — Vol. 51. — P. 401–408.
76. Buss D.M. Selection, evocation, and manipulation // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 1987. — Vol. 53. — P. 1214–1221.
77. Cantor N.E., Mischel W., Schwartz J.C. A prototype analysis of psychological situations // *Cognitive Psychology*. — 1982. — Vol. 14, № 1. — P. 45–77.
78. Charney D.S., Nestler E.J. *Neurobiology of Mental Illness*. — Oxford University Press, 2005. — 1272 c.
79. Chmielewski M., Clark L.A., Bagby R.M., Watson D. Method Matters: Understanding Diagnostic Reliability in DSM-IV and DSM-5 // *Journal of Abnormal Psychology*. — 2015. — № 124. — P. 764–769.
80. Colombetti G. Enactive appraisal // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. — 2007. — Vol. 6, № 4. — P. 527–546.
81. Colombetti G., Krueger J. Affective affordances and psychopathology // *Philosophical Perspectives on Affective Experience and Psychopathology*. — Bologna: Filosofiche Quodlibet, 2018. — P. 221–247.

82. Gamache D., Savard C., Leclerc P., et al. A Proposed Classification of ICD-11 Severity Degrees of Personality Pathology Using the Self and Interpersonal Functioning Scale // *Frontiers in Psychiatry*. — 2021. — Vol. 12. — P. 628057.
83. De Haan S. An Enactive Approach to Psychiatry // *Philosophy, Psychiatry, and Psychology*. — 2020. — Vol. 27, № 1. — P. 3–25.
84. Dent H.C., Ward T. Emotion and correctional practice: Theoretical foundations of an enactive practice framework // *Aggression and Violent Behavior*. — 2022. — Vol. 63. — P. 101672.
85. Derksen J. Personality disorders: Clinical and social perspectives: Assessment and treatment based on DSM-IV and ICD-10. — John Wiley & Sons, 1995. — 374 p.
86. Edwards J.A., Templeton A. The structure of perceived qualities of situations // *European Journal of Social Psychology*. — 2005. — Vol. 35, № 6. — P. 705–723.
87. Emmons R.A., Diener E. Situation selection as a moderator of response consistency and stability // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 1986. — Vol. 51. — P. 1013–1019.
88. Endler N.S., Magnusson D. Toward an interactional psychology of personality // *Psychological Bulletin*. — 1976. — Vol. 83, № 5. — P. 956–974.
89. Esterberg M.L., Goulding S.M., Walker E.F. Cluster A Personality Disorders: Schizotypal, Schizoid and Paranoid Personality Disorders in Childhood and Adolescence // *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*. — 2010. — Vol. 32, № 4. — P. 515–528.
90. Fang S., Ouyang Z., Zhang P., et al. Personality Inventory for DSM-5 in China: Evaluation of DSM-5 and ICD-11 Trait Structure and Continuity With Personality Disorder Types // *Frontiers in Psychiatry*. — 2021. — Vol. 12. — P. 635214.

91. Fleeson W. Situation-Based Contingencies Underlying Trait-Content Manifestation in Behavior // *Journal of Personality*. — 2008. — Vol. 75, № 4. — P. 825–862.
92. Forgas J.P. Episode Cognition: Internal Representations of Interaction Routines // *Advances in Experimental Social Psychology*. — 1982. — Vol. 15. — P. 59–101.
93. Frijda N.H., Kuipers P., Schure E.T. Relations among emotion, appraisal, and emotional action readiness // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 1989. — Vol. 57. — P. 212–228.
94. Gibson J.J. *The ecological approach to visual perception*. — New York: Psychology Press, 1986. — 332 p.
95. Gutierrez F., Aluja A., Ruiz Rodriguez J., Peri J.M., Garriz M., Garcia L.F., Sorrel M.A., Sureda B., Vall G., Ferrer M., & Calvo N. Borderline, where are you? A psychometric approach to the personality domains in the international classification of diseases, 11th revision (ICD-11) // *Personality Disorders*. — 2022. — № 14. — P. 355–359.
96. Hendriks J., Hofstee W.K.B., Raad B.D. The Five-Factor Personality Inventory // *Personality and Individual Differences*. — 1999. — Vol. 27, № 2. — P. 307–325.
97. Hirschfeld R.M.A. Depressive personality disorder: Perspectives for DSM-IV // *Journal of Personality Disorder*. — 1993. — Vol. 7, № 1. — P. 30–42.
98. Kagan J. Reflection-impulsivity: The generality and dynamics of conceptual tempo // *Journal of Abnormal Psychology*. — 1966. — Vol. 71. — P. 17–24.
99. Kosky N., Thorne Personality disorder – The rules of engagement. — *International Journal of Psychiatry in Clinical Practice*, 2003. — № 5. — P. 169–172.
100. Lazarus R.S., Folkman S. *Stress, Appraisal and Coping*. — New York: Springer Publishing Company, 1984. — 445 p.

101. Lazarus R.S., Smith C.A. Emotion and adaptation // In: Handbook of Personality: Theory and Research / L.A. Pervin, ed. — New York: Guilford, 1990. — P. 609–637.
102. Lotfi M., Bach B., Amini M., et al. Structure of DSM-5 and ICD-11 personality domains in Iranian community sample // Personality and Mental Health. — 2018. — № 12. — P. 155–160.
103. Lugo V., de Oliveira S.E.S., Hessel C.R., Monteiro R.T., Pasche N.L., Pavan G., Motta L.S., Pacheco M.A., Spanemberg L. Evaluation of DSM-5 and ICD-11 personality traits using the Personality Inventory for DSM-5 (PID-5) in a Brazilian sample of psychiatric inpatients // Personality and Mental Health. — 2019. — № 13. — P. 24–39.
104. Magnusson D. A psychology of situations // Toward a psychology of situations: An interactional perspective / Ed. by J.R. Nesselroade, H.W. Reese. — Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1981. — P. 9–32.
105. Magnusson D. An analysis of situational dimensions // Perceptual and Motor Skills. — 1971. — Vol. 32, № 3. — P. 851–867.
106. Magnusson D., Ekehammar B. Similar Situations-Similar Behaviors? A Study of the Intraindividual Congruence between Situation Perception and Situation Reactions // Journal of Research in Personality. — 1978. — Vol. 12, № 1. — P. 41–48.
107. Maisie M. Embodiment, Emotion, and Cognition. — New York: Palgrave Macmillan, 2011. — 260 p.
108. Maisie M. How can emotions be both cognitive and bodily? // Phenomenology and Cognitive Science. — 2014. — Vol. 13, № 4. — P. 513–531.
109. Maisie M. Affective Scaffolds, Expressive Arts, and Cognition // Frontiers in Psychology. — 2016. — Vol. 7. — P. 359.
110. Maisie M. Enactivism, the Field of Affordances, and Mental Disorder // Journal of Mind and Behavior. — 2021. — Vol. 42, № 2. — P. 175–196.

111. Maturana H.R., Varela F.J. Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living. — Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1980. — 171 p.
112. Moors A., Ellsworth P.C., Scherer K.R., Frijda N.H. Appraisal Theories of Emotion: State of the Art and Future Development // *Emotion Review*. — 2013. — Vol. 5, № 2. — P. 119–124.
113. Mottus R. Five-Factor Theory and Personality Development // *Personality Development across the Lifespan* / Ed. by D.M. Mroczek. — Academic Press, 2017. — 612 p.
114. Mulder R.T. ICD-11 Personality Disorders: Utility and Implications of the New Model // *Frontiers in Psychiatry*. — 2021. — Vol. 12. — P. 655548.
115. Nielsen K., Ward T. Mental Disorder as Both Natural and Normative: Developing the Normative Dimension of the 3E Conceptual Framework for Psychopathology // *Journal of Theoretical and Philosophical Psychology*. — 2020. — Vol. 40, № 2. — P. 107–142.
116. Nielsen K., Ward T. Towards a New Conceptual Framework for Psychopathology: Embodiment, Enactivism, and Embedment // *Theory & Psychology*. — 2018. — Vol. 28. — P. 800–822.
117. Oltmanns J.R., Widiger T.A. A Self-Report Measure for the ICD-11 Dimensional Trait Model Proposal: The Personality Inventory for ICD-11 // *Psychological Assessment*. — 2018. — Vol. 30, № 2. — P. 154–169.
118. Oltmanns J.R., Widiger T.A. The Five-Factor Personality Inventory for ICD-11: A Facet-Level Assessment of the ICD-11 Trait Model // *Psychological Assessment*. — 2020. — Vol. 32, № 1. — P. 60–71.
119. Overton W.F., Reese H.W. Models of Development: Methodological Implications // *Life Span Developmental Psychology: Methodological Issues* / Ed. by J.R. Nesselroade, H.W. Reese. — New York: Academic Press, 1973. — P. 65–86.
120. Pervin L.A. Performance and Satisfaction as a Function of Individual-Environment Fit // *Psychological Bulletin*. — 1968. — Vol. 69. — P. 56–68.

121. Raine A. Reduced Prefrontal Gray Matter Volume and Reduced Autonomic Activity in Antisocial Personality Disorder // Archives of General Psychiatry. — 2000. — Vol. 57, № 2. — P. 119–127.
122. Raine A. Schizotypal Personality: Neurodevelopmental and Psychosocial Trajectories // Annual Review of Clinical Psychology. — 2006. — Vol. 2. — P. 291–326.
123. Ramírez-Vizcaya S., Froese T. The Enactive Approach to Habits: New Concepts for the Cognitive Science of Bad Habits and Addiction // Frontiers in Psychology. — 2019. — Vol. 10. — P. 301.
124. Rauthmann J.F., Gallardo-Pujol D., Guillaume E.M., Todd E., Nave C.S., Sherman R.A., Ziegler M., Jones A.B., Funder D.C. The Situational Eight DIAMONDS: A Taxonomy of Major Dimensions of Situation Characteristics // Journal of Personality and Social Psychology. — 2014. — Vol. 107, № 4. — P. 677–718.
125. Rietveld E., Kiverstein J. A Rich Landscape of Affordances // Ecological Psychology. — 2014. — Vol. 26, № 4. — P. 325–352.
126. Roseman I.J. Cognitive Determinants of Emotion: A Structural Theory // Journal of Personality and Social Psychology. — 1984. — Vol. 48, № 5. — P. 11–36.
127. Rotter J.B. The Role of the Psychological Situation in Determining the Direction of Human Behavior // Nebraska Symposium on Motivation / Ed. by M.R. Jones. — Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 1955. — P. 245–268.
128. Samuel D.B., Widiger T.A. A Meta-Analytic Review of the Relationships between the Five-Factor Model and DSM-IV-TR Personality Disorders: A Facet Level Analysis // Clinical Psychology Review. — 2008. — Vol. 28. — P. 1326–1342.
129. Saulsman L.M., Page A.C. The Five-Factor Model and Personality Disorder Empirical Literature: A Meta-Analytic Review // Clinical Psychology Review. — 2004. — Vol. 23, № 8. — P. 1055–1085.

130. Seara-Cardoso A., Viding E. Functional Neuroscience of Psychopathic Personality in Adults // *Journal of Personality*. — 2015. — Vol. 83, № 6. — P. 723–737.
131. Sellbom M., Solomon-Krakus S., Bach B., Bagby R.M. Validation of Personality Inventory for DSM-5 (PID-5) Algorithms to Assess ICD-11 Personality Trait Domains in a Psychiatric Sample // *Psychological Assessment*. — 2020. — Vol. 32. — P. 40–49.
132. Sherman R.A., Nave C.N., Funder D.C. Situational Similarity and Personality Predict Behavioral Consistency // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 2010. — Vol. 99, № 2. — P. 330–343.
133. Smith C.A., Ellsworth P.C. Patterns of Cognitive Appraisal in Emotion // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 1985. — Vol. 48, № 4. — P. 813–838.
134. Smith G.T., McCarthy D.M., Zapolski T.C. On the Value of Homogeneous Constructs for Construct Validation, Theory Testing, and the Description of Psychopathology // *Psychological Assessment*. — 2009. — Vol. 21. — P. 272–284.
135. Tekoppele J.L., De Hooge I.E., van Trijp C.M. We've Got a Situation Here! — How Situation-Perception Dimensions and Appraisal Dimensions of Emotion Overlap // *Personality and Individual Differences*. — 2023. — Vol. 200. — P. 1–12.
136. Thompson E. *Mind in Life: Biology, Phenomenology, and the Sciences of Mind*. — Cambridge, MA: The MIT Press, 2007. — 543 p.
137. Torgersen S. Schizotypal Personality Disorder Inside and Outside the Schizophrenic Spectrum // *Schizophrenia Research*. — 2002. — Vol. 54, № 1–2. — P. 33–38.
138. Varela F.J., Thompson E., Rosch E. *The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience*. — Cambridge, MA: The MIT Press, 2016. — 322 p.

139. Weber A., Varela F.J. Life After Kant: Natural Purposes and the Autopoietic Foundations of Biological Individuality // Phenomenology and Cognitive Science. — 2002. — Vol. 1, № 2. — P. 97–125.
140. Widiger T.A. Measures to Assess Maladaptive Variants of the Five-Factor Model // Journal of Personality Assessment. — 2012. — Vol. 94, № 5. — P. 450–455.
141. Widiger T.A., Crego C. Psychopathy and Lack of Guilt // Philosophy, Psychiatry, and Psychology. — 2020. — Vol. 28, № 2. — P. 109–111.
142. Witkin H.A., Oltman P.K., Raskin E., Karp S. A Manual for the Group Embedded Figures Test. — Menlo Park, CA: Mind Garden, Inc., 1997.
143. World Health Organization. International Classification of Diseases for Mortality and Morbidity Statistics (11th Revision). — 2018. — [Электронный ресурс].
144. Zajonc R.B. Feeling and Thinking: Preferences Need No Inferences // American Psychologist. — 1980. — Vol. 35, № 2. — P. 151–175.
145. de Haan S. The Existential Dimension in Psychiatry: An Enactive Framework // Mental Health, Religion & Culture. — 2017. — Vol. 20, № 6. — P. 528–535.
146. de Haan S., Rietveld E., Stokhof M., Denys D. The Phenomenology of Deep Brain Stimulation-Induced Changes in Obsessive-Compulsive Disorder Patients: An Enactive Affordance-Based Model // Frontiers in Human Neuroscience. — 2013. — Vol. 7. — P. 653.
147. de Raad B., Mlačić B. Big Five Factor Model, Theory, and Structure // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. — 2015. — P. 559–566.
148. von Uexküll J. A Stroll Through the Worlds of Animals and Men: A Picture Book of Invisible Worlds // Semiotica. — 1992. — Vol. 89, № 4. — P. 319–391.

ПРИЛОЖЕНИЕ №1.**Опросник субъективного восприятия юридически значимой ситуации.****Валентность**

«Как Вы отнеслись к возникшей ситуации?»

- А. Позитивно
- Б. Нейтрально
- В. Негативно

Возникшие эмоции:

«Какие эмоции Вы испытывали во время ситуации?»

Ответ дается произвольно.

Интенсивность возникших эмоций.

«Насколько сильно Вас захватили эмоции в момент ситуации?»

В качестве ответа предлагалось указать значение по 100-балльной шкале.

Степень направленности внимания на ситуацию

«Могли ли Вы отвлечься от возникшей ситуации на какие-либо сторонние обстоятельства?»

- А. Нет, не мог
- Б. Мог частично
- В. Мог полностью

Знакомость ситуации

«Оказывались Вы ранее в подобной ситуации?»

- А. Нет, не оказывался
- Б. Оказывался в частично схожей ситуации
- В. Оказывался в идентичной ситуации

Уверенность в понимании ситуации

«Насколько Вы были уверены, что поняли ситуацию верно?»

В качестве ответа предлагалось указать значение по 100-балльной шкале.

Подконтрольность ситуации:

«Насколько Вы контролировали ситуацию?»

В качестве ответа предлагалось указать значение по 100-балльной шкале.

Субъективное представление о намерениях потерпевшего

«Что в возникшей ситуации хотел потерпевший(ая)?»

Ответ дается произвольно.

Субъективное представление о собственных намерениях

«Что Вы хотели в возникшей ситуации?»

Ответ дается произвольно.

Количество вариантов действий

«Каким количеством вариантов действий вы обладали во время ситуации?».

В качестве ответа испытуемым предлагалось указать число субъективно доступных на момент ситуации вариантов.

Характер альтернатив действий

«Какие альтернативы предпринятому вами действию вы видели?».

Ответ дается произвольно.

Ожидаемые усилия

«С какими трудностями Вы ожидали столкнуться непосредственно перед совершением предпринятых Вами действий?»

А. С существенными трудностями

Б. С умеренными трудностями

В. Ни с какими трудностями.

Ожидаемость ситуации

«Допускали ли Вы, что в Вашей жизни может произойти ситуация, подобная возникшей?».

А. Допускал возникновение ситуации, идентичной произошедшей

Б. Допускал частично схожую ситуацию произошедшей

В. Не допускал возникновения подобной ситуации.

Ожидаемость собственных агрессивных действий:

«Допускали ли Вы ранее, что у Вас когда-нибудь возникнет намерение поступить схожим с предпринятыми вами действиями образом?».

А. Допускал

Б. Допускал, но при иных обстоятельствах

В. Не допускал

Представления о дальнейшем будущем

«К возникновению каких последствий после предпринятых вами действий Вы ожидали столкнуться?».

Ответ дается произвольно.

Длительность психологической ситуации

«За какой отрезок времени до совершения предпринятых вами действий у Вас появилась идея поступить таким образом?».

Ответ дается произвольно.

ПРИЛОЖЕНИЕ №2.Клинический пример №1.

К. 36 лет, обвиняемый по ч. 1 ст. 105 УК РФ в совершении убийства.

Родители подэкспертного злоупотребляли алкогольными напитками, были лишены родительских прав. До 3-х лет подэкспертный находился в детском доме, затем был взят под опеку в приёмную семью. По характеру формировался вспыльчивым, несдержанным, не очень общительным. Окончил 9 классов школы-интерната, имеет среднее профессиональное образование по специальности плотник-столяр. В дальнейшем по специальности не работал. В 2006 г. привлекался к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 105 УК РФ, в связи с чем был осужден на 10 лет лишения свободы. В 2017 г. повторно привлекался к уголовной ответственности по ч.2 ст. 158 УК РФ, был осужден на 2 года лишения свободы. Постоянного места работы не имел, в браке не был. На учете у психиатра и нарколога не состоял.

Подэкспертный обвиняется в том, что куском провода сжал шею потерпевшей Ю., лишив её доступа кислорода, вследствие чего наступила смерть последней.

Из показаний К. в качестве подозреваемого известно, что за год до настоящего правонарушения он посредством сети Интернет начал общаться с потерпевшей Ю., оказывавшей услуги проститутки. Подэкспертный сообщал, что после первой личной встречи предложил ей оставить занятие проституцией и сожительствовать с ним, от чего она отказалась. Следующие несколько встреч потерпевшая неоднократно просила подэкспертного денежные средства в долг, после чего не отвечала на его звонки и сообщения.

Предкриминальная ситуация.

В день правонарушения потерпевшая без предупреждения приехала домой к подэкспертному в состоянии алкогольного опьянения. В ответ на высказываемые им претензии она стала оскорблять его, требовала одолжить

ей деньги, угрожая физической расправой. С этой целью она в присутствии подэкспертного звонила неизвестным по телефону и просила их приехать, чтобы забрать деньги силой.

Криминальная ситуация.

Когда потерпевшая Ю. начала диктовать адрес по телефону, подэкспертный взял лежащий на полу провод, отобрал у неё и выкинул телефон, после чего обхватил проводом шею девушки и начал тянуть перекрещенные концы в разные стороны, перекрывая ей доступ кислорода. Но столкнувшись с сопротивлением потерпевшей, подэкспертный сдавливал ее шею около 5 минут, пока она не перестала дышать.

Посткриминальная ситуация.

Поняв, что девушка умерла, подэкспертный положил ее труп на диван и ушёл из квартиры прогуляться. Вернувшись в квартиру спустя 2 часа и поняв, что труп окоченел, подэкспертный решил позвонить в полицию и сознаться в содеянном.

При настоящем обследовании в Центре установлено следующее. Психическое состояние: Подэкспертный ориентирован в месте, времени и собственной личности. Контакт доступен. Цель экспертизы понимает верно. Зрительный контакт с собеседником поддерживает, взгляд угрюмый, исподлобья. В беседе напряжён, на вопросы отвечает после паузы, тщательно обдумывая ответы. Фон настроения ровный, при обсуждении субъективно значимых для него тем раздражается, начинает перебирать пальцы рук, подергивает ногой, отказывается отвечать на вопросы. Жалуется на нарушения сна. Сведения о себе сообщает избирательно, скрывает отрицательно характеризующие его факты. Так, крайне неохотно рассказывает о своём детстве, пребывании в детском доме, затем в приёмной семье. Сообщает, что родители были лишены родительских прав, после чего в его жизни участия не принимали. Утверждает, что заявление на лишение родительских прав было написано его бабкой после того, как мать, будучи в

состоянии алкогольного опьянения, пыталась продать его вместе с сестрой. При этом говорит, что не держит зла и обид на биологическую мать. Рассказывает, что с трёх лет находился в детском доме, после чего был взят под опеку в приёмную семью, где проживал вместе с такими же четырнадцатью приёмными детьми, отношения с которыми не складывались. Говорит, что приёмная мать и другие дети его «морально обижали», «относились как к нелюди», из-за чего он чувствовал себя ненужным и неоднократно убегал из дома, мог отсутствовать до 7 дней, оставался у знакомых или на улице, тем не менее каждый раз приходилось возвращаться. Рассказывает, что до 3 класса учился в общеобразовательной школе, где нарушал дисциплину, прогуливал занятия, в связи с чем был переведён в коррекционную школу, а затем в школу-интернат. Себя характеризует ранимым, обидчивым, вспыльчивым человеком, при этом ненависть и злобу всегда держит в себе. Отмечает, что предпочитает быть в одиночестве и в любой среде держится «сам по себе», так как «с детства никому не доверяет и не верит». При расспросах по поводу первого привлечения к уголовной ответственности отрывочно говорит, что пошёл поговорить с соседом, который в состоянии алкогольного опьянения избивал его биологическую мать и младшую сестру. В ходе конфликта разозлился и нанёс ему удары топором в область головы, от которых тот скончался. Настаивает на том, что исход «был неизбежен», «другого способа его остановить не было», о содеянном не сожалеет. Затрудняется объяснить, почему его задели проблемы матери при том, что ни привязанности, ни любви к ней не испытывал. Отмечает, что с возрастом по характеру не изменился, однако указывает, что после первой «отсидки» стал «чуть спокойнее», «уму-разуму научили», а «раньше было очень легко задеть и обидеть по любому поводу». По поводу привлечения к уголовной ответственности за кражу вину в содеянном отрицает, настаивает, что его подставили, «надо было чтобы кто-то сидел, вот меня и посадили». После освобождения проживал у знакомых, работал разнорабочим.

Ситуацию инкриминируемого деяния характеризует резко негативно, поясняя, что поначалу был рад визиту потерпевшей, однако «сильно взбесился», увидев ее состояние и манеру общения с ним. Утверждает, что не ожидал возникшего конфликта, поскольку ранее потерпевшая не вела себя подобным образом. В качестве причины ее поведения называет свой отказ дать ей денежные средства. Поясняет, что окончательно понял - она «тянула» из него деньги на алкоголь, наркотики и развлечения. Делится, что во время беседы потерпевшей по телефону, сопровождаемой нецензурной бранью в его адрес, он «был в ярости», в связи с чем воспринимал ситуацию как неподконтрольную. Сообщает, что обратил внимание на лежащий провод, после чего «ничего другого не оставалось». Затрудняется указать возможные альтернативы предпринятому действию. Описывая свое состояние, проводит аналогии с конфликтом, в результате которого он убил «обидчика матери». Признается, что не имел представлений о том, что делать дальше – «просто захотел убить и все». Длительность своего выбора и дальнейших противоправных действий описывает как мгновенную. Мышление подэкспертного последовательное, без структурных нарушений. Интеллектуально сохранен. Запас знаний и представлений соответствует возрасту и полученному образованию. Память без грубых нарушений. Эмоционально неустойчив, склонен к реакциям раздражения, внешнеобвиняющим формам реагирования. Продуктивной психотической симптоматики (бреда, галлюцинаций) не обнаруживает. Критические способности, в целом, сохранены.

В ходе полуструктурированного интервью, направленного на оценку субъективного восприятия юридически значимой ситуации испытуемый указал следующие параметры:

- 1) Валентность отношения к ситуации – негативная.
- 2) Степень интенсивности возникших эмоций – оценена испытуемым в 100 баллов. Описывает эмоциональное состояние как: «сильно взбесился», «был в ярости».

3) Направленность внимания на ситуацию была оценена испытуемым как полная, что объяснялось им кратковременностью конфликта с потерпевшей.

4) Знакомость ситуации. Квалифицирована испытуемым как частичная. Данный параметр также подтверждается сравнением испытуемого юридически значимых обстоятельств с конфликтом, предшествующим совершению им убийства в прошлом.

5) Подконтрольность ситуации была оценена испытуемым в 0 баллов, что объяснено им высокой интенсивностью возникших эмоций.

6) Уверенность в понимании ситуации была оценена им в 100 баллов, что также находит свое отражение в суждениях испытуемого о намерениях потерпевшей: «окончательно понял – она «тянула» деньги на алкоголь, наркотики и развлечения».

7) Представление о намерении потерпевшей также были описаны испытуемым как стремление заполучить его материальные средства.

8) Субъективное представление о собственных намерениях озвучены испытуемым как «просто захотел убить и все».

9) Количество вариантов действий. Приведенное выше намерение испытуемым было указано в качестве единственного возможного способа решить конфликтную ситуацию.

10) Характер альтернатив предпринятому действию. К. указал, что не располагал таковыми на момент юридически значимой ситуации.

11) Ожидаемые усилия. Испытуемый не рассчитывал столкнуться ни с какими-либо препятствиями при осуществлении своих намерений.

12) Ожидаемость ситуации. Ситуацию описывает как полностью неожиданную. Указанное также подтверждается тем, что испытуемый «поначалу был рад визиту потерпевшей».

13) Ожидаемость собственных агрессивных действий указал как частичную, также проводя аналогии с предпринятыми ранее агрессивными

действиями, но оговариваясь, что прежде не допускал агрессии в адрес женщин.

14) Представления о дальнейшем развитии ситуации. Испытуемый указывает на их полное отсутствие.

15) Длительность психологической ситуации, согласно описанию испытуемого, исчисляется минутами, и воспринималась как «мгновенная».

Таким образом, подэкспертный К. обнаруживает признаки импульсивного типа эмоционально-неустойчивого расстройства личности (F60.30 по МКБ-10). Об этом свидетельствуют данные анамнеза о присущих К. с раннего возраста таких личностных особенностях, как эмоциональная неустойчивость, раздражительность, конфликтность, склонность к девиантному поведению, что осложняло его социальную адаптацию. Указанное диагностическое заключение подтверждается также результатами настоящего обследования, выявившего у К. ригидность, эгоцентризм, раздражительность, упрямство, оппозиционность, злопамятность, демонстративность, обидчивость, усугубляющиеся в субъективно-сложных ситуациях и сопровождающиеся неустойчивостью аффективных реакций. В рамках дименсиональной модели диагностики расстройств личности у подэкспертного К. отмечались экстремальные показатели (91%-100% децили) по шкалам: Диссоциальность, Эгоцентризм, Физическая агрессия, Вербальная агрессия, Надменность, Эгоизм, Тщеславие, Нерегулируемый гнев, Неуверенность в сепарации, Межличностная неадекватность, Привередливость. Из указанного следует, что в структуре личности испытуемого в наибольшей степени представлены личностные черты, относящиеся к Диссоциальному, Негативно аффективному и Ананкастному доменам.

В период совершения инкриминируемого ему деяния испытуемый К. находился в ситуации непродолжительного конфликта, что подтверждается рядом характеристик предкриминального, криминального и посткриминального этапов юридически значимых обстоятельств: внезапно

возникший непродолжительный словесный конфликт с вербально-агрессивным поведением потерпевшей (оскорбления и угрозы), приведший к незамедлительной, незапланированной физической агрессии испытуемого (перекрытие дыхательных путей жертвы проводом) с отсутствием каких либо действий, направленных на сокрытие содеянного.

Указанные объективно-фиксируемые параметры предкриминального этапа оказали воздействие на уязвимые звенья в структуре личности испытуемого, характерные для импульсивного типа эмоционально-неустойчивого расстройства личности, а также на ряд дезадаптивных личностных черт из доменов Диссоциальности, Негативной аффективности и Ананкастности.

Следствием указанного воздействия стал характер субъективного отражения испытуемым юридически значимой ситуации с такими характеристиками как негативное отношение к ситуации, высокая степень интенсивности возникших эмоций, полная идеаторная фиксация на наличествующих обстоятельствах, их неожиданность, частичная знакомость, неподконтрольность, непродолжительное развитие при отсутствии прогноза дальнейших событий, что в совокупности вызвало ограничение количества субъективно доступных испытуемому вариантов действий до одного.

Клинический пример №2.

П., 25 лет, обвиняемый по ч.3 ст. 111 УК РФ в причинении тяжкого вреда здоровью двум лицам.

Наследственность психопатологически не отягощена. Родился единственным ребенком в неполной семье, отца не знал, воспитывался матерью. Окончил 11 классов общеобразовательной школы. Трудоустроен не был, неофициально занимался ремонтом техники. В армии не служил из-за болезни Бехтерева. Женат не был, детей нет. Проживал с матерью. Под наблюдением психиатра и врача нарколога не состоял. Ранее к уголовной ответственности не привлекался.

Подэкспертный обвиняется в том, что, используя жидкость «серная кислота H_2SO_4 », при помощи подручных средств облил указанной жидкостью потерпевших Э. и Г., причинив обоим телесные повреждения в виде химического ожога кислотой лица, волосистой части головы, шеи, кистей, предплечий, голеней, бедер.

Из материалов уголовного дела известно, что подэкспертный состоял в отношениях с потерпевшей Г. в течение двух лет, после чего по инициативе последней они разошлись. После расставания подэкспертный многократно предпринимал попытки связаться с потерпевшей, а также несколько раз приезжал по месту ее жительства с целью восстановить отношения.

Предкриминальная ситуация

Из показаний потерпевшего Э. известно, что он начал проживать совместно с потерпевшей Г. Он ежедневно провожал ее, так как они были обеспокоены, что П. может вновь мог начать преследовать Г. по поводу продолжения общения. Потерпевший сообщил, что во время одной из подобных встреч, состоявшейся за месяц до происшествия, у них случился конфликт с подэкспертным. Потерпевший потребовал, чтобы П. «отстал», предупреждая обращением в полицию, на что подэкспертный ответил, что ему «все равно и правоохранительные органы ему нипочем», а также «она только

моя и никому он ее не отдаст». Из показаний подэкспертного П. в качестве подозреваемого и обвиняемого известно, что после разговора с потерпевшим Г. у него «сразу же возник умысел облить их серной кислотой». В дальнейшем он приобрел кислоту через интернет, перелил ее в банки, «чтобы, когда я выплескивал кислоту, на них выплеснулась разом вся жидкость, из-за того, что у стеклянной банки горлышко шире, чем у пластиковой бутылки». Добавлял, что намеревался осуществить указанные действия утром у подъезда потерпевшей Г., объясняя это малым количеством людей на улицах в утреннее время в месте ее проживания. С этой целью в день происшествия он заранее прибыл к месту жительства потерпевших, примерно за полчаса до их выхода из подъезда.

Криминальная ситуация

Согласно показаниям свидетеля (водителя такси), утром в день происшествия он заметил П., который прятался около подъезда, доставая из рюкзака банки с неизвестной жидкостью. Через некоторое время из подъезда вышли девушка и молодой человек (потерпевшие), к ним с банкой подбежал подэкспертный, выплеснул жидкость на молодого человека, затем ударил девушку и начал брызгать жидкостью на нее. Свидетель добавил, что он вышел из машины и побежал помогать потерпевшим, а подэкспертный, увидев его, сразу убежал. В своих показаниях потерпевший Э. сообщал, что в момент, когда подэкспертный выплескивал на него жидкость, он при этом кричал: «Вот Вам! Получите!». Потерпевшая Г. дополняла, что после того, как подэкспертный выплеснул кислоту в лицо ее молодому человеку, она достала бутылку с водой из рюкзака. В этот момент к ней со спины подбежал П., схватил ее рукой за плечо, развернул лицом к себе и выплеснул жидкость в лицо.

Посткриминальная ситуация

Согласно показаниям подэкспертного, после осуществления указанных действий он направился по месту своего проживания, где вечером того же дня был задержан.

При настоящем обследовании в Центре установлено следующее. Психическое состояние: Подэкспертный продуктивному контакту доступен. Ориентирован в месте, времени, собственной личности верно. Мимика живая, соответствует высказываемым переживаниям. В беседе доброжелателен, подчеркнуто вежлив, поддерживает зрительный контакт с собеседником. Фон настроения неустойчивый. При обсуждении субъективно неприятных для него тем легко становится оппозиционным, раздражается. Анамнестические сведения сообщает с соблюдением хронологической последовательности. Характеризует себя спокойным, «себе на уме», не конфликтным. Добавляет, что «по отзывам» он – «личность интересная». Поясняет: «Многие хотели бы со мной общаться, но не выдерживают, им сложно». Рассказывает, что с раннего детства к общению со сверстниками не стремился, поскольку чувствовал себя особенным – более воспитанным, образованным. Говорит, что с малых лет стремился отстаивать свои интересы. Отмечает, что в некоторых вопросах был излишне категоричен, не терпел того, что ему не нравилось. Вспоминает случай в детском саду, когда отомстил ребенку за сломанный «замок из кубиков» «недолго думая», взяв деревянный якорь и «с размаха ударил его – тот в слёзы; в саду – шум и гам». Также отмечает, что общаться со сверстниками ему было не интересно – «не было ни одного человека равного мне». Утверждает, что всегда строго относился как к себе, так и к окружающим, поэтому нарушение обещаний всегда воспринимал «крайне отрицательно». При прицельном расспросе поясняет, что раньше он был мягче, более ранимым, восприимчивым, но люди часто обманывали, поэтому со временем сформировались жесткие принципы, которых он старается придерживаться по сей день.

Ситуацию инкриминируемого ему деяния характеризует резко негативно, заявляя о том, что с расставанием с потерпевшей у него «поломалось всё, что было важным», «сломалась вся жизнь». Потерпевшую называет «человеком, который предал». Говорит, что он несколько раз ездил к ней и пытался поговорить, выяснить, что её не устраивает в общении с ним,

с обидой добавляя, что она отказалась с ним разговаривать. Сообщает, что за месяц до инкриминируемого деяния вместо потерпевшей его встретил ее новый молодой человек и «стал угрожать вооруженным бандитским преследованием», имея в виду обращение в полицию: «А это означало только одно – он встал на пути и был причастен к моей испорченной жизни!» Убежден, что потерпевшая «нагло и высокомерно прикрылась» своим молодым человеком, чем «повергла его в шок». Заявляет, что после этого он переживал «бессмысленную и бесполезную агонию». Сетует на то, что ему приходилось «имитировать жизнь, но ничего не получалось, постоянно вспоминал о ее предательстве». Называет свой поступок «взрывом отчаяния». Говорит, что это стало «последней каплей». Рассказывает, что размышлял над тем, как отомстить. Рассматривал возможность вступить в отношения с другой девушкой и продемонстрировать потерпевшей Г., «чего она себя лишила». Также хотел подбросить потерпевшему Э. наркотические средства с целью представить его в худшем свете перед потерпевшей. Однако затем «понял, что должен превратить их жизнь в кошмар», в связи с чем решил купить серную кислоту и выплеснуть ее на потерпевших. Сообщает, что после осуществления указанных действий рассчитывал скрыться, объясняя эту возможность «старыми камерами» у подъезда. Отмечает, что плохо помнит свои эмоции в день правонарушения: «Я на чувства не обращал внимания! В том состоянии мне было не до эмоций!». Вспоминает, что после того как облил кислотой потерпевших, он почувствовал жжение в руках, а потом «поехал домой». Эмоциональные проявления подэкспертного адекватны вызвавшему их поводу. Мышление кататимное, целенаправленное, последовательное с категоричностью и претенциозностью суждений. Запас знаний соответствует возрасту и уровню полученного образования. Память не нарушена. Продуктивная психопатологическая симптоматика (бред, галлюцинации и др.) не обнаруживается. Целостное критическое осмысление своего состояния, сложившейся судебной-следственной ситуации и прогностические способности сохранены.

По результатам полуструктурированного интервью, направленного на субъективное отражение ситуации, испытуемый указал следующие параметры.

- 1) Валентность отношения к ситуации – негативная.
- 2) Интенсивность возникших эмоций. Несмотря на описания, приведенные в психическом статусе, была оценена в 30 баллов. Поясняет, что поначалу интенсивность была высокой, но затем стал «презирать» потерпевших, «а это не сильная эмоция».
- 3) Степень направленности внимания на ситуацию оценивает как частичную, объясняя это тем, что периодически мог отвлекаться от конфликта с потерпевшей на хобби и работу.
- 4) Знакомость ситуации. Утверждает, что прежде не оказывался в подобных ситуациях «так меня еще не предавали».
- 5) Уверенность в понимании ситуации оценена испытуемым в 100 баллов. Указанное также подтверждается категоричностью суждений: «А это означало только одно...»
- 6) Субъективная подконтрольность ситуации оценена испытуемым в 80 баллов. Указывает, что, несмотря на «вероломный поступок» потерпевших, именно он решал, «что с ними будет».
- 7) Субъективное представление о намерениях потерпевших. Заявляет, что потерпевшая хотела «унизить и оттолкнуть» его, «нагло и высокомерно прикрывшись» новым молодым человеком. В свою очередь, потерпевший хотел «устранить» его «руками бандитов».
- 8) Субъективное представление о собственных намерениях описывает как желание «отомстить» и «испортить им жизнь».
- 9) Количество вариантов действий указывает в количестве 3-х.
- 10) Характер альтернатив предпринятому действию. Указывает следующие варианты: вступить в отношения с другой девушкой, а также подбросить потерпевшему наркотические средства.

- 11) Ожидаемость ситуации. Описывает ситуацию как полностью неожиданную.
- 12) Ожидаемость собственных агрессивных действий. Сообщает, что не склонен прибегать к насилию в конфликтах, однако, «принципы дороже всего», в связи с чем допускает, что в аналогичных ситуациях мог бы «и следует» прибегнуть к агрессии.
- 13) Ожидаемые усилия. Делится, что перед реализацией задуманного, размышлял над тем – какое сопротивление мог бы оказать ему потерпевший. В этой связи квалифицирует ожидаемые усилия как частичные.
- 14) Представления о дальнейшем будущем – детальные. Утверждает, что имел план отхода с места происшествия, примерную оценку длительности своих действий. С этим учетом заранее покупал билеты на обратную электричку домой. При этом делится, что понимал, что «скорее всего был бы арестован».
- 15) Длительность психологической ситуации. Указывает, что намерение «отомстить» возникло сразу после разговора с потерпевшим. Из этого следует, что длительность психологической ситуации составляет примерно 1 месяц. Субъективную продолжительность указанного промежутка времени описывает как «длительное».

Таким образом, у подэкспертного П. обнаруживаются признаки истерического расстройства личности (F 60.4 по МКБ-10). Об этом свидетельствуют данные анамнеза о присущих на протяжении жизни подэкспертному демонстративности, претенциозности, неустойчивости эмоциональных реакций, склонности к импульсивным поступкам, эгоцентричности с акцентированием собственной уникальности, что затрудняло его социальную адаптацию. Наряду с указанным в рамках настоящего обследования у подэкспертного обнаруживаются такие факультативные патохарактерологические черты, как аффективная ригидность, требовательность к окружающим, стремление занять

лидирующие позиции с тенденцией противопоставлять себя социуму. В рамках дименсиональной модели диагностики расстройств личности у подэкспертного П. отмечались экстремальные показатели (91%-100% децили) по следующим шкалам: Недостаток эмпатии, Эгоцентризм, Эгоизм, Расчетливость, Суицидальность, Потребность в восхищении, Невыносливость, Отчужденность, Социальная отстраненность, Социальная изоляция, Равнодушие, Перфекционизм, Привередливость. Указанные дезадаптивные личностные черты относятся ко всем 5 доменам, при этом у испытуемого П. наблюдается превалирование черт, относящихся к доменам Диссоциальности и Отчужденности.

В период совершения инкриминируемого ему деяния испытуемый П. находился в *ситуации продолжительного конфликта*, что подтверждается объективно-фиксируемыми параметрами предкриминального, криминального и посткриминального этапов юридически значимых обстоятельств, а именно: длительно развивающимся продолжительным конфликтом, в ходе которого потерпевшие не проявляли агрессию, а избегали контактов с испытуемым. Агрессивные криминальные действия испытуемого были заблаговременно спланированы и подготовлены (предварительный выбор места и время совершения деяния, приискание орудия), после совершения которых испытуемый скрылся.

Следствием указанного личностно-ситуационного взаимодействия стал определенный характер субъективного отражения испытуемым юридически значимой ситуации с такими характеристиками, как негативная валентность отношения к ситуации, ее неожиданность и незнакомость, при высокой степени субъективной подконтрольности, длительным развитием ситуации с умеренной степенью интенсивности возникших эмоций, частичной идеаторной направленностью, полной уверенностью в однозначности трактовки обстоятельств, при детальном уровне прогноза, что в совокупности не вызвало ограничений количества субъективно доступных испытуемому

вариантов действий, среди которых наблюдались как агрессивные, так и не агрессивные альтернативы.

Клинический пример №3.

Л. 31 г., обвиняемый по п. «а» ч.3 ст.131, п. «а» ч.3 ст.132, п. «а» ч.2 ст.105 УК РФ в изнасиловании, совершении насильственных действий сексуального характера и убийстве трех лиц.

Наследственность психопатологически не отягощена. Родился в неполной семье, единственным ребенком. Развивался соответственно возрасту. Окончил 9 классов, после чего получил специальность «газоэлектросварщик». Привлекался к уголовной ответственности за кражу, за разбой, а также убийство незнакомого ему ранее человека. Во время отбывания наказания женился, от брака имеет дочь, также воспитывал сына супруги от первого брака. Отбыв наказание, работал в автосервисе. Коллегами по работе, а также близкими характеризовался замкнутым, молчаливым, неприветливым.

Подэкспертный обвиняется в том, что проник в квартиру, где проживали трое потерпевших, угрожая им насилием, принудил их к интимной близости, после чего путем нанесения ударов ножом причинил им телесные повреждения, повлекшие за собой их смерть.

Предкриминальная ситуация

Из протоколов допроса подэкспертного Л. известно, что в день совершения инкриминируемого ему деяния он вышел в вечернее время прогуляться. Увидев, как в один из домов заходят три незнакомые ему девушки, решил, что изнасиловает их и убьет, объясняя это неудовлетворенностью половой жизнью со своей супругой. С этой целью вернулся домой, взял нож и отправился к месту жительства потерпевших. Обойдя дом проживания потерпевших, Л. нашел окно их квартиры, дождался, пока там погаснет свет, после чего начал звонить в домофон по разным квартирам, чтобы войти в подъезд. Когда ему открыли, направился к квартире

девушек. Указал, что дверь в квартиру была не заперта. Выкурив «для смелости» сигарету в подъезде, он зашел внутрь.

Криминальная ситуация.

Проникнув в квартиру, Л. начал угрожать девушкам ножом, требуя, чтобы они не кричали. Он собрал их в одной комнате и велел им раздеться. Угрозами велел потерпевшим лечь рядом друг с другом. После этого изнасиловал двух девушек, а затем взял нож и нанес по три удара всем троим. Одной из потерпевших удалось вырваться и убежать из квартиры. Подэкспертный выбежал за ней и догнал ее на лестничной площадке, нанеся ей два удара ножом, однако, потерпевшая вырвалась и продолжила убежать. Л. догнал ее на улице, нанес еще один удар ножом в шею, после которого девушка скончалась. Оставив тело потерпевшей на улице, Л. вернулся в квартиру.

Посткриминальная ситуация

Для того чтобы скрыть следы преступления, Л. решил сжечь квартиру. С этой целью он сначала поджог матрасы на кроватях, а затем шторы, после чего скрылся. Из показаний коллег, а также жены подэкспертного, известно, что следующие несколько дней подэкспертный выглядел обеспокоенным – неоднократно обсуждал новость о произошедшем убийстве, высказывая опасения, что из-за наличия у него судимостей его арестуют. Через два дня он незаконно присвоил чужой автомобиль и уехал в арендованную в соседнем городе квартиру, рядом с которой и был задержан. При задержании пытался скрыться от сотрудников полиции.

При настоящем обследовании в Центре установлено следующее. Психическое состояние: Подэкспертный ориентирован всесторонне верно. Держится напряженно, сидит в однообразной закрытой позе. Гипомимичен. Выражение лица скорбное. Зрительный контакт не поддерживает, в беседе большую часть времени демонстративно не смотрит в глаза экспертам. Голос тихий, речь интонационно маломодулированная. Фон настроения ситуационно снижен. В контакт вначале вступает крайне неохотно, на

вопросы отвечает односложно, скупое. При затрагивании субъективно значимых тем легко раздражается, голос становится громче, четче, начинает пристально смотреть в глаза, с вызовом требует эксперта самого ответить на его вопрос. Также иногда при беседе на неприятные темы демонстративно стремится прервать разговор, покинув кабинет. Анамнестические сведения сообщает исключительно по вопросам. Себя формально характеризует как доброго, спокойного, отзывчивого, «где-то замкнутого, где-то общительного» человека. Несколько противоречиво говорит, что ему всегда хотелось иметь близких людей, доверительные отношения, однако, у него «не сложилось». Рассказывает, что в детском возрасте пережил сексуальное насилие со стороны сверстников. Заявляет, что чувствовал себя униженным, после случившегося сильно переживал, долгое время боялся выходить на улицу. Вместе с тем отмечает, что после случившегося стал более жестоким, начал «использовать жестокость как защиту». Относительно предыдущего привлечения к уголовной ответственности за убийство рассказывает, что между ним и погибшим произошел конфликт, говорит, что пытался защитить от него незнакомую девушку. Эмоционально рассказывает, что накинулся на погибшего с кулаками, тот в драке сумел его одолеть, тогда он вернулся домой за ножом, а когда во время второй потасовки погибший сумел отобрать у него нож, сходил домой за еще одним. Бравируя, стремясь шокировать врачей, заявляет, что это «не было случайностью», в тот момент действительно испытывал желание убить. При этом внимательно следит за реакцией врачей. В последующем при целенаправленном расспросе удастся выяснить, что подобное желание у подэкспертного возникает периодически, при этом он описывает его скупое, говорит, что в эти моменты испытывает страх «от того, что он такое чудовище».

Об обстоятельствах инкриминируемого деяния рассказывает равнодушно. Сообщает, что в тот день ушел на прогулку, поскольку испытывал раздражение от нахождения рядом с супругой. Рассказывает, что, прогуливаясь по улице, увидел потерпевших и захотел их убить. Заявляет, что

и прежде неоднократно выходил на прогулку, представляя, как убьет кого-либо из прохожих. Сообщает, что некоторое время «мешкался», выбирая между тем, чтобы вернуться домой, пойти в магазин за алкоголем или же проследовать за встреченными девушками. Признается, что некоторое время простоял у двери квартиры, не решаясь войти. Однако, проникнув внутрь и достав нож, испытал «удовлетворение» от страха подчиняющихся его требованиям потерпевших. Отмечает, что слышал, как потерпевшие говорили на родном языке и был уверен, что они молятся, чтобы он их не убил. При этом акцентирует внимание, что не испытывал жалости и сочувствия к девушкам. Указывает, что решил, как будет скрывать следы, еще до проникновения в квартиру потерпевших. Мышление подэкспертного без структурных нарушений. Продолжительность своего выбора и дальнейших противоправных действий описывает как длительную, указывая, что время длилось «бесконечно». Суждения эгоцентричные, категоричные, носят внешнеобвиняющий характер. Интеллектуально-мнестические функции без грубых нарушений. Эмоциональные реакции холодные, неустойчивые, поверхностные, склонен к драматизации, наряду с тенденцией к формированию внутреннего напряжения. Продуктивной психопатологической симптоматики на момент осмотра не обнаруживается. Критика к своему состоянию и сложившейся судебной-следственной ситуации сохранена.

По результатам полуструктурированного интервью испытуемый указал следующие параметры субъективного восприятия ситуации.

- 1) Валентность отношение к ситуации: Нейтральная.
- 2) Интенсивность возникших эмоций оценивает в 10 баллов. Заявляет, что ему было «приятно увидеть» эмоции потерпевших, при этом указывает, что не испытывал эмоций в момент совершения противоправного деяния.
- 3) Направленность внимания на ситуацию оценивает как частичную. Указывает, что мысленно переключался между побуждением

проследить и убить потерпевших и насущными проблемами в совместной жизни с супругой.

- 4) Знакомость ситуации оценена испытуемым как частичная. Сообщает, что и прежде выходил на улицу, представляя, как убьет случайного прохожего. Также вспоминает о прошлом привлечении к уголовной ответственности за убийство, заявляя: «я уже убивал».
- 5) Уверенность в понимании ситуации оценивает в 100 баллов.
- 6) Подконтрольность ситуации также оценивает в 100 баллов, указывая, что от него зависела жизнь потерпевших.
- 7) Субъективное представление о намерениях потерпевших характеризует как желание «спастись от него».
- 8) Субъективное представление о собственных намерениях сообщает спутанно. Утверждает, что хотел изнасиловать и убить потерпевших. Начинает рассуждать, связывая подобное желание с причиненным ему самому физическим и сексуальным насилием и стремлением защитить себя от «жестоккого мира».
- 9) Количество вариантов действий. Сообщает о субъективно доступных 3-х вариантах.
- 10) Характер альтернатив предпринятому действию. Среди альтернатив указывает возвращение домой или же поход в магазин с целью купить алкоголь.
- 11) Ожидаемость ситуации. Ситуацию описывает как частично ожидаемую, указывая, что и прежде выходил на улицу с целью проследить за кем-то и убить, и понимал, «что рано или поздно сорвется».
- 12) Ожидаемость собственных агрессивных действий. Указывает, что допускал совершение им агрессивных деяний в аналогичных ситуациях.
- 13) Ожидаемые усилия. Описывает, что ожидал умеренных трудностей, связываемых с собственной решимостью. Поясняет, что

прилагал усилия для того, чтобы решиться войти в квартиру потерпевших.

14) Представления о дальнейшем будущем согласно описанию испытуемого, носили детальный характер. Указывает, что до осуществления противоправных деяний имел представления о том, как скрыть улики и каким образом уйти из квартиры.

15) Длительность психологической ситуации – от момента возникновения интенции убить потерпевших до осуществления задуманного прошло несколько часов. Субъективно указанное время воспринималось испытуемым как «бесконечное».

Таким образом, у испытуемого обнаруживаются истерическое расстройство личности (F 60.4 по МКБ-10). Об этом свидетельствуют данные анамнеза о присущих подэкспертному Л. на протяжении жизни таких патохарактерологических особенностей, как потребность в ярких переживаниях, легкость вживания в различные социальные роли, отсутствие привязанностей, гипертрофированное чувство самолюбия, жалости к себе, сочетающиеся с конфликтностью, импульсивностью, готовностью к агрессивным действиям по отношению к окружающим, тенденцией к формированию внутреннего напряжения, ригидной фиксацией на обидах, негативных переживаниях, склонностью к пренебрежению общепринятыми нормами и потаканием своим желаниям. Указанное диагностическое заключение подтверждается и результатами настоящего обследования, выявившего у подэкспертного демонстративность, самодраматизацию, преувеличенное выражение эмоций, категоричность, эгоцентричность суждений, склонность к внешнеобвиняющим и манипулятивным формам реагирования, а также эмоциональную холодность и неустойчивость. В рамках дименсиональной оценки у подэкспертного выявляются экстремальные показатели (91%-100% децили) по таким дезадаптивным личностным чертам как Расчетливость, Тщеславие, Расторможенность, Дезорганизация, Эмоциональная отстраненность, Физическая Ангедония. Указанные черты

относятся к следующим личностным доменам: Диссоциальность, Расторможенность, Отчужденность.

На момент юридически значимого деяния испытуемый находился в *бесконфликтной ситуации*. Об этом свидетельствуют объективно-фиксируемые данные предкриминального, криминального и посткриминального этапов, а именно: отсутствие каких-либо предварительных контактов подэкспертного и потерпевших и, соответственно, конфликта между ними. Противоправные агрессивные действия совершались испытуемым с наличием предварительной подготовки – выбор места, времени осуществления деяния, а также предварительное приискание орудия. На посткриминальном этапе испытуемый осуществлял меры по сокрытию следов криминальных действий, а также предпринял попытку скрыться. Указанные факторы ситуации послужили условием для проявления паторахарактерологических особенностей, свойственных истерическому расстройству личности, а также и дезадаптивных личностных черт, относящихся к доменам Диссоциальности, Расторможенности и Отчужденности.

По результату указанного личностно-ситуационного взаимодействия у испытуемого сформировался субъективный образ ситуации, обладающий такими характеристиками, как нейтральная валентность отношения к ситуации с низкой степенью интенсивности возникших эмоций, частичной направленностью идеаторной активности, ее частичной ожидаемостью и полной субъективной подконтрольностью, при длительной продолжительности ситуации и детальном характере прогноза о ее развитии. Указанные характеристики субъективного восприятия юридически значимых обстоятельств не ограничивали количества вариантов действий, среди которых были и неагрессивные альтернативы.

Клинический пример №4.

Подэкспертный М., 55 лет обвиняется по п.п. «а, в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ст. 317 УК РФ, ч. 1 ст. 222.1 УК РФ в совершении убийства трех человек, и посягательстве на жизнь сотрудников правоохранительных органов и незаконных хранения, перевозке и ношении взрывных устройств.

Наследственность психопатологически не отягощена. Раннее развитие без особенностей. Рос спокойным, замкнутым. Обучение в школе начал в 7 лет. В коллективе сверстников к общению не стремился, держался обособленно. Окончил железнодорожный техникум по специальности «погрузочные работы на транспорте». Был призван в армию. Служил в пожарных частях. По возвращению со службы женился, от брака имеет дочь. Тяготясь жизнью в городе, М. уговаривал супругу переехать к его родителям и заниматься сельским хозяйством, однако та категорически отказалась от этого. Подэкспертный вернулся к родителям, где стал заниматься фермерством, оборвав отношения с женой и дочерью. Проживал с матерью, с которой были очень близкие отношения. По месту жительства характеризовался положительно. К уголовной и административной ответственности не привлекался. Согласно показаниям родственников подэкспертный был дружелюбным, спокойным и скрытным человеком, никогда агрессию не проявлял. Он много работал, ухаживая за животными, среди которых особенно любил коров. Из показаний соседей известно, что озабоченность подэкспертного вопросами рогатого скота казалась окружающим избыточной. Согласно показаниям сестры подэкспертного, после смерти матери он сильно переживал, перестал контактировать с родственниками и сильно похудел. В скором времени распродал весь имевшийся скот, объясняя это желанием отдохнуть.

Подэкспертный обвиняется в проникновении, вооруженным огнестрельным оружием на место проживания потерпевшей И.Г. и совершении выстрелов в нее, а также её сына И.Н. и её внука И.А., которые от полученных ранений скончались на месте происшествия. Также он обвиняется в

проникновении вооруженным огнестрельным оружием и взрывчаткой на территорию отдела МВД, где произвел два подрыва, а также открыл стрельбу и ранил сотрудника полиции.

Предкриминальная ситуация.

Из показаний подэкспертного М. известно, что за несколько месяцев до совершенного он продал семье потерпевших корову по кличке Кукла. Утверждал, что его условием было использование данной коровы для дойки и получения телят, однако потерпевшие «обманули и убили» эту корову, а факт об этом попытались скрыть. Признавался, что у него, как и у односельчан имелось «пассивно-негативное» отношение к «курдам», многочисленное количество которых проживало в их селе и в рядом расположенных селах. Рассказал, что на убийство потерпевших решился примерно за один месяц до совершения данных преступлений. «Они убили и съели корову, которую я воспринимал как члена семьи». Отметил, что «курды» его «обидели страшно», обманули и унизили. Сказал, что «по-хорошему» общаться с ними у него не вышло, и он понял, что «нужна сила». Дополнял что убивать ребенка он не намеривался, но был вынужден так как не хотел оставлять свидетелей. Утверждает, что на отдел полиции напал из-за «чувства зависти к их социальному положению». Добавил, что хотел произвести «фурор», «поднять шум и огласку» для населения области, «показать всем, что возможно совершить атаку на защищенный отдел полиции». Хотел создать общественный резонанс и привлечь внимание к своему поступку, не привлекая внимания к своей личности. Дополнял, что отдел полиции он выбрал неслучайно, так как хотел напасть на «более укрепленный отдел» и в котором нет знакомых. Оба намерения он решил осуществить в один день. С этой целью примерно в течение месяца изготовил около 6 самодельных взрывных устройств, для их использования при подрыве входной двери отдела полиции. Также, имея в своем распоряжении карабин и ружье, изменил пороховой состав патронов к ним с целью уменьшения звуков выстрела. Помимо этого он приобрел глушитель для «тихого» убийства семьи

потерпевших. К окончанию подготовки он изготовил самодельное взрывное устройство, которое установил внутри своего домовладения для его разрушения, поскольку не хотел, чтобы дом получили его родственники. С этой целью в двух комнатах он установил газовые баллоны, сверху которых на люстрах были подвешены иницирующие устройства с порохом в оболочках, которые должны были сработать от включения электроэнергии в лампах накаливания. Электрический сигнал к нитям накаливания должен был пройти через многочисленные провода, соединяемые между собой в верхнем этаже сарая домовладения толчком упавшего мобильного телефона от виброзвонка. Сим-карту он купил предварительно и позаботился о том, чтобы данный номер никто не знал, чтобы не иницировать взрывной механизм раньше времени. Также за день до совершения противоправных деяний, с целью маскировки, подэкспертный М. перекрасил свой автомобиль, переделал государственные номера и при помощи трафарета нанес на переднюю левую дверь своего автомобиля эмблему агрохолдинга. За неделю до совершения деяния он дважды выезжал к отделу полиции, осматривал дверь и отмечал наличие камер видеонаблюдения.

Криминальная ситуация.

Ночью подэкспертный на своем автомобиле приехал к дому потерпевших И. При этом он был одет в «страйкбольный» костюм черного цвета и защитный шлем-каска, на руках – перчатки. Зарядив карабин, он прошел через отрытую калитку с заднего двора внутрь. Сначала М. убил двух собак. На шум вышла хозяйка дома, в которую он произвел два выстрела в область живота с расстояния около 2-х метров, в результате чего она скончалась. Затем М. прошел внутрь дома и увидел спавших сына хозяйки и ее внука. Вначале он произвел два выстрела в сторону спящего сына, а затем дважды выстрелил в ребенка. Затем он покинул место происшествия и направился к своему дому, чтобы привести в действие самодельное взрывное устройство, однако довести задуманное до конца у него не получилось, поскольку произошел сбой в механизме. Перед тем как направиться к отделу

полиции, он оставил сообщение знакомому о необходимости присмотреть за поголовьем крупного рогатого скота. Затем он сменил «страйкбольный» костюм и поехал к отделу полиции. Припарковавшись рядом, он надел защитную каску, взял самодельное взрывное устройство, закрепил его на двери отдела и выдернул чеку. Произошел взрыв, после чего подэкспертный взял из машины карабин и ружье. Подойдя ко входу в отдел, он бросил две самодельные гранаты и открыл стрельбу из ружья. При этом пули не пробиты стекло дежурного, за которым находилось два сотрудника полиции, ещё один находился по правую сторону от входа. Ответным огнем М. был ранен в плечо, в связи с этим решил отступить. Отстреливаясь, он покинул здание отдела. Отмечал, что совершил около 8-10 выстрелов из ружья, которое затем заклинило. Из его снаряжения «много чего выпало» – магазины, патроны, прицел и т.п., что осталось в отделе.

Посткриминальная ситуация.

Покинув отдел полиции, подэкспертный выехал из города. Отъехав на значительное расстояние, выпил обезболивающее и сделал перевязку раненного плеча. После он спрятал машину в кустарнике и уснул на водительском сиденье, проспав до вечера. Проснувшись, принял решение поменять место дислокации, в результате был демаскирован сотрудниками правоохранительных органов, которые преследовали его на служебном автомобиле ДПС с включенными проблесковыми маяками и звуковыми сигналами. М. не хотел останавливаться и выполнять их требования. В ходе возникшей погони был ранен в области ключицы и в голову, после чего в бессознательном состоянии задержан сотрудниками правоохранительных органов.

При настоящем обследовании установлено следующее. Психическое состояние. Подэкспертный внешне выглядит опрятно. Продуктивному контакту доступен. Ориентирован в месте, времени, собственной личности верно. Мимика соответствует высказываемым переживаниям. Выражение лица грустное. Соблюдает дистанцию при беседе, вежлив. Неоднократно

извиняется за длительный приход к врачу из-за волочения ноги вследствие полученного ранения в голову. Зрительный контакт с собеседником поначалу поддерживает недолго, в ходе разговора опускает взор. Фон настроения неустойчивый, при обсуждении эмоционально значимых тем на глазах появляются слезы, срывается голос. Голос тихий, эмоционально модулированный. Однако в ходе разговора раскрепощается, мимика становится выразительнее, выражение лица более благодушным, голос громче, начинает длительное поддерживать зрительный контакт. На вопросы отвечает в плане заданного, по существу. Анамнестические сведения сообщает с соблюдением хронологической последовательности. Рассказывает, что с детства был впечатлительным, чувствительным, ранимым. Неудачи принимал близко к сердцу, сильно переживал. Говорит, что от нанесенных ему обид «долго оставался осадок на душе». Поясняет, что он всегда избегал драк, не мог за себя постоять, чувства «держал в себе», иногда «накручивал себя», но ничего поделать с внешними обстоятельствами не мог, «ощущал боль», долго помнил обиды. Вспоминает, что подобные ситуации он всегда переживал «очень беспокойно». Себя характеризует аккуратным человеком, если чем-то занимается, то всегда убирает за собой. Отмечает, что для него важно, чтобы стулья ровно стояли, всё лежало на своих местах, дверь обязательно должна быть закрыта. Со вздохом добавляет: «Но до идеала далеко». Говорит, что всегда жил замкнуто, к общению с людьми не стремился. В одиночестве чувствовал себя комфортнее. Вспоминает, что окружающие не спешили принимать его в своё общество. Говорит, что только мама принимала его таким, какой он есть, со всеми достоинствами и недостатками. При упоминании матери не может сдержать слез, голос срывается, хватается за ртом. После паузы извиняется, поясняет, что у него была сильная привязанность к матери «до последнего дня». Тепло отзывается о родителях. Отмечает, что они были трудолюбивыми, ответственными, спокойными людьми. Даже в состоянии алкогольного опьянения отец никогда не позволял себя обижать мать. Говорит, что с детства был приучен к земле, постоянно

помогал родителям, не боялся никакой работы. Говорит, что жил «тихомирно», хоть и беспокойно временами, поскольку переживал из-за взаимоотношений с людьми. Однако никогда не жаловался родителям на трудности. Вспоминает, что во время обучения в техникуме он жил в другом городе, снимал квартиру, при этом каждые выходные рвался домой к родителям. Заявляет, что в коллектив его «никогда не тянуло», поскольку «всегда ожидал подставы, обидных слов, грубостей». Свободное время предпочитал проводить за чтением, любил думать, фантазировать. Это приносило ему особое удовольствие: «У меня образное мышление, я часто фантазировал». Рассказывает, что женился он только потому, что «нужно было создавать семью». О супруге и дочери отзывается прохладно. Разрыв отношений объясняет тем, что жена не захотела переезжать в деревню, а он, в свою очередь, не смог жить в городе – «тянуло к родителям, к земле». Делится, что находясь дома, периодически ощущал дискомфорт от того, что понимал «сверху, снизу и по сторонам соседские семьи». Сообщает, что его «трудно вывести из себя». При этом добавляет: «Если вывести, я могу себя не контролировать». Рассуждая, добавляет, что он «заметил некоторую закономерность». Поясняет: «Если накладывается несколько негативных событий, я не успеваю адаптироваться. Идёт планка». В качестве примера приводит ситуацию, когда однажды летом коровы шли домой – их надо было загонять, надвигалась гроза, а на поле лежало сухое сено – нужно было его срочно накрыть, помимо этого «роились пчелы» и в этот момент он услышал голос матери: «На огороде наркоманы ищут мак». Говорит, что в тот момент на него «накатил паника – не знал, за что хвататься». Вспоминает, что у него «пошла планка» – заскочил в дом, схватил ружье, выстрелил в воздух. Говорит, что таким образом он решил напугать непрошенных гостей. Сообщает, что с конца 90-х годов он очень много работал, вел хозяйство, «не знал, что такое отдых». В 1991 году вступил в общество охотников, однако и там к общению не стремился. В первое время «стрелял зайцев и лис», а потом стало жалко животных, охотиться перестал, однако интерес к оружию не

пропал – сначала купил ружье, потом «более современное оружие», много читал, интересовался темой. Добавляет, что самодельные гранаты – это исключительно его «фантазия». В ходе беседы признается, что относится к правительству «резко отрицательно», «всё возмущает». Говорит, что «сейчас ценится только воровство». Крайне возмущен тем, что подняли пенсионный возраст.

Свое отношение к ситуации инкриминируемых деяний характеризует как резко негативное. При этом заявляет, что, если вернуть время назад, то он поступил бы точно также: «Единственное, о чем жалею – это ребенок! Его не должно было там быть!». Рассказывает, что продал семье курдов корову и даже рад был, что её не надо было отправлять «на мясо». Заметно волнуясь, сообщает, что корова для него была «как член семьи». Добавляет, что продавал корову с условием, что она будет жить, кормить телят. Вспоминает, что при этом у него были «нехорошие» предчувствия. Через три дня после продажи он поехал к потерпевшим домой и увидел во дворе «шкуру», сразу понял, что эти люди «убили корову». При этом отмечает, что убежден, что шкура принадлежала именно проданной им корове, «никаких сомнений не было, я ее шкуру всегда узнаю». Был глубоко опечален, длительное время переживал, постоянно вспоминал о животном, мысленно возвращался к моментам когда заботился о корове, когда продавал ее и когда увидел ее шкуру. Делится, что «не мог уйти от воспоминаний о ней». Признается, что желание отомстить погибшим у него возникло «в тот же момент», но от решительных действий его остановила мысль о матери: «Что с ней будет, если она останется одна». Говорит, что когда мать умерла, и это стало «последней каплей». Заявляет, что после кончины обоих «членов семьи» он «не мог не отомстить им, ничего другого не оставалось». При этом дополняет, что единственным соразмерным наказанием была бы смерть обидчиков. Рассказывает, что «затаил обиду, обдумывал и готовил план мести». Эмоционально заявляет: «Этим людям тоже надо отвечать за свою деятельность! Нужно нести ответственность!». За 3 месяца распродал почти все хозяйство, готовился к убийству, делал гранаты,

готовил оружие, обдумывал план нападения. Искал информацию в интернете, как заглушить звук выстрелов. Отмечает, что ему «было важно, чтобы всё получилось», поэтому он тщательно выбирал день, чтобы погода соответствовала, «дождь мог помешать». Вспоминает, что в день убийства он специально оделся в чёрное, чтобы быть незаметным в темноте. Отмечает: «Я в первый раз убивал людей, но ни волнения, ни страха не испытывал». При прицельном расспросе четко отграничивает, что убивать собак ему было жалко – чувства ещё были. Однако, подойдя к дому, чувства пропали. Стал кидать камушки на крышу дома, чтобы жильцы вышли на шум. Когда на крыльцо вышла хозяйка, он почти сразу выстрелил ей в живот. Вспоминает, что потом зашел в дом и «в полумраке увидел её сына», в которого также выстрелил. Рассказывает, что и мальчика ему пришлось убить, чтобы «не было свидетелей», ведь необходимо было всё сделать «четко». Отмечает, что в момент убийства мальчика ему не было его жалко, однако позже, сидя в машине, чувства появились, «подумал, что зря это сделал». Рассказывает, что нападение на отдел полиции он также тщательно спланировал. Говорит, что оба деяния необходимо было совершить обязательно в один день: «Если сделать что-то одно, то второе в другое время не получилось бы». Говорит, что нападение на отдел полиции для него было приоритетнее, так как это «протест против власти», настойчиво связывая «заселение области курдами» с «повсеместной коррупцией» и «политикой вырождения исконного населения». Специально выбирал «наиболее зачищенный отдел полиции, чтобы вызвать общественный резонанс». Ехал на преступление хорошо экипированным – жилет, шлем, аптечка «на случай ранений». Утверждает, что спланировал все так, чтобы при нападении его убили, однако ожидаемых им событий не произошло, «никто не вышел», пришлось вернуться в машину и уехать в лесополосу, где он выпил таблетку обезболивающего, поскольку был ранен в плечо, перевязал рану. В машине была еда, но есть он не захотел, пил воду, потом немного поспал. Затем некоторое время думал, что делать дальше и в итоге принял решение покинуть город, однако ему не удалось этого

сделать, так как вскоре обнаружил за собой погоню. В отделении на протяжении всего периода экспертного наблюдения был упорядочен в поведении. Без конфликтов общался с соседями по палате. В отношении медперсонала был всегда вежлив, учтив. Эмоциональные проявления лабильные, адекватны вызвавшему их поводу. Суждения категоричные. Запас знаний соответствует полученному образованию и образу жизни. Память без грубого снижения. Продуктивная психопатологическая симптоматика (бред, галлюцинации и пр.) не обнаруживается. Целостное критическое осмысление своего состояния, сложившейся судебно-следственной ситуации и прогностические способности сохранены.

- 1) Валентность отношение к ситуации: Негативная.
- 2) Интенсивность возникших эмоций оценивает в 100 баллов. Заявляет, что испытал «ранее невиданную обиду», «безысходность» и ярость.
- 3) Направленность внимания на ситуацию оценивает как полную. Утверждает, что даже посредством волевых усилий не мог избежать воспоминаний об убитом животном и «обмане», к которому, по его убеждению, прибегли потерпевшие.
- 4) Знакомость ситуации. Ситуацию оценивает как незнакомую. Рассказывает, что прежде, продавая или приобретая скот с таким обманом не сталкивался.
- 5) Уверенность в понимании ситуации оценивает в 100 баллов. Выражает убежденность, что потерпевшие изначально намеривались и точно убили его корову. Продолжает рассуждения по поводу селения курдов в окрестностях, также безапелляционно заявляя о намеренном выселении и вырождении русских из его области.
- 6) Подконтрольность ситуации также оценивает в 0 баллов, указывая на то, что животное убили, обманув его. Заявляет о том, что государство поощряет «такие преступления» и что у «простого человека» нет возможности что-либо изменить.

- 7) Субъективное представление о намерениях потерпевших характеризует как стремление «нажиться любым способом».
- 8) Субъективное представление о собственных намерениях описывает как желание «отомстить и наказать», а также показать людям, что «нужно бороться».
- 9) Количество вариантов действий. Сообщает о субъективно доступном единственном варианте.
- 10) Характер альтернатив предпринятому действию указать затрудняется.
- 11) Ожидаемость ситуации. Ситуацию описывает как частично ожидаемую, указывая на то, что уже и ранее замечал массовое заселение окрестностей курдами, и что «не ожидал от них ничего хорошего», поэтому продавал корову, «чувял неладное».
- 12) Ожидаемость собственных агрессивных действий. Указывает, что несмотря на «падение планки» в стрессовых ситуациях, прежде не решался в конфликтах «достойно ответить», в силу чего агрессивных действий от самого себя не ожидал.
- 13) Ожидаемые усилия характеризует существенными. Сообщает, что опасался, что какая-нибудь часть плана могла не сработать и принципиально хотел сделать «все правильно», в силу этого «готовился максимально».
- 14) Представления о дальнейшем будущем согласно описанию испытуемого, носили детальный характер.
- 15) Длительность психологической ситуации от момента возникновения интенции убить потерпевших до осуществления задуманного прошло 3 месяца.

Таким образом, у подэкспертного М. обнаруживается тревожное расстройство личности (F60.61 по МКБ-10). Об этом свидетельствуют данные анамнеза о присущих ему на протяжении жизни, а также выявленных у него в результате настоящего обследования таких патохарактерологических

личностных особенностях как малообщительность, скрытность, неуверенность в себе, чувствительность к средовым воздействиям, повышенная тревожность, недоверчивость, аффективная ригидность, склонность к фиксации на отрицательных переживаниях с тенденцией к самовзвинчиванию. В рамкахdimensionальной модели диагностики расстройств личности у испытуемого не выявлено экстремальных показателей каких-либо дезадаптивных личностных черт.

Наряду с этим, согласно результатам анализа материалов уголовного дела и данных настоящего обследования в период, относящийся к инкриминируемым ему деяниям, у М. наблюдалась сверхценная реакция с характерной фиксацией на негативных переживаниях, связанных с взаимоотношениями с потерпевшими, руминативными, навязчивыми рассуждениями и ростом эмоциональной напряженности, кататимностью и своеобразием логики принятия решений, снижением критических способностей, ригидности поведенческих стратегий с недооценкой социально значимых аспектов.

Таким образом, на момент юридически значимого деяния испытуемый находился в *бесконфликтной ситуации*, о чем свидетельствуют установленные объективно-фиксируемые параметры ситуации – отсутствие каких-либо взаимоотношений испытуемого с потерпевшими (помимо продажи скота) и какого-либо открытого противостояния на предкриминальном этапе. Криминальные действия испытуемого были осуществлены с длительной предварительной подготовкой, с отсутствием какого-либо сопротивления со стороны потерпевших, а также наличия свидетелей деяния. На постприкриминальном этапе испытуемый предпринимал ряд действий, направленных на уход от преследования и сокрытие содеянного.

Указанные объективно-фиксируемые параметры ситуации послужили условиями для проявления психопатологического состояния испытуемого в виде сверхценной реакции, результатом чего стал определенный характер

восприятия юридически значимых обстоятельств. Так, несмотря на продолжительный временной промежуток между возникновением интенции к совершению противоправных деяний и их реализацией, а также наличия детального прогноза дальнейшего развития ситуации, испытуемый М. воспринимал обстоятельства инкриминируемого деяния как незнакомые, частично ожидаемые и полностью неподконтрольные. Будучи абсолютно уверенным в правильной их трактовке, испытуемый отнесся к ситуации резко негативно с максимально высокой степенью интенсивности возникших эмоций и полной идеаторной охваченностью. В совокупности указанные параметры восприятия привели к сокращению субъективно доступных вариантов действий до одного.